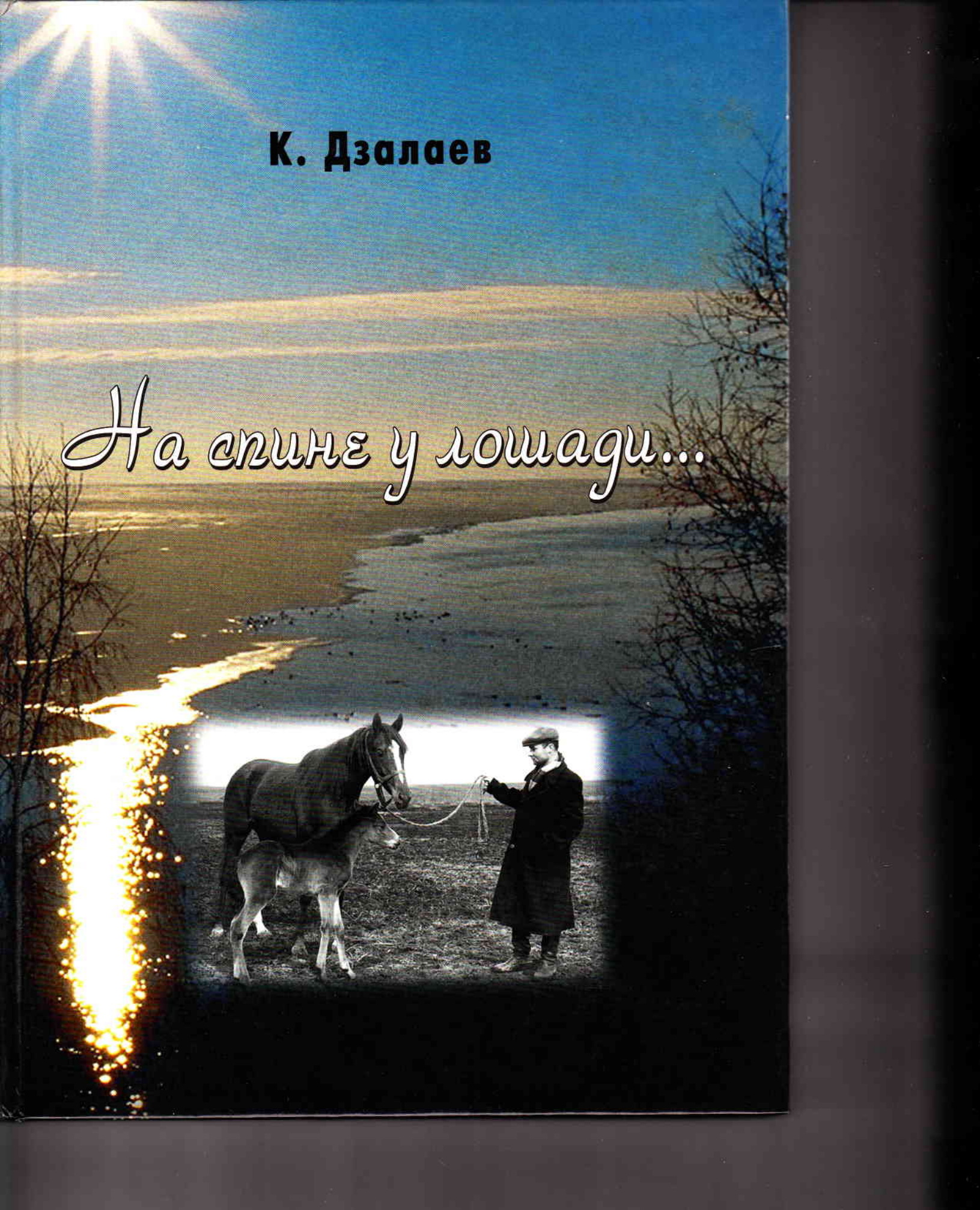

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

К. Дзалаев

На спине у лошади...

К. ДЗАЛАЕВ

На спине у лошади...

Уфа
Издательство «АВТОР»
2002 г.

Вероятно, у каждого из нас, кто с юности связал жизнь с одной ограниченной сферой общественной жизни — профессией — и не изменил ей на протяжении многих лет (а в случае со мной — более полувека), есть что-то такое, что нам кажется важным, интересным, о чем необходимо поведать людям.

Повествование в этом случае принимает мемуарный, автобиографический характер, и перед рассказчиком возникают две сложности. Первая: то, что казалось значительным, при изложении на бумаге в форме слов, становится как бы мельче и обыденнее; вторая — не вызвать у читателя чувство, что книга написана из тщеславия.

Поэтому, посвящается она моим родным и близким, друзьям и соратникам живущим и ушедшим.

Надеюсь также, что книга эта будет небезынтересна и тем, кто хотя бы отдалённо приобщён к коннозаводству и скачкам.

ISBN-5-93102-006-3

*“В минном поле прошлого копать
Лучше без ошибок — потому,
Что на минном поле ошибаться
Просто абсолютно ни к чему.”*

И. Губерман

Жизнь людей складывается из случайностей и во многом зависит от этого, но затем из случайных эпизодов выстраивается некая закономерность и предопределённость.

Отец мой родился в одном из самых высокогорных сёл Кавказа — в Цейском ущелье Северной Осетии в 1888 году. В этом селе в то время никто не регистрировал ни дня ни месяца рождения, а поэтому его днём рождения стал день Рождества — 7 января.

В самом начале века в село приехал навестить родню двоюродный дядя отца, служивший где-то под Москвой в имении графа Рибампре, который держал конюшню на Московском ипподроме.

Увидев лихо скакавшего без седла мальчишку, он уговорил каким-то образом моих деда и бабушку, увёз его и оставил, ни слова не говорящего по-русски, в Москве на конюшне.

Имя отца — Маце, но его стали звать на русский манер Максимом. Когда надо было официально выписывать паспорт, записали ещё вместо имени деда Пленка — Пётр. Так отец стал Максимом Петровичем Дзалаевым.

Безусловно, он был способным в езде, и уже в 1908–14 гг. стал жокеем и даже принимал участие в скачках со знаменитостями того времени: Болотовым, Хатисовым, Камбеговым, Винкфильдом, Головкиным.

В 1914 году отца призвали в армию. В конце войны он попал на турецкий фронт, был ранен, а далее — революция, и он

с кем-то из сослуживцев оказался в Ташкенте, где в то время было небольшое осетинское землячество. Там он и познакомился с моей мамой Еленой Дзугаевой.

Мама к тому времени была сиротой и жила у родственников. Её мать — украинка, оставив двух маленьких детей, уехала на родину из Осетии, вероятно не выдержав национального характера отношений к молодой снохе со стороны родни мужа. Отец — Константин Дзугаев, юрист по образованию — умер в 1918 году, заразившись в поезде тифом.

Горькая сиротская жизнь у родни и заставила мать в семнадцать лет выйти замуж за тридцатипятилетнего отца, настойчиво добивавшегося своей цели. Они прожили вместе сорок два года, нажили шестерых детей. Первый мальчик, Костя, умер маленьким от осложнения после кори (в больнице застудили и допустили пневмонию). Эта нелепая смерть малютки (4 года) сделала двадцатипятилетнюю мать седой, и с тех пор она никогда не допускала госпитализации детей, как бы мы ни болели. А было нас ещё пятеро: три сестры, я и самый младший брат.

Львовский ипподром, 1948 г.. С выигравшем приза Дерби отца поздравляет М.Т. Калантар /первый слева/

Вспоминается рассказ мамы об одном эпизоде из жизни семьи в конце двадцатых годов и разгула басмачества. Чтобы прокормить семью, отец верхом выезжал в отдаленные узбекские аулы разжиться продуктами питания, и в один “прекрасный” день был схвачен басмачами.

Его доставили к местному курбаши, оказавшемуся, к счастью или несчастью, давним знакомым отца. Курбаши не только отпустил его с миром, но снабдил едой и дал охранную грамоту на обратную дорогу. Вероятно, отец кому-то рассказал об этом и вскоре был арестован органами НКВД. У него была найдена та самая грамота, и ему было предъявлено обвинение в связях с басмачами.

Несмотря на молодость, мама проявила невероятную активность, продала всё, что было ценного в доме, и с помощью А.В. Шкургина — начальника конной части Ташкентского завода наняла известного адвоката Домбровского, который смог убедить суд в невиновности отца, выпущенного на свободу после шести месяцев тюрьмы.

По тому времени мама была достаточно образованной (четыре класса дореволюционной гимназии) да и фамилия Дзугаевых в Осетии была в числе просвещённой интеллигенции. Братья моего деда были офицерами, инженерами, священниками. Моя тётя по матери Софья Дзугаева-Бритаева — профессор института мозга, членкор АМН, почётный член многих иностранных академий.

Победа в Международном призе г. Москвы, 1968 г., жер. Акташ, к/з “Восток”. Справа налево: жокей В. Ковалёв, А.З. Саламов, посол СССР в ГДР Абрасимов, К. Дзалаев, Н. Насибов

Пишу об этом потому, что мама, несмотря на тяжёлую жизнь, прожитую в провинции (а где ещё могут быть конные заводы?), пережив голодные тридцатые годы, войну и послевоенную полунищенскую жизнь, настояла и добилась того, что все дети закончили школы и получили высшее образование.

Это при том, что отец все годы, начиная с марта и до октября, был на ипподромах страны далеко от нас. Только те, кто представляет все тяготы сельской жизни многодетной семьи (на конном заводе была только семилетка), сможет понять и оценить этот поистине материнский подвиг.

В 1923 году в пригороде Ташкента был организован конный завод № 68 для выращивания англо-текинских лошадей. Туда и пришёл работать в качестве тренера и жокея отец. Вскоре заводу были выделены земли в Средне-Чирчикском районе с центром в посёлке Уразаевка.

Ташкентский конный завод очень быстро, уже в начале тридцатых годов, стал одним из лучших коневодческих хозяйств страны. Лошади его пользовались большим спросом среди мастеров конного спорта, и многие из них стали чемпионами и призёрами всесоюзных и международных соревнований по выездке и конкуррам. Племенное поголовье завода было основой многих племенных хозяйств не только Узбекистана, но и других регионов Средней Азии, а также шли в советскую кавалерию под офицерское седло.

Безусловно, это стало возможным благодаря замечательным специалистам и руководителям конного завода, и в первую очередь Анатолию Владимировичу Шкургину — начкону и директору с 1925 по 1955 год. Он был не только блестящим селекционером и хозяйственником. Его высокий авторитет среди руководителей отрасли помогал ему комплектовать завод чистокровными производителями высокого класса.

В качестве знатока чистокровного дела Шкургин выезжал в 35–36 годы в Англию по закупкам жеребцов. В одной такой поездке произошёл небольшой конфуз.

Мама в 18 лет

Отец (в центре) 35 лет

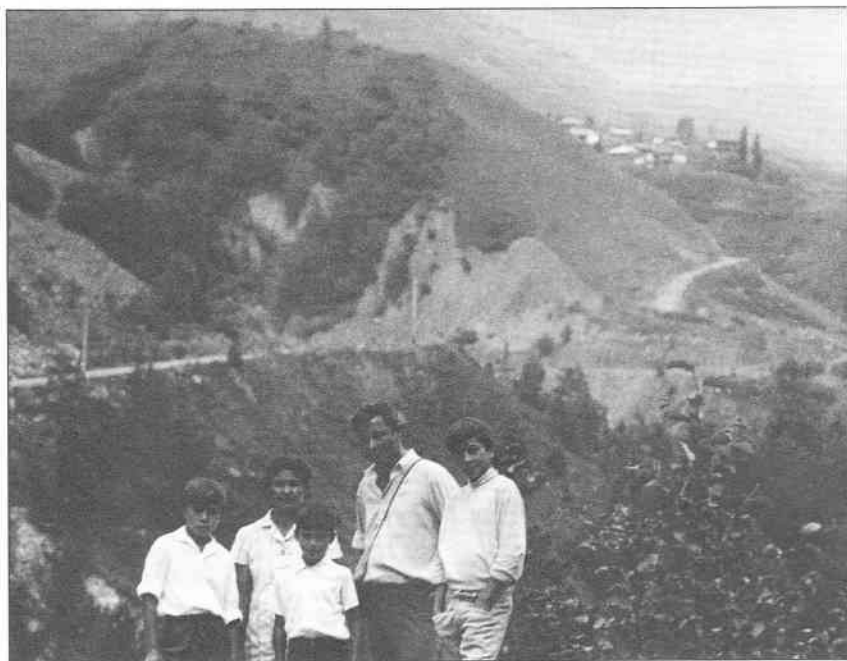
Мой дед, 1917 год

Я с сестрой и мамой, 1934 год

Отец и я с директором А.В. Шкургиным

С. Цей с горскими племянниками. Вдали родовой дом.

После долгих поисков, нашли нужного жеребца, которому было уже много лет. Менеджер завода обещал посодействовать в его приобретении, так как считал, что жеребец без ущерба, с учётом его возраста, может быть продан.

Но когда он стал убеждать хозяина в целесообразности продажи старой лошади, владелец спросил: “А кто её покупает?” Услышав, что это “русские”, сказал: “Если этот жеребец нам не нужен, пристрелите его, но русским, которые убили царскую семью, я его никогда не продам”.

Это — в порядке отступления, но Шкургин приобретал для страны хороших производителей, в том числе для своего завода жеребца Найт’с-Гифта из Ирландии, оставившего на заводе очень ценных кобыл.

Уже в двадцатые годы на заводе стояли два внука великого, трижды венчанного* в Англии, Галти-Мора: Формидабль и Глассис II; выводной из Австро-Венгрии Зидих-Фюр; отлично скакавшие сын Герцога Негус — победитель приза Республики — рекордист на 4800 метров и Спартак от Бембо и Радости. Далее на завод поступили жеребцы ещё более высокого класса. Очень породистый, дельный и хорошо скакавший Сатир завода Леона Манташева, сын Солтпитра от Ст. Саймона — непобедимого скакуна и основателя лучшей в мире линии и знаменитой Глори внучки Бенд-Ора.

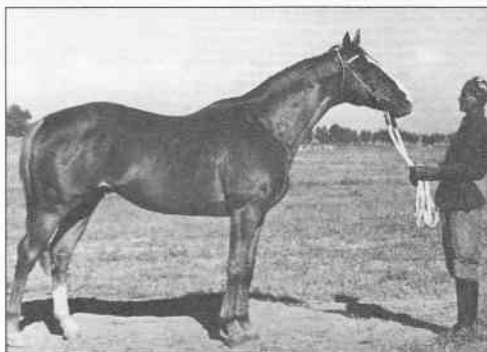
С середины тридцатых и до конца сороковых годов на заводе продуцировали такие выдающиеся жеребцы как дербист Даго, два сына Гранита II — Гугенот и Загар, Испыт победитель больших призов в Москве; Гелиотроп, сын трижды венчанного Будынка и Гитары от Тагора — победительницы приза Дерби.

* Трижды венчаный в Англии — выигравший в один год три главных приза: 2000 гиней (в России — Большой Летний для трёхлеток) на 1600 метров, Дерби — на 2414 метров, и Ст. Леджер — на 2800 м. (в России приз им. С.М. Будённого для трёхлеток).

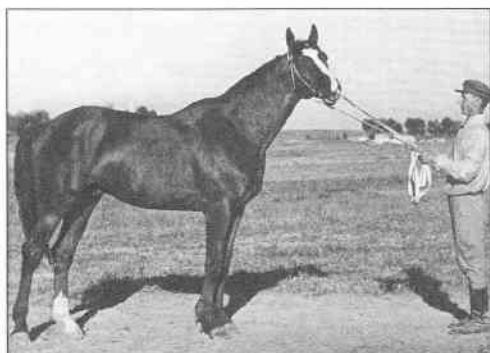
Трижды венчаный в СССР — выигравший двух лет приз им. Калинина (теперь Большой двухлетний приз), трёх лет — Большой Всесоюзный (теперь Всероссийский) — Дерби — и четырёх лет — приз СССР, теперь приз Президента России. ОКС — Большой приз для кобыл трёх лет. Для каждой породы, также как для чистокровной верховой, разыгрываются традиционные призы под теми же наименованиями.

Гугенот

Загар

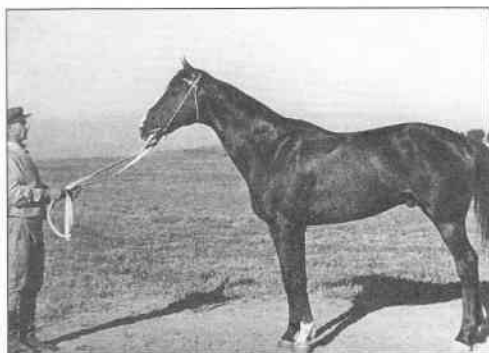
Гелиотроп

Англо-текинский Этюд

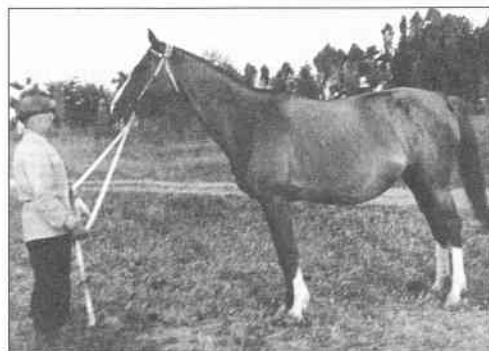
Испыт

Даго

Англо-Текинская кобыла
Эрна

Англо-Текинская кобыла Гуль
Джахан

Нужно отметить, что после Ташкентского конного завода жеребцы Загар и Испыт с успехом использовались на лучшем чистокровном заводе “Восход”.

Творчески использовался и ахалтекинский племсостав. Знатоки этой породы могут подтвердить, что для воспроизводительного скрещивания поступали лучшие экземпляры чистопородных ахалтекинских жеребцов и маток. Как правило, кровность по чистокровной верховой породе в потомстве поддерживалась на уровне от 1/2 до 7/8 с отбором в производящий состав лучших по экстерьеру и работоспособности.

В целом завод остался у меня в памяти как отлично организованное, ухоженное предприятие. Прекрасные сады и виноградники, зелёные насаждения, оросительные арыки и хаузы делали его настоящим оазисом. Всё это привлекало на завод талантливые кадры специалистов, тренеров, жокеев. В сороковые годы на завод переехала жить одна из самых талантливых художников-анималистов Е.А. Петракова — дочь царского генерала Александрова, добровольно передавшего свой конный завод государству. Её картины украшают сейчас многие музеи, несколько работ есть и в моей коллекции.

Отец мой проработал на заводе с 1925 по 1950 год и много сделал для его славы. Лошади его тренотделения на ипподромах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Львова, Фрунзе, Алма-Аты четырнадцать раз выходили победителями в главном призе Дерби и десять раз в призе им.Калинина в соревнованиях со всеми заводами страны полукровного и высококровного коннозаводства.

Он одним из первых в СССР получил за подписью С.М. Буденного, который знал его лично, удостоверение мастера-тренера.

Он сам до 56 лет нередко скакал на своих лошадях, выиграв в 1932 году Дерби на жеребце Смайке (Спартак — Коррида), в 1936 году — приз им. Калинина на жеребце Балет (Сатир — Баллета) и в 1943 году — на кобыле Агава (Гелиотроп — Атлантида).

*1931 г. Москва. Жеребец Смайк — победитель приза Республики.
Тренер Дзалаев Максим Петрович, жокей Юханов Семён Ильич*

“Среднеазиатский тигр” называли его в среде конников, и это при его очень мягком и покладистом характере. Последний раз он надел камзол и выиграл скачку в год своего шестидесятилетия в 1948 году. Я помню, когда он слез с лошади, его шата-ло, и на вопрос: “как ты себя чувствуешь?” ответил: “дыхалки не хватает”.

Можно вспомнить много интересных моментов в его долгой скаковой жизни, в том числе курьёзных и трагических. Приве-ду один.

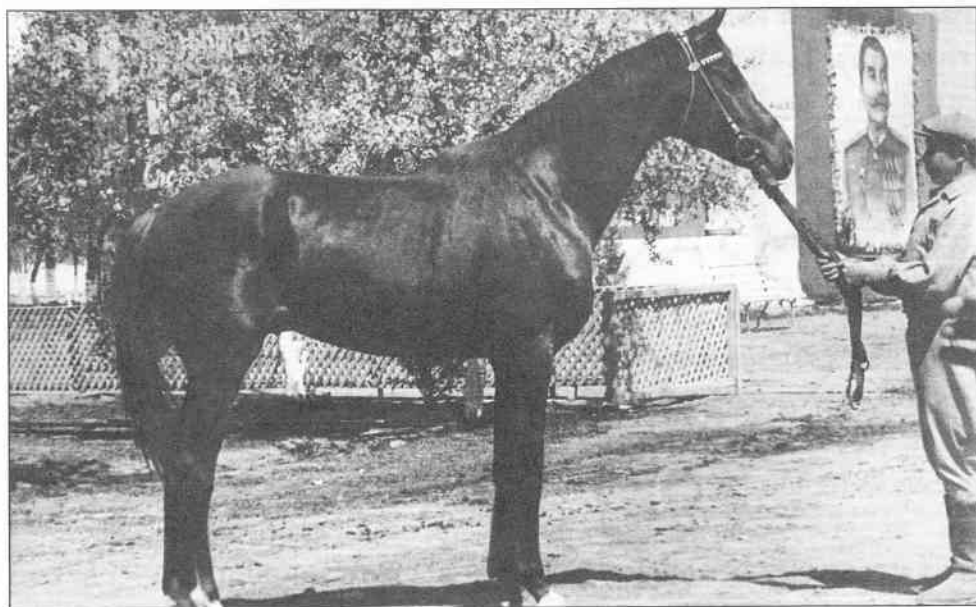
В 1937 году в Ташкенте разыгрывается Дерби, участвуют лучшие лошади многих конных заводов, в том числе жеребец Балет, на котором отец сам выиграл ранее Большой двухлетний приз. Весь сезон с Балетом соперничал жеребец Зейнал Иссык-Кульского конного завода №54.

В субботу, накануне скачек, прошёл сильный дождь и сде-лал грунтовую дорожку Ташкентского ипподрома грязной и скользкой. Отец вызывает с завода коваля Алексея Михайлен-

ко, который подковывает Балета с шипами на передних зацепах чуть длиннее допустимых норм. Знают об этом только тренер, жокей и коваль. Во время скачки на финишной прямой идёт упорная борьба, и Балет выигрывает Дерби, на корпус опередив Зейнала. В эйфории успеха и, как обычно, обильных возлияний, жокей Зиганшин забыл указание отца расковать Балета. Утром на выводке лучших лошадей перед представительной комиссией с участием Наркомзема, директоров и начконов конных заводов Балет “подыграв” встал несколько раз на дыбы. Начкон Иссык-Кульского завода М.И. Карабугаев — опытный специалист и земляк отца — заметил шипы и говорит: Максим, подними ногу Балета. Отец отвечает: Мурат, ты младше меня и поднимай сам. Короче — скандал. Специальной комиссии было поручено разобраться и принять решение. Подковы были отправлены на экспертизу в Наркозем, и после жарких споров был вынесен вердикт: шипы короткие, нарушение незначительное, Дерби остаётся за Балетом, но тренер лишается призовых наград.

Если бы на этом всё кончилось...

Жокей Илья Костенко с Англо-Текинским жеребцом Дорогой, 1950 г.

Последние старты и победы отца как жокея

Вечером, на совместном застолье конюхи Иссык-Кульского и Ташкентского заводов, после споров, кто лучше — Балет или Зейнал — перешли в рукопашную и иссык-кульские стали одолевать ташкентских. Один из конюхов ташкентского завода побежал с криком “наших бьют”. На беду, этот крик услышал коваль Михайленко и, находясь тоже под сильным градусом, выручая своих, ударил ножом старшего конюха иссык-кульского завода, скончавшегося затем в больнице. Так соперничество на скаковой дорожке закончилось трагедией.

Прощаясь в воспоминаниях с Ташкентским конным заводом, расскажу об одном эксперименте, проводимом там Шкургиным совместно с учёными-иппологами — разведением коне-куланов.

Кто не знает — кулан или онагр дикое животное рода лошадей, внешне что-то среднее между ослом (но крупнее: около 140 см в холке) и лошадью, очень сухой, крепкой конституции.

И что особенно важно — необычайно прочными конечностями и феноменальной резвостью на свободе, до 74 км в час. Масть буланая с характерным чёрным ремнём по спине и крупу. Сейчас на планете их осталось очень мало, и они занесены в Международную Красную Книгу. Обитали куланы и в предгорьях Тянь-Шаня, примерно в 100 км от конного завода. В середине тридцатых годов одной экспедицией с помощью армейских кавалеристов была сделана попытка отловить несколько особей, но загнав насмерть десяток лошадей, не смогли догнать взрослых животных.

При погоне была застрелена одна куланиха, а её годовалый сосун доставлен на завод. Кличку ему дали Меле. Это был совершенно дикий и даже агрессивный жеребёнок. Для него обустроили специальную конюшню с паддоком, обнесённым кирпичным забором, который несколько раз надстраивали, т.к. Меле пытался его перепрыгнуть. Меле долго приручали, и всё-таки более-менее миролюбиво он вёл себя только с одним человеком — бригадиром рабочей конюшни Н. Луенко. Я помню, как в 1942 году

Луенко вызвали в райвоенкомат, где задержали на два дня. И пока Шкургин хлопотал об отсрочке его призыва в армию, в конюшню к кулану пошёл другой конюх — Телегузов. Меле набросился на него, и тот еле вырвался из денника покусанный и окровавленный.

Когда Меле подрос, в пaddocke был сооружён специальный случной станок, где у четырёхлетнего Меле начали искусственно получать сперму. Задача была поставлена такая: получать помесей разных поколений, сочетая феноменальную крепость конституции куланов, их резвость на свободе с выдающимися качествами чистокровной верховой и ахалтекинской пород.

В годы войны я видел первые ставки полукровных помесей. Это были довольно элегантные животные значительно выше ростом (на 5–6 см) своего отца, и когда табун молодняка на выпасе вдруг срывался и нёсся во весь опор, резвость доходила до 70 км/ч. В двухлетнем возрасте лучших из них, и особенно добронравных (а таких было совсем немного) поставили в тренотделения по 2–3 головы, в т.ч. и в отделение отца.

Я даже помню их клички: жеребчик Гулистан и кобылка Новинка. У большинства из них не удалось преодолеть дикий нрав, и к весне в тренинге осталось 3–4 головы, в т.ч. две отцовские — Гулистан и Новинка — уже в апреле способные делать резвый галоп на 500 метров за 35 секунд.

Это настолько обнадёжило авторов эксперимента, что Шкургин на Всесоюзном совещании конников сенсационно заявил: в ближайшие годы помеси следующих поколений конекуланов будут скакать и обыгрывать чистокровных лошадей на Московском ипподроме.

Учитывая принадлежность куланов к подроду лошадей, были уверены, что конекуланы будут плодовиты в отличие от мулов, но они оказались также бесплодны. В 1950 году эта работа была прекращена, а Меле передан в ташкентский зоопарк.

Зимой 1949–50 г. отец поехал в отпуск навестить свою мать, которой было уже более 90 лет. Вернувшись, заболел тоской по родине.

Этому еще способствовала встреча с руководителями коневодства Северной Осетии, наобещавшими ему "золотые горы" и работу тренера на организуемом Осетинском конном заводе. Как ни уговаривал его А.В. Шкургин, в возрасте 62-х лет отец резко меняет жизнь: мы уезжаем на Северный Кавказ.

Свой добрый след в коннозаводстве отец оставил, воспитав в своем тренотделении Ташкентского завода из беспризорных мальчишек-сирот талантливых жокеев: Борис Росяк — сын знаменитого тренера Росяка, пропавшего во время войны, Илья Костенко — впоследствии скакавший на Московском ипподроме и выигравший Большой Всесоюзный приз на Регеле Опытного конного завода Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства и международный приз на Задорном.

В его конюшне работали известные жокеи: Иван Шемарыкин, выигравший Дерби на Фаталисте и Атлантиде; Болотов — победитель Дерби на Самуре и приза им. Калинина на Марате. Своим учителем считает отца один из самых известных жокеев и тренеров Средней Азии Григорий Левадный.

После отъезда семьи, я попал на завод только через двадцать семь лет. Сохранив старое название, он представлял собой жалкое зрелище. Сама усадьба превратилась в заурядный аул. Прimitивное коннозаводство с разношерстным поголовьем. Полное отсутствие того, что мы называем коннозаводческим порядком. Исчезли великолепные яблоневый и персиковый сады, выкорчевали виноградники. Начался этот упадок в середине 50-х годов с так называемой "хрущевщины". Директора заставили отдать лучшие земли под хлопчатник, конюшни — под скот, а так как он всячески старался противодействовать развалу своего детища, местные власти начали гонения на него лично и вынудили уехать. Вероятно, это было для А.В. Шкургина таким горьким разочарованием,

что прожил он совсем немного и умер от сердечного приступа сравнительно молодым: в возрасте шестидесяти лет.

Известно одно изречение: у отца было пятеро детей, все нормальные, а один стал футболистом. В моем же случае — конником.

Старшая сестра Надежда — педагог, завуч, директор школы, партийный работник. Другая — Инесса, закончив технический вуз, работала главным инженером телецентра во Владикавказе, затем на Гостелерадио и сейчас — вице-президент и финансовый директор Межгосударственной телерадиокомпании. Младшая Альбина — связист, сотрудник Министерства связи. И самый наш младший — Заурбек — юрист.

Я же (тот самый ненормальный) родился в Ленинграде в роддоме рядом с ипподромом, где мы жили, так как отец находился там круглый год с лошадьми Ташкентского конного завода. Наверное, воздух ипподрома, которым я дышал с первых дней жизни, а потом все детство на конном заводе рядом с отцом, а для него конюшня была смыслом жизни, стало формированием моей судьбы. И конечно, то, что отец не возражал против моего раннего увлечения лошадьми, а даже наоборот.

Да и чем еще мог увлечься мальчишка в тех условиях? На весь поселок только у одной девочки (дочери Шкургина — Дины) был велосипед, и когда она выезжала покататься, мы, подростки, толпой бежали вслед за ней по пыльной дороге, чтобы хоть прикоснуться к этому чуду и как бы приобщиться к катанию.

Лет в десять я упросил отца посадить меня в седло скаковой лошади. До этого я уже прилично ездил на рабочих лошадях и в седле и без него. Мама пыталась остудить мое увлечение. Отец открыто ей не возражал, но по субботам в 4–5 утра я через окно убегал на проездку. Потом я начал проделывать эти фоку-

Студент техникума, 1949 год

сы и в дни, когда нужно было в восемь утра быть в школе. Спали мы с отцом в одной комнате. Чтобы не проспать, я привязывал ему к ноге, а себе к руке нитку, и опять, чтобы мать не заметила, через окно убегал в конюшню. После поездки мчался домой, получал хороший нагоняй — и в школу. Так продолжалось до окончания седьмого класса. К этому времени я уверенно садился на любую лошадь. В 1946 году начал выступать в скачках на Ташкентском ипподроме.

В этом же году из-за отсутствия на конном заводе десятилетки, решено было поступать в техникум, и, конечно, я выбрал ветеринарный.

В то время старшая сестра была студенткой юридического института, вышла замуж за студента, родила дочку, и они все ютились в одной маленькой комнатке. Так что мне, четырнадцатилетнему, пришлось жить в общежитии. Это было рискованно, так как в то время Ташкент был самым криминальным городом страны: в войну сюда бежало все ростовское, одесское и прочее жулье. Со мной в комнате общежития жили, например, Сергей Шавенков, отсидевший три года за разбой и Захид Яхин, всю войну проводивший в штрафной роте. Представьте их образ жизни... Но все обошлось. К чести этих людей надо сказать, что несмотря на криминальное прошлое, оба они учились хорошо, особенно Яхин, и после окончания техникума стали работать по специальности.

Начиная с апреля, я стал бегать на ипподром, часто пропускал занятия, запуская учебу. Зато регулярно участвовал в скач-

ках. К 1948 году имел более тридцати побед и звание ездока. Помоему, отцу это очень импонировало. Между нами было полное согласие в том, что я стану профессиональным жокеем и тренером. Так бы оно и было, но домой из техникума поступило письмо по поводу моих "блестящих успехов" в дисциплине и учебе. Немедленно приехала мама, выдала нам с отцом по полной программе. Пришлось взяться за учебу, тем более, что к шестнадцати годам я стал быстро набирать в росте и весе.

В 1949 году я закончил техникум в числе пятипроцентников с правом поступления в институт без экзаменов. Ближайший ветеринарный институт был в Самарканде. Поехал я туда в августе, но на ветфак набор уже был закрыт. На другой факультет поступать я отказался и вернулся домой. Здесь на Ташкентском конном заводе и началась моя официальная трудовая деятельность.

Правда, к труду на селе приобщаются рано. Лет с семи-восьми я и мои сестры должны были помогать маме. Особенно летом, ведь отец всегда в это время был в отъезде на скачках. Надо было ухаживать за коровой — нашей кормилицей: убрать в сарае, накосить траву, встретить её из стада, накормить поросенка, почистить хлев и т.п.

Уже в школьные каникулы с десяти лет, а затем и учась в техникуме, помимо работы в конюшне мы привлекались на разные летние работы в хозяйстве конного завода и особенно во время сеноуборки. Ребятам это нравилось, потому что работа была связана с ездой на лошадях. Сейчас вряд ли кто помнит скирдовку тех лет. Подседланная лошадь в хомуте, к которому прикреплен длинный канат с трехметровой палкой, заостренной на конце. Подъезжаешь к копне сена, обводишь канат вокруг нее, под основание копны вгоняешь палку, и поехали к месту скирдования. Там с одной стороны скирды большой деревянный настил с сеткой, на который мы ввозим десяток копен. Трос от сетки перекинут на другую сторону скирды к двум мощным волам в ярме. "Цоб-цобе" — и сено наверху, где два мастера-укладчика завершают дело. Та-

ким образом начиналась "трудовая деятельность в годы войны", за что, по-моему, даже существует какая-то пенсионная льгота.

В сентябре 1949 года я был принят на работу в качестве вет-техника конного завода. Опыт, полученный на этой работе, дал мне очень много еще и потому, что руководили ветлазаретом профессор Харьковского ветеринарного института Г. Бабич, попавший на завод по эвакуации, и многоопытнейший фельдшер З. Бородай.

Хозяйство было с многоотраслевым животноводством, но моей основной функцией было ветобслуживание конной части. Помимо чисто лечебной работы лазарет контролировал случную кампанию, выжеребку. Ни один жеребенок не рождался без присутствия ветработника. До сих пор помню, как принимал ночью сложные роды с неправильным положением плода. Жеребенок появился на свет неживым. Вызвал главврача, приехал сам Шкургин. Я чувствовал, что меня подозревают в оплошности. И только проверка легких жеребенка на всплытие в воде подтвердила, что он погиб еще в утробе. Гора с плеч.

Проводился обязательный ежедневный ветеринарный обход и осмотр всех подразделений конной части. Кузница и ковали находились в ведении ветлазарета, и их работа контролировалась нами. За неполный год работы (до отъезда семьи) мне пришлось иметь дело со многими непростыми ветеринарными манипуляциями, в т.ч. с операциями такими сложными как рорер (свистящее удушье), нагнёт холки и т.д. Конечно, все под наблюдением профессора.

Пишу об этом, потому что сейчас на заводах ветслужба свелась к профилактическим прививкам, а врачи устранились даже от таких важных исследований во время случной кампании как степень созревания фолликула, ранняя диагностика жеребости, предслучная проверка состояния и пролечивание родополовых путей кобыл и качество семени жеребцов. А это является обязательным условием достижения высокой плодовитости, чего явно недостает нашему коннозаводству.

Особенно это касается чистокровной верховой породы в силу того, что порода более 250 лет совершенствуется в искусст-

венных и даже тепличных условиях содержания, утратив тем самым природную жизнестойкость и плодовитость. Специалисты знают, что заболевания и гибель кобыл, жеребцов и молодняка даже среди этой породы случается с наиболее выдающимися, высококлассными лошадьми, так как физиологически они более других требовательны к условиям содержания и кормления.

Я закончил ветеринарный техникум, а затем зоофак Московской ветеринарной академии, но опыт жизни убедил меня в том, что специальность — зоотехник или зооинженер надуманная. На конном заводе главной ответственной фигурой должен быть высококвалифицированный врач, который в силу своего образования обязан знать технологию кормления и содержания, вопросы отбора, подбора и т.п. Но, конечно, он должен быть конником в душе. Кстати, во всех странах с высокоразвитым коннозаводством и ипподромным делом так оно и есть. А для решения организационных вопросов на крупном заводе достаточно иметь хорошего менеджера или управляющего.

Сейчас, когда рассказываю детям и внукам о своей жизни и работе в семнадцать лет, вижу в их глазах некоторое недоверие: не очень ли сгущаю краски. Но вот, например, такой эпизод. Осенью 1949 года конный завод должен был принять и перегнать из Чимкентского мулзавода семьдесят племенных ослиц бухарской породы для мулопроизводства. Мулы поставлялись нашим заводом как незаменимые вьючные и тягловые животные для армии, особенно погранвойскам. Поручается это дело мне и двум табунщикам. Директор везет нас в Чимкент. Принимаем табун. Шкургин уехал, а мы на вьючных лошадях отправились с табуном ослиц в обратный путь. Пройти надо было около трехсот километров по сложной, пересеченной местности предгорья.

С табуном нами был принят еще и осел-производитель особой ценности по кличке Рокомболь пуатусской породы, импортированный из Франции. Ему было около двадцати лет. Двигаться он мог не более тридцати километров в сутки. Десять дней и но-

чей этого изнурительного похода с ночевками (по ночам уже были заморозки) прямо на трассе — и вот мы на месте.

Встречает нас все начальство, поздравляют с прибытием, начкон принимает табун по списку и обнаруживает, что нет одной ослицы. Пересчитываем снова: одной "красавицы" нет. Шкургин приказывает: меняйте лошадей и отправляйтесь на поиски. Зашел домой, рассказываю маме, она в слезы: пойду к директору, что он зверь что ли? Ребенка решил угробить. Кое-как успокоил ее, перекусил, и мы снова пустились в путь. Нам повезло: на второй день мы нашли беглянку в одном из горных сел ингушей, высленных в Азию. Когда пригнали ослицу на завод, директор приказал объявить нам благодарность и выдал премию, но с тех пор ослы вызывают у меня аллергию.

В 1950 году на нашем заводе проходил практику студент зоофака Московской ветеринарной академии Емельянов, который и надоумил меня поступать именно туда. Шкургин же перед нашим отъездом на Кавказ спросил меня, буду ли я учиться дальше и посоветовал Московский зоотехнический институт коневодства, который он сам закончил в 1923 году. Мало того, написал хорошо характеризующее меня письмо директору института Колпакову.

В конце мая мы всей семьей через Москву, где я сдал документы в ветакадемию, приехали во Владикавказ. Погостили у бабушки в родном селе Цее, а затем отбыли на новое место работы отца — село Ачилуки — в восьмидесяти километрах от столицы Осетии, на так называемый конный завод. По простоте душевной отец, поверив начальству осетинского Минсельхоза на слово, получил приказ на перевод и не проверил перед отъездом, что это за завод. Видно, уж очень ему хотелось на родину. На самом же деле, конный завод был только в проекте, а пока в степи стоял один дом барачного типа без элементарных бытовых условий и большой сарай с полсотней англо-кабардинских кобыл.

Ни одной головы молодняка для тренинга не было. В школу детей надо было возить за шесть километров. Ну, в общем, ничего хуже придумать было невозможно. Мне надо было уезжать

в Москву на приемные экзамены, и я с тяжелым сердцем оставил всех унылыми, а маму горько плачущей. Это был июнь, а в сентябре мать, отчаявшись, написала письмо в Москву в Главное управление коневодства и коннозаводства о том, что отцу здесь делать нечего, жить с детьми невозможно. Из Москвы пришел новый приказ на перевод отца на Ставропольский конный завод № 170. Кстати, через шесть месяцев комиссия из Москвы выявила крупные хищения со стороны директора и главбуха этого неродившегося конного завода, и он был расформирован.

Приехав в Москву, поселился в общежитии ветеринарной академии (МВА) и стал готовиться к приемным экзаменам на зоотехнический факультет, потому что видел свое будущее только в работе с лошадьми. Перед самым началом экзаменов стало что-то страшно, особенно за экзамен по физике. Попросив у секретаря приемной комиссии — аспиранта Гены Калачева дать на время мои документы я поехал в Голицыно под Москвой, где располагался Московский институт коневодства (МЗИК). Зашел к директору, передал ему записку А. Шкургина Тот прочел, поговорил со мной минут пять, вызвал секретаря, и через десять минут я стал студентом.

Вероятно, слово академия или то, что я был уже ветеринаром — не знаю, но снова выпросив свои документы на время под расписку, я благополучно сдал приемные экзамены в МВА и оказался зачисленным сразу в два вуза. Выбрал последний. Кстати, через три года МЗИК был ликвидирован, последний курс влили в нашу академию, а остальные переехали в Ижевск.

Описывать полуголодную студенческую жизнь тех лет не очень интересно, но первый семестр запомнился надолго. В конце августа во время приемных экзаменов общежитие было практически пустым, жил я в комнате один. Однажды выйдя поиграть в волейбол в старом спортивном хлопчатобумажном костюме и тапочках, вернувшись нашел дверь комнаты и чемодан взломанными, а все вещи украденными. Отправляя в Москву, родители, собрав последние гроши, прилично экипировали меня,

и вот я практически гол как сокол. В деканате сжалились и выдали небольшую сумму, которой хватило на штаны, рубашку и ботинки, купленные по дешевке. Долго не писал родителям, зная их возможности, но наступали холода... Как уж они, бедные, там выкручивались, но прислали деньги, и на Перовской барахолке я смог кое-как одеться с учетом наступающей зимы. Но, как поется, "недолго музыка играла...". Бедному Иванушке — везде камушки. В январе нового 1951 года поехали с друзьями на каток в парк им. Горького. Разделись, переобулись в раздевалке, взяв на прокат коньки с ботинками. Катался я не очень хорошо — южанин, часто падал, и вдруг обнаружил, что потерял номерок от сданной одежды. Поиски не дали результатов. Подъезжаем к гардеробной. "Ваши вещи недавно забрали", — говорят мне. Кинулись с ребятами во все стороны парка ко всем выходам — пусто. Это был поистине удар ниже пояса: на мне тот же старенький хлопчатобумажный лыжный костюм, мороз минус 17°, коньки с ботинками сдал. Кто-то из ребят дал мне галоши, и пока добрались до общежития, я схватил воспаление легких. Во всей этой истории самыми тяжелыми были мысли о родителях, каково им будет морально и материально. Знаю, что отцу пришлось брать зарплату за два месяца вперед, чтобы опять одеть "везучего" сына.

Но все это издержки провинциального парня, попавшего в столицу нашей великой родины. В целом же пятилетняя учеба в Москве протекала нормально. Первые два курса с общеобразовательными дисциплинами заставили напрягаться. Самым трудным предметом для меня была ботаника с ее гербариями, пестиками и тычинками. Экзамен принимал профессор, академик Лев Мельсихидекович Кречетович, незадолго до этого опубликовавший свой труд "Ядовитые растения в СССР". Прежде чем отвечать по билету, я нагло заявил, что прочел его замечательную книгу. Старый академик был так растроган и обрадован, что ни я ему, а он мне стал рассказывать о прелестях ботаники. Попросил зачетку и поставил пятерку.

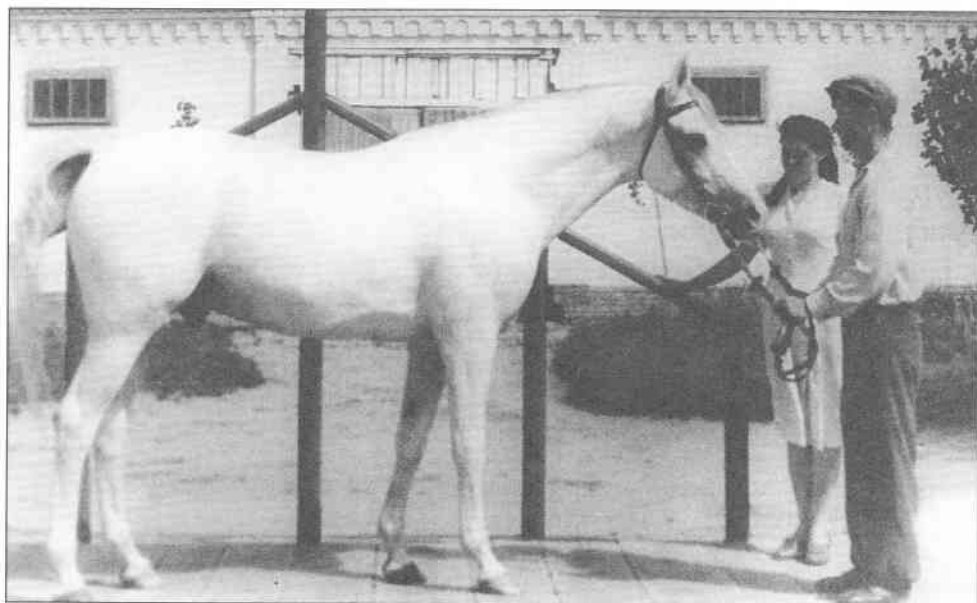

После второго курса учиться стало легче, даже стал получать повышенную стипендию, но все равно, чтобы как-то пополнять скудный бюджет ходили с ребятами в порт или на грузовую станцию разгружать баржи с овощами и вагоны с углем.

Конечно, самым любимым предметом было "Коневодство", тем более, что преподавали нам, за исключением В.О. Витта, самые маститые ученые-иппологи: Хитенков, Яковлев, Шпайер, Калинин, Шнель.

На первую производственную практику в 1953 году поехал на Ставропольский конный завод, где уже третий год работал отец.

Поехал не один, а с женой — однокурсницей Светланой, преподнеся тем самым новый сюрприз родителям, особенно отцу, который надеялся, что женюсь я на осетинке и, конечно, не так рано. Еще более шокирующим это было для родителей Светланы. Отец ее П.Т. Бабаев был видным военачальником, и свою дочь видел замужем только за офицером. А тут какой-то сту-

*На практике на Ставропольском конном заводе 1953 г.,
с селекционером Н. Оглоблиной*

дент, да еще "Казбек". Но жизнь показала, что это был неплохой вариант, и вот уже пятьдесят лет мы вместе.

Ставропольский конный завод, в то время еще военный — огромное хозяйство: сорок четыре тысячи гектаров земли, из которых распахивалось около десяти тысяч. Остальные — ковыльные степи, шесть отделений, около четырех тысяч племенных лошадей, 1200 конематок новой отечественной породы — терской. Опыт, полученный на этой практике, дал мне чувство уверенности, когда я через два года приехал на этот завод на самостоятельную работу.

Директором завода был полковник И. Косаренко, начкон — капитан А. Сивченко, помощник начкона — старший лейтенант Е. Оглоблин, хотя все, кроме них, специалисты и рабочие были гражданские. Однако дисциплина среди работников конной части — военная.

Настоящим учителем в коневодстве и особенно культурнотабунном такого масштаба считал и считаю Александра Павловича Сивченко, привившего мне за время практики серьезные навыки селекционной и организационной работы в полукровном коннозаводстве.

Почти ежедневно я проезжал с ним верхом или на тачанке по сорок, а иногда и больше километров от табуна к табуну, решая вопросы формирования косяков, бонитировки, случки, выжеребки, отбора в производящий состав, тренинг, культгруппу, для поставки в армию.

На заводе тогда была единственная легковая машина у директора, и мы в дни больших призов на Пятигорском ипподроме, а это пятьдесят километров в один конец, выезжали туда на легкой тачанке рано утром, а вечером возвращались на завод.

Я еще вернусь к деятельности А.П. Сивченко, его заслугам перед коннозаводством страны и Ставропольским конным заводом, где он проживает и сейчас. И дай бог ему здоровья.

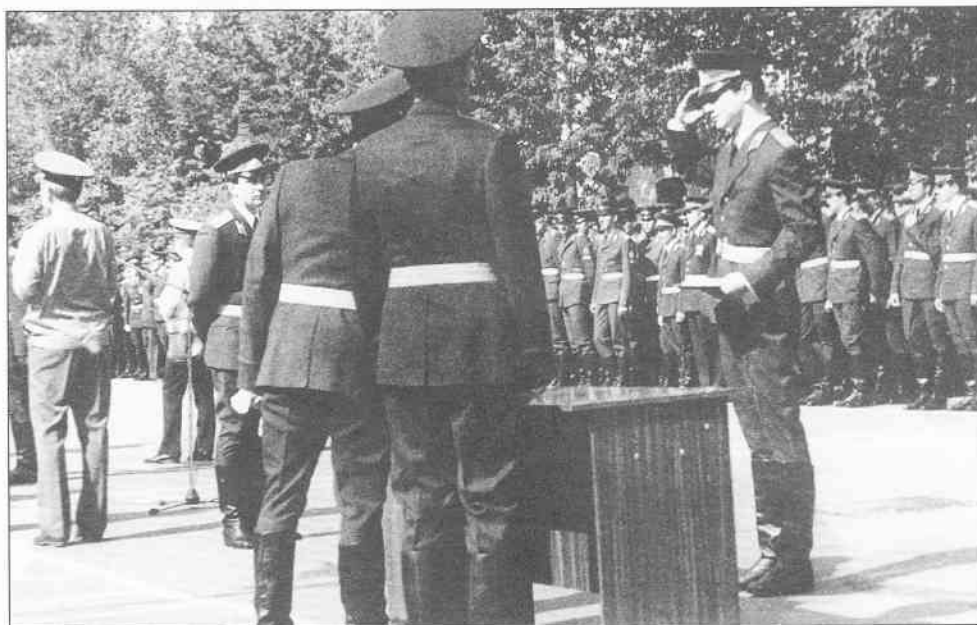
Вторым человеком, которого считаю своим учителем, укрепившим во мне сознание, что работать я должен только в коневодстве, был незабвенный Авраам Захарович Саламов, работав-

Александр Дзалаев, капитан кавалерийского полка

Отец Светланы — Павел Тимофеевич Бабаев с внуками Сашей и Максимом

Максим Дзалаев принимает присягу офицера

ший в те годы начконом Ессентукского конного завода № 112. Туда я поехал на самую большую, полугодовую производственную практику в 1954 году.

Этот завод располагался в десяти километрах от Пятигорского ипподрома, что давало возможность все лето наблюдать скаковой сезон. Это было тем более интересно, что в 1954 году на ипподроме испытывались лошади терской и арабской пород, чистокровной верховой и полукровных пород.

К тому времени Ессентукский конный завод имел уже вполне удовлетворительный маточный состав, производителями стояли такие известные жеребцы как Сектор II — один из самых лучших сыновей Тагора, победитель призов: Дерби, СССР, им. С.М. Буденного, Вступительного, Прощального. Он уже дал классных Спрута, Сунгура, Грассека. Стратега, Сосну III и Гассану. На заводе стоял сын самого Блендфорда — основателя линии в чистокровном коннозаводстве — Бугонвиль. А.З. Саламов сумел привлечь хорошие кадры тренеров и жокеев. Работали там в то время такие мастера как П. Бероев, Г. Назаров, Ф. Долгополов, А. Лагунов. Ими были выращены и выявлены серия отличных скакунов. Таких как дербист Аргонавт, Диабаз, Альбумин, Габитус, Тубо, Бекар, Бур и др. Выдающаяся Гильза III — победительница больших призов, рекордистка, основательница ценнейшего в СССР маточного семейства, ставшего впоследствии ядром производящего состава Кабардинского конного завода № 94.

А.З. Саламов, и это могут подтвердить многие, знавшие его, был одним из самых талантливых специалистов чистокровного коннозаводства наряду с Владимиром Николаевичем Самоволовым, Михаилом Тиграновичем Калантаром, Евгением Евгеньевичем Готлибом. По натуре он был очень энергичным, жизнелюбивым и добрейшим человеком. Когда он говорил о лошадях с кавказским пылом и фанатичной любовью к ним, то казалось, что ничего интереснее и важнее в мире нет.

Однажды, уже будучи директором Кабардинского конного завода на выводке перед очень высокопоставленными гостями

С А.А. Саламовым /крайний справа/ на Конгрессе в Берлине 1967 г.

*С Б. Камбеговым —
профессором академии
им. Тимирязева
на Московском ипподроме*

во главе с первым секретарём обкома Кабарды Т. Мальбаховым, рассказывал о достоинствах лошадей с таким жаром, что Мальбахов подал реплику: "Саламов, наверное, лошадей любит больше, чем людей". На что Авраам Захарович ответил: "Может быть и так, потому что лошади никогда не делают подлости людям". Для такого ответа у него в то время были основания.

На Ессентукском конном заводе было еще и Курсавское отделение с полукровным коневодством, где командовал в качестве помощника Саламова Б.Д. Камбегов — еще в военной форме капитана. Б.Д. Камбегов — ныне доктор наук и профессор академии им. К.А. Тимирязева, сын выдающегося жокея и тренера до-революционного и советского времени. На этом отделении готовились лошади для пополнения кавалерии, а в 1954 году — для поставки большой партии в Северную Корею. Меня, как фельдшера, привлекли к этой работе, а затем и к сопровождению эшелона до станции Отпор на границе с Кореей.

Но сразу после сентябрьского пленума ЦК, где с присущими ему безапелляционностью и хамством (даже лично в адрес С.М. Буденного), выступил Хрущев, назвав конников "кочубеевцами", захватившими лучшие земли Северного Кавказа и Дона. На местах, как всегда, стали рубить с плеча, и одним из первых был расформирован Ессентукский завод. Саламов уехал начальником производственного отдела Львовского ипподрома. Через два года он вернулся на Кавказ на сохранившийся Кабардинский конный завод сначала начконом, а затем директором. И здесь снова в полную силу проявились его энергия и талант. Завод в конце пятидесятых и в шестидесятые годы сделал резкий скачок в классе и стал основным конкурентом "Восхода" во всех главных призах на всех ипподромах СССР. Дербисты и призеры Дерби: Гарлем, Лангет, Терек, Боппард, Дагмар; оксистки: Пломба, Лаба, Либерия, Гласная, Догадка, Гребенка, Апофема; Большого 2-х летнего им. Калинина: Загон, Лангет, Риголетто. И это только на Московском ипподроме за короткий период с 1960 по 1970 год. Победителями в международных скачках ста-

ли питомцы Кабардинского конного завода Регистратор, Лаба, Либерия, Пломба, Аргонавт.

Работая затем директором Пятигорского ипподрома, А.З.Саламов много сделал для улучшения его деятельности. В 1976 году он был командирован в Англию для закупки жеребца-производителя, в результате которой в страну был завезен Афинс Вуд. Я считаю, что этот выбор был его триумфом как селекционера. Помимо того, что Афинс Вуд хорошо скакал, его родословная насыщена выдающимися именами как со стороны отца и, что особенно важно, со стороны матери. Афинс Вуд был десять лет чемпионом-производителем СССР. Он дал трех дербистов, четыре оксистки и много других классных лошадей.

Но покупка этого жеребца стала для Саламова и причиной серьезной психологической травмы, когда подошедший к границе Афинс Вуд заболел и его две недели продержали в карантине. И тут, как у нас водится, злые языки распускают слухи, что

Дзалаев К.М.

Выпускники Московской ветеринарной академии, 1955 год

Дзалаева С.П.

Саламов купил больного жеребца. После того, как от Афинса Вуда в "Восходе" стали рождаться первые жеребята, опять поползли разговоры о том, что он дает плохих, инфантильных, беднокостных жеребят. Эмоциональная натура Саламова не выдержала, дала сбой, и с ним случился сердечный припадок, от которого он, прожив еще несколько лет, так и не смог оправиться.

Заканчивалась учеба, и распределялись на работу около ста пятидесяти человек двух выпускных курсов двух институтов. Из курса, перешедшего к нам из МЗИКа, очень многие претендовали на работу на конных заводах, а мест было всего пять. На комиссии присутствовал начальник Главка коневодства П.П. Парышев, сказавший, что на меня пришла заявка от Северо-Кавказского треста конных заводов, куда в свою очередь поступила просьба Ставропольского конного завода. Конечно, это было сделано не без помощи моего отца.

К тому времени у нас родился сын, и с двухмесячным ребенком в апреле 1955 года прибыли на завод. Сначала поселились на конной части у родителей, а потом получили квартирку рядом с ними. Квартирка представляла собой две малюсенькие комнатки, из удобств — только печка, которую топили стеблями кукурузы или местным "торфом"-кизяком. Электричества не было, вода в артезианской колонке за 150 метров от дома. Зато с каким воодушевлением мы принимали участие в рытье ям под электростолбы через год. И как только подключили свет, мы помчались в магазины Пятигорска и купили электроутюг, настольную лампу и проигрыватель с кучей пластинок. Жизнь повеселела. Помню, как мама гладила белье и напевала под музыку проигрывателя. И это было счастье.

Жена Светлана начала работать селекционером продуктивного животноводства. Добиралась пешком на работу в контору на центральную усадьбу четыре километра в один конец, в распутицу еле вытягивая ноги из жирной грязи. Впрочем, и две младшие сестренки тоже несколько лет оттопали по этой дороге в школу, не ленясь зачастую пройти ее еще раз вечером, чтобы

1958 г.. Конхутор Ставропольского Конного завода, начкон, селекционер и сын Саша

посмотреть в клубе кинофильм, например, "Карнавальную ночь", про другую и, казалось, несбыточную для нас жизнь...

Коннозаводство же переживало тяжелейшее время: выполнялись "исторические" решения сентябрьского пленума ЦК. В маточном составе сохранилось всего 150 голов, а все остальное поголовье за исключением отъемышей, культгруппы, двух тренотделений и армейского ремонта разгонялось куда угодно, продавалось, передавалось и сдавалось на мясокомбинат.

Никогда не забуду одну трагедию в связи с этим. Осенью был собран табун молодняка для отправки на минераловодский мясокомбинат, и своим ходом, с табунщиками утром двинулись в путь. Бедные лошади, видно, чувствовали, что им уготовано и примерно за 20 километров до конца пути табун вдруг сорвался и повернул назад домой, на всем скаку влетая в ямы, канавы, калечась и погибая. Два дня мы со слезами на глазах собирали их искалеченных и погибших. Потом я узнал, что такое же творилось на других крупных заводах и особенно на Дону.

С.М. Буденный обратился в Политбюро ЦК, и через год ситуация чуть-чуть смягчилась, но урон был нанесен ужасный, так как не давали времени провести серьезный отбор в производящий состав. Даже не учитывалось то обстоятельство, что Ставропольский конный завод был единственным в стране, разводящим новую отечественную породу верховых лошадей, за выведение которой всего несколько лет до этого авторы были удостоены государственной премии.

Управление отраслью было потеряно, вся власть отдана партийным органам. И хотя номинально Главк и трест в обрезанном виде существовали, на местах с ними не считались. Уже в конце 1954 года ушел с завода А.П. Сивченко вместе с директором И. Косаренко на конный завод № 168 им. Сталина, который меньше затронула эта беда, так как он расположен в горах. Начконом пришел на завод Ф.Д. Письменский. Очень опытный, много лет проработавший в табунном коневодстве Дона.

В связи с моим приездом, он был переведен управляющим 2-го отделения, на котором располагалась почти вся конная часть, и первое время очень ревностно относился к моим действиям, часто отменяя мои указания бригадирам табунов. Пришлось ставить перед директором Г.И. Фроловым вопрос ребром: или я или Письменский. Но постепенно мы нашли с ним общий язык и, уезжая с завода в 1956 году начконом в Малкинский конзавод №34, он даже подарил мне свой личный замечательный комплект для верховой езды с наборным серебром.

В этот период на Ставропольском конном заводе происходили коренные изменения в хозяйственной деятельности. В течение 1955–57 гг. было распахано около 25 тысяч гектаров целинных и залежных земель, занимаемых в основном под пшеницу, с одновременным резким увеличением поголовья овец (до 40 тысяч), свиней, крупного рогатого скота. Производимое зерно, под жестоким контролем и давлением партийных органов, почти все вывозилось на элеватор и, как правило, животным не хватало концентрированных кормов.

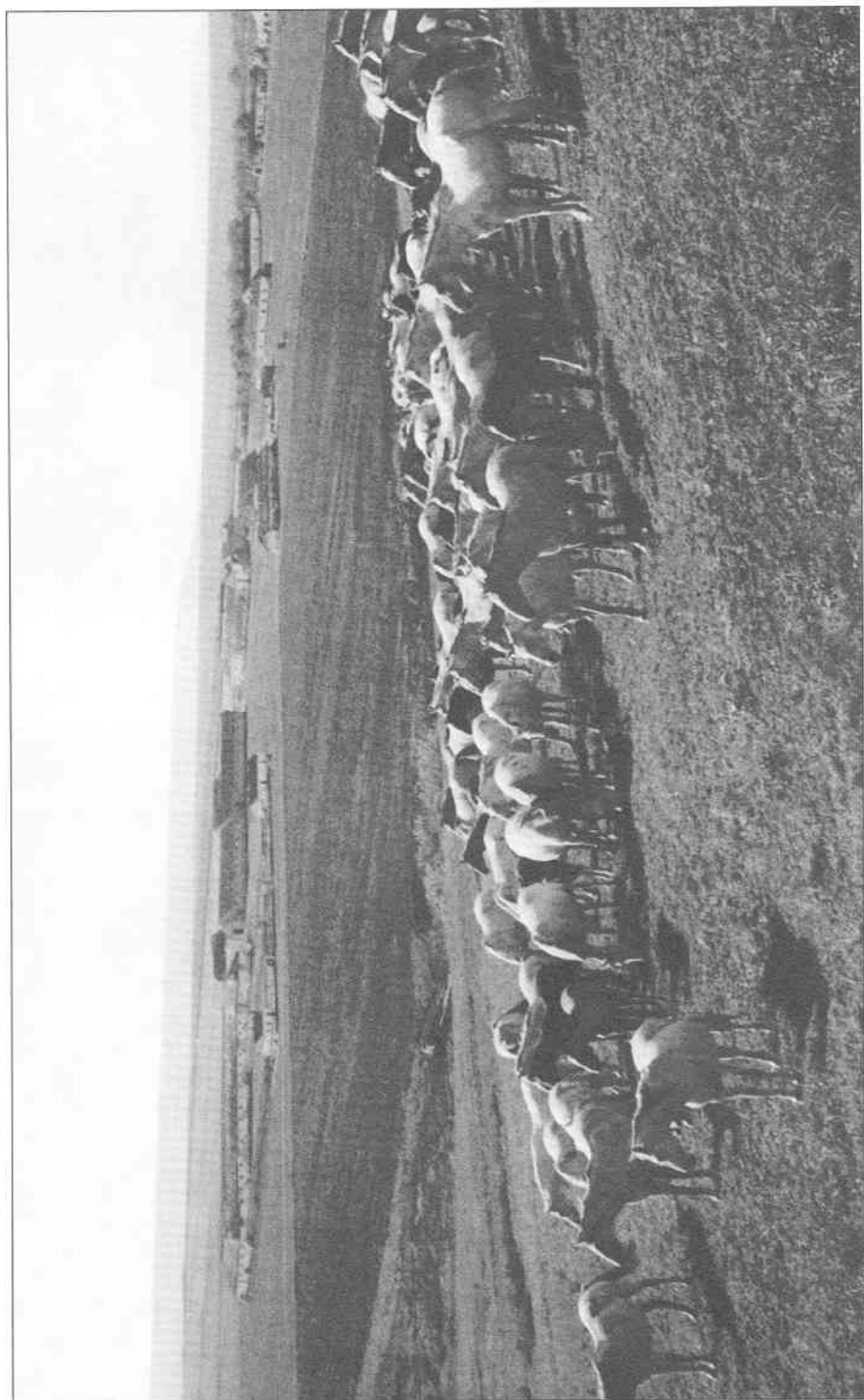

Несмотря на это, благодаря директору завода Г.И. Фролову, удавалось обеспечивать племенных лошадей всем необходимым. В 1957 году была построена прекрасная конюшня на пятьдесят денников. Сохранились опытные кадры. С теплым чувством и благодарностью вспоминаю бригадиров маточных табунов Максима Ивановича Воропаева, Ивана Алексеевича Данилова, Алексея Ермолаевича Минаева, Григория Онуфриенко; конюхов и табунщиков Данильченко, Михнева, Еремина, Рожнова, веттехника конной части Кромина, управляющего отделением Долматова, большого моего приятеля ветеринарного врача И.Шаповалова, тренеров и жокеев Власова, Алаева, Скрябина, Голева, Семенова, с которыми мне пришлось работать с 1955 по 1960 годы.

В составе жеребцов-производителей остались потомки родоначальников породы стрелецких жеребцов Цилиндра и Ценителя: Цемент II (Цилиндр — Целлозия) и его полубрат Ценный от Цитры. Особенно хорошо помню жеребца Цикла (Циан — Царичанка) и Символа (Морокко — Царанка) — оба чемпионы Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а также очень породных Молодца 2-го сына Мароша и Телескопа (Циклоид — Лада).

В те годы терские и арабские лошади испытывались вместе, и надо сказать, что конкуренция на ипподромных дорожках была острейшей. За период моей работы на заводе победителями только главных призов (Дерби, им.Калинина, СССР, ОКС, Буденного) стали Сингапур (трижды венчанный), Тибет, Цагал, Тезис, Марьят, Тайна. Традиционные призы выиграли: Транзит, Спектр, Спец, Тигрица, Спартак, Магма, Целлозия, Туман, Саксаган, Тагор. И это только скакуны тренотделения отца.

По сохранившимся у меня справкам Пятигорского ипподрома отец за 1957, 58, 59 и 60 годы выиграл сто девятнадцать призов, в том числе тридцать два традиционных в соревнованиях с арабскими лошадьми Терского конного завода № 169, выдающимися ипподромными бойцами: Композитор, Книппель,

Маточный табун Ставропольского конного завода 1956 год

*Тренер Дзалаев М.П.
с трижды венчанным
Сингапуром,
жокей М. Скрыбин*

*Москва 1959 г.,
Всесоюзные соревно-
вания конников.
Слева направо:
М.П. Дзалаев,
Н. Насибов с сыном,
В. Голев*

Большой Летний приз, 1958 г.

1. Тагор, тренер Дзалаев М.П., мастер-жокей Фёдоров И.

2. Туман, тренер Дзалаев М.П., мастер-жокей Голев В.

Пятигорский ипподром 1957 г.. Принимаю поздравления.

Слева жокей Семёнов Н., тренер Дзалаев М.П.

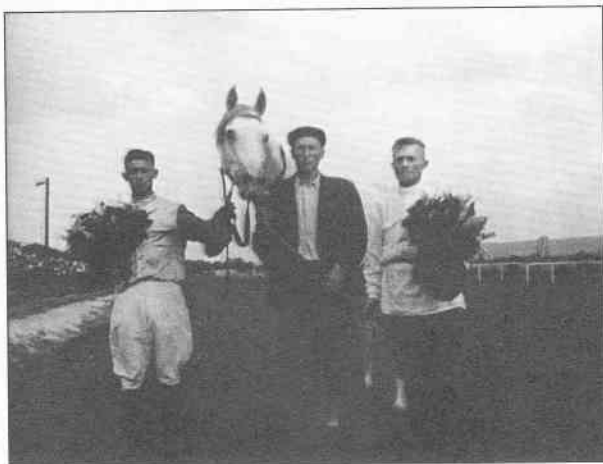

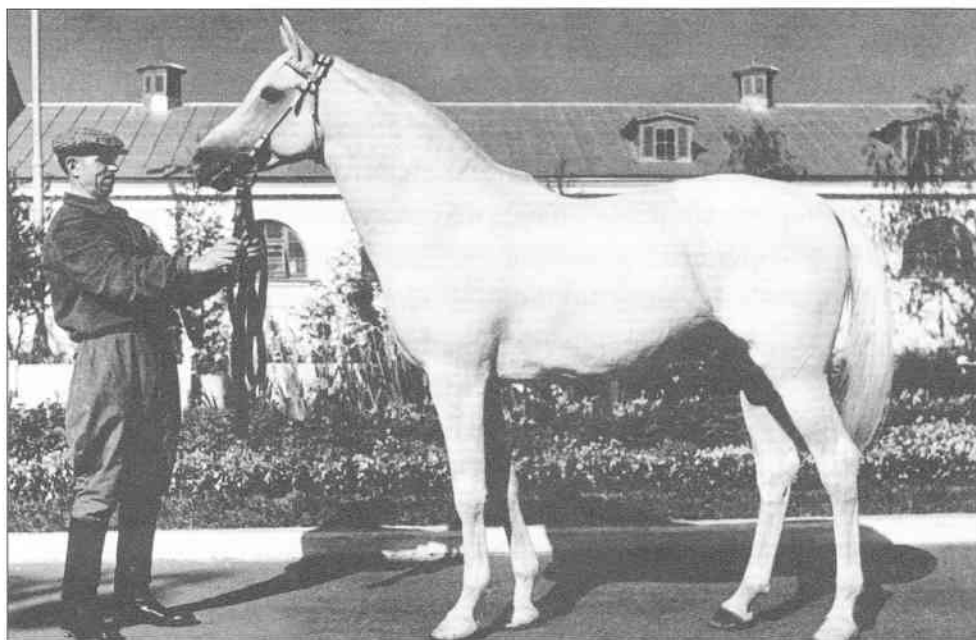
Пятигорский
ипподром 1957 г.
Слева направо:
Суяров В.Ф.,
Сивченко А.П.,
Дзалаев М.П.,
Дзалаев К.М.

Пятигорский ипподром
1959 г.. Победа в Дерби,
жеребец Цагал

Пятигорский ипподром.
Победитель Дерби 1958 г..
Жеребец Тибет. Тренер
Дзалаев М.К., жокей Голев В.,
конюх Рожнов И.

Жеребец Цикл, чемпион породы

*Жеребец Символ, чемпион породы
с конюхом Онуфриенко на ВДНХ СССР*

Тополь, Мак, Спорт, Подруга, Паркет Померанец, Соперник, Плакса, Пташка, Предводитель, Платформа, Парадокс.

Сингапур, Цагал, Тибет, Спектр впоследствии стали ведущими производителями Ставропольского завода, так же как почти все перечисленные арабские скакуны вошли в производящий состав Терского конзавода.

В общем, дела шли неплохо. Работа приносила удовлетворение, в семье тоже все нормально: родители здоровы, отец трудится, растет сын, сестры Инесса и Альбина учатся в Москве, младший братишка пошел в школу, приехала работать преподавателем в школу завода и старшая сестра Надежда.

Вот только не заладились отношения с районной партийной властью. Через год работы вызывают в райком партии и настойчиво предлагают мне работу главного зоотехника Александровской МТС. Отказываюсь, ссылаясь на молодость и неопытность. Говорю с Фроловым, ищу поддержку, он сочувствует, но... Через неделю еще более жесткий разговор с первым секретарем. Говорю о своем призвании конника, а он в ответ: надо выполнять решения ЦК КПСС. Хорошо, что не был тогда еще членом партии, а то бы сломали жизнь.

Вскоре началась атака с другой стороны: почему начкон, ведущий специалист не член партии? Поупрямился я, но делать нечего — вступил. Дальше еще интереснее.

Однажды после выигрыша нашими лошадьми главных призов на Пятигорском ипподроме, вернувшись на завод, собрал конников, поздравил с победой и, как положено, хорошенько обмыли этот успех. Благо, было воскресенье. Уже стемнело, а жили мы в то время на Центральной усадьбе в четырех километрах от конного хутора. Поседлали мне моего верхового жеребца. Он был молод и по-настоящему не обьезжен. Принял я на нем резво, и через пару километров — навстречу ослепительный свет фар — удар, очнулся в больнице. Врач сказала — ничего страшного, легкое сотрясение, переломов нет, жить буду. Домой меня привел директор Фролов.

А рано утром ко мне прибежал мой приятель, заведующий гаражом Иван Федотов и рассказал, что был вызван сразу на место происшествия. Столкновение произошло с машиной первого секретаря райкома партии Жигулина лоб в лоб. Лошадь погибла на месте, я вылетел из седла, пролетел восемь метров и "приземлился" к счастью у лесополосы, глубоко опаханной плантажным плугом. Машина секретаря разбита, осколками переднего стекла поранило лицо и голову Жигулина, которого сразу увезли в районную больницу. Утром в районный центр отбуксировали его машину.

Гореть бы мне синим пламенем, но Федотов рассказывает, что ему по-секрету водитель нашего директора Иван Перегудов сообщил, что за рулем разбитой машины сидел сам Жигулин, а незадолго до этого они с директором заезжали на 5-ое отделение "Всадник", где находились наши виноградники с небольшим винзаводом, и провели там приличную дегустацию.

Через пару недель — вызов в райком. Захожу в кабинет, и Жигулин с ходу угрожающим голосом начал возмущаться и грозить всеми карами, вплоть до исключения из партии и суда. Я молча его выслушал, признал свою вину, но сказал, что и ему придется разделить вину, так как за рулем сидел он сам и тоже в состоянии опьянения. Разговор происходил один на один, и на этом инцидент был исчерпан.

Месяца через два на конный завод приехал из Москвы инструктор ЦК, очевидно, по доносу на Жигулина. Расспрашивая меня об этом случае, явно хотел получить компромат на секретаря, но я объяснил, что был пьян, лошадь необъезженная, закинулась, так что виноваты я и лошадь. После этого отношения с Жигулиным потеплели, и он даже отговаривал меня, когда я решил уезжать с завода.

Вскоре началась кукурузная эпопея, и завод заставили отводить огромные площади под "королеву полей", тем самым урезая и без того скудные пастбищные и сенокосные угодья, запахивая многолетние травы. В связи с этим запомнился один случай, ярко продемонстрировавший хамство и дурость партийных функцио-

неров — птенцов Н. Хрущева. Утром прихожу в контору на наряд, собрались все специалисты. Секретарь директора говорит: вечером приехал первый секретарь Ставропольского крайкома партии И. Лебедев. Ночевал в кабинете Фролова, а сейчас они там вдвоем. В это время подъезжает директор Северо-Кавказского треста конных заводов, в состав которого входило наше хозяйство, генерал, Герой Советского Союза Павел Порфирьевич Брикель. Поздоровались, и тут выходят из кабинета Лебедев и Фролов. Директор представляет Лебедеву Брикеля, а тот почти не останавливаясь и никому не подав руки, буркнул: Что это еще за трест и генерал? и уехал с Фроловым по отделениям. Вспоминая этот эпизод, до сих пор испытываю чувство стыда и обиды за П.П. Брикеля — замечательного, очень авторитетного человека в коннозаводстве, который даже не успел отреагировать на это хамство.

Было это в мае, и Лебедева интересовали только посевы кукурузы в квадратно-гнездовом исполнении. На одном из полей 4-го отделения "Репьевая" он заметил неровность всходов, в присутствии управляющего отделением и шофера нецензурно обругал Фролова — одного из лучших агрономов и директоров нашей системы, оставил его посреди поля с приказом немедленно все пересеять, на директорской машине доехал до конторы, пересел в свою и отбыл.

И еще. Через несколько месяцев среди ночи раздался стук в дверь, открываю — директор. Оказывается, приехал Лебедев и хочет посмотреть кончасть. Проходим все конюшни: жеребцов, тренинг, маточную и другие. Я рассказываю о лошадях, их достоинствах, победах. Лебедев слушает, смотрит и даже поощрительно кивает. Заканчиваем осмотр. Лебедев, обращаясь к Фролову, говорит: Завтра с утра все помещения освободить, денники выкинуть, в одной конюшне будет инкубаторная станция, в другой — цыплятник, утятник, а в самой лучшей новой — коровник. Фролов молчит. Видно, уже знал об этом. Я спрашиваю: — Иван Кононович, а лошадей куда? Ответ: — Ты начкон — вот и думай.

Утром звоню в Москву начальнику Главка П. Парышеву, прошу помощи, а он успокаивает: держитесь, постарайтесь сохранить поголовье, я ничем сейчас помочь не могу.

И на кончасти начался форменный аврал. Все строительные силы завода были брошены на переоборудование конюшенных помещений. Еле удалось отстоять конюшню жеребцов и часть маточной, чтобы хоть как-то провести выжеребку. Через неделю после выжеребки матка с сосунком выгонялась на улицу, невзирая на промозглую погоду, дождь и снег. Размещали их просто под навесом, чтобы освободить родильное помещение для следующей.

Тренотделения вынуждены были оставлять зимовать на Пятигорском ипподроме, куда в комнату общежития вместе с отцом уехали мать и младший брат.

В самые короткие сроки на кончасти заработала инкубаторная станция, а весной стали завозиться из Ессентукского птицевосхоза большие партии утят. Сформировали молочную ферму. К существующим уже на отделении кончасти двум маточным отарам и свиноферме добавили еще одну на Крученной балке. Годом раньше железной рукой партии были внедрены зимние окоты и, конечно, как всегда, не дав к ним нормально подготовиться.

Как теперь популярно выражаются: хотели как лучше, получилось как всегда: начался большой отход поголовья овец и особенно новорожденных ягнят. Несколько тысяч подросших утят выпустили в естественный водоем — непроточный пруд, и от массовой инфекции почти все они погибли.

И в это время новая напасть: снимают с работы Г.И. Фролова и присылают к нам человека Лебедева — некоего Киселева, до этого, по слухам, завалившего крупное хозяйство в Калмыкии.

Этот директор смотрел на лошадей, как черт на святой крест, а с людьми разговаривал брызгая слюной и полулая.

Главк молчит — "как рыба об лед" — одно из изречений А.П. Сивченко. Никакой помощи и поддержки, коневодство

в полном загоне. Корма для лошадей отпускались в последнюю очередь по остаточному принципу, выпаса урезаны до минимума. Настроение просто отчаянное.

В июле 1959 года мы с отцом поехали навестить старшую сестру в Орджоникидзе. К тому времени она там обосновалась и преподавала в школе. Встретились со старым знакомым отца — директором Государственной заводской конюшни А.Т. Тускаевым, и тот сообщил, что в Москву для решения Совета Министров РСФСР отправлено предложение Северо-Осетинского обкома и Совмина республики об организации чистокровного конного завода.

Помня неудачу организации завода в Осетии в 1950 году, я с сомнением зашел к Министру сельского хозяйства Г. Ревазову, но тот заверил, что дело реальное и предложил уже сейчас работу старшего специалиста по племенному делу в Министерстве, пообещав обеспечить квартирой в ближайшие три-четыре месяца.

Перспектива работать с чистокровными лошадьми, а также безнадежная обстановка, сложившаяся в Ставропольском конном заводе, повлияли на мое решение переехать в Осетию.

Вскоре после моего отъезда на Ставропольский завод вернулся начконом А.П. Сивченко. Какие условия создал для коневодства новый директор (Киселев) говорит тот факт, что в 1961 году, когда я уже работал директором Бесланского конного завода, Александр Павлович приезжал ко мне и предлагал свои услуги. Я, конечно, с радостью согласился, тут же позвонил в Москву Парышеву. Но мудрый начальник Главка понимал: если уйдет Сивченко, то это будет окончательный крах для коневодства завода. Пообещал, что примет все меры, чтобы освободиться от Киселева. Через год это сделать удалось, и Сивченко был назначен директором, где проработал пятнадцать лет до заслуженного отдыха.

Работавший начальником Главка с 1938 по 1975 год Петр Прохорович Парышев обладал удивительными, я бы сказал уникальными способностями находить пути и возможности даже в те тяжелые для коневодства годы держаться на плаву,

сохранить в Минсельхозе Главк коневодства и нередко добиваться результатов при спасении конных заводов или ценных работников. Удавалось это ему благодаря умению найти подходы к власти имущим самого большого ранга, не считая зазорным при неудачах вновь и вновь штурмовать высокие кабинеты. У него были очень хорошие личные отношения с С.М. Буденным, и во многом благодаря этому коннозаводство не рухнуло тогда окончательно.

Еще раз надо отдать должное и заслугам А.П. Сивченко перед коннозаводством России. Как только кончилась эпоха Хрущева, несмотря на огромные трудности, особенно в области строительства, Александр Павлович сумел буквально на голом месте воздвигнуть новую прекрасную центральную усадьбу с нормальными условиями для людей и при ней замечательный коневодческий комплекс из шести конюшен со стандартным манежем.

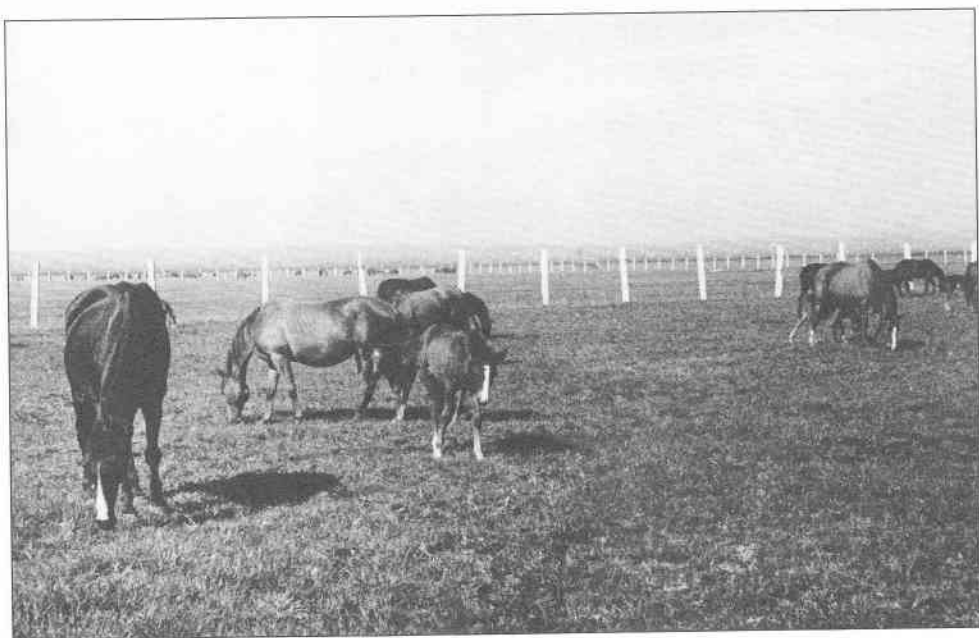

*Ипподром Бесланского конного завода.
На переднем плане П.П. Парышев, Н.П. Гонобоблев, Г. Кантиев*

Он не только сохранил терское поголовье, но принял и создал отличные условия для производящего состава ахалтекинских лошадей, которые находились на грани гибели в Дагестане. И сейчас ахалтекинское поголовье Ставропольского конного завода является лучшим не только в России, но и на всем пространстве бывшего СССР.

Оставив четырехлетнего сына у родителей в Пятигорске, приехали в Орджоникидзе и поселились у сестры, которая с мужем и дочкой сама снимала комнату у дальних родственников. В сентябре я начал работать в Министерстве и через два месяца понял, что с квартирой вопрос затягивается. Как раз в это время меня пригласили в областной комитет партии и предложили поработать преподавателем частной зоотехнии в советско-партийной школе при Обкоме, а, главное, с предоставлением жилья. Конечно, согласился, и до конца учебного 1959–1960 года учил будущих руководителей и парторгов колхозов и совхозов премудростям животноводства.

Матки Бесланского конного завода в левадах

В августе 1960 года закончился учебный год в партшколе, и сама школа прекратила свое существование. Я стал беспокоиться о дальнейшей работе. Позвонил в Северо-Кавказский трест генералу Брикелю. Он обещал подумать и помочь. А буквально через несколько дней вызывают меня в Обком КПСС к первому секретарю. У него на столе постановление Совмина России об организации Бесланского конного завода № 8 в составе Северо-Кавказского треста.

Инициатива создать в Осетии конный завод и огромная заслуга в решении этого вопроса принадлежала большому энтузиасту и замечательному человеку Александру Тимофеевичу Тускаеву, и когда мне предложили стать директором, я спросил: "Почему не Тускаев? Я бы пошёл к нему начконом". Мне ответили: "Он беспартийный и не может возглавлять завод". Попросив время на обдумывание, сразу пошел к Тускаеву. В откровенной и доброжелательной беседе был снят щепетильный для меня вопрос. Александр Тимофеевич сказал, что доволен назначением меня, а не кого-то другого и дал согласие работать главным зоотехником Госконюшни, которая, с ее функциями обслуживания коневодства республики, придавалась конзаводу.

Под конный завод выделялись земли (около двух тысяч гектар) от колхоза "Путь к коммунизму", прилегающие прямо к городу Беслан (20 километров от Орджоникидзе), на которых стояли два старых глинобитных сарая. Связался с трестом. Вскоре приехал Брикель, привез приказ о моём назначении, посмотрел территорию и посоветовал нанять бульдозер и снести эти сараи, чтобы начинать с нуля. Обещал помогать, но трест вскоре был ликвидирован, и конные заводы перешли в местное подчинение.

Хорошо, что и Обком партии и Совмин республики с пониманием отнеслись к проблемам хозяйства. Особенно активно помогал Николай Павлович Гонобоблев — первый заместитель предсовмина, да и у меня, двадцативосьмилетнего, энергии и энтузиазма было предостаточно.

В течение полугода построили хорошую маточную конюшню на 40 денников, четыре жилых дома, общежитие и конюшню

для жеребцов ГЗК. Одновременно строили очень приличный ипподром с зеленой и грунтовой дорожками. На тридцати гектарах разбили парк с тополиной, дубовой и ореховой аллеями. Осенью высадили двухкилометровую живую изгородь, отделяющую территорию усадьбы от города.

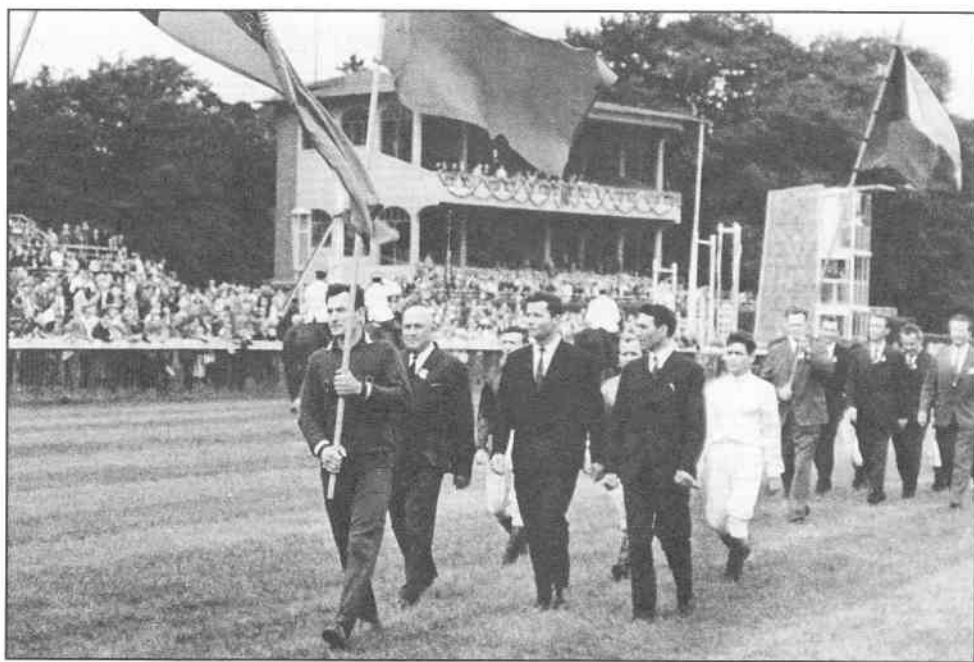
В первую же зиму активно взялся за формирование маточного поголовья, и к случному сезону 1961 года в завод поступило около двадцати чистокровных кобыл.

Здесь считаю необходимым подробнее остановиться на опыте комплектования маточного состава, так как качество кобыл, поступивших на завод в первые два года, сыграли решающую роль в успехах Бесланского конного завода не только в первое десятилетие, но и во все годы его существования.

Хочется надеяться, что этот опыт может принести пользу работающим или думающим работать с чистокровной верховой породой лошадей и особенно владельцам нарождающегося частного коннозаводства, которое, по моему мнению, должно стать основой возрождения былой славы российских скакунов.

Я уже упоминал о том, какое значение в связи с заинтересованностью к чистокровному коннозаводству имели для меня знакомство с А.З. Саламовым и большая практика на его заводе во время учебы в академии. Поэтому к нему первому я обратился за помощью в приобретении кобыл, тем более, что у него были хорошие отношения с начком лучшего конного завода страны "Восход" В.П. Шимширтом.

В 1958 году была издана книга профессора В.О. Витта — наиболее эрудированного ученого ипполога России и СССР — "Теория и практика чистокровного коннозаводства", в которой он обобщил методы и приемы племенной работы, достижения и неудачи при разведении чистокровных лошадей в разных странах с отдельными линиями и маточными семействами в сложной структуре этой непревзойденной по качествам породы. Хороший обзор в этой книге сделан и по технологии содержания чистокровных лошадей на Западе, особенно по пастбищам и тренингу.

*Берлин. Международный митинг, парад участников. За флагом СССР:
А. Саламов, К. Дзалаев, Н. Насибов*

Лично на меня тогда книга произвела огромное впечатление и расширила кругозор, ведь до этого мы практически ничего не знали о зарубежном коннозаводстве и скачках. Так что при отборе лошадей на завод я уже в какой-то степени мог анализировать и ориентироваться насколько перспективной могла стать та или иная лошадь с учетом ее родословной.

Приехали мы с Саламовым в "Восход" осенью 1960 года. Директор "Восхода" Евгений Евгеньевич Готлиб, безусловно выдающийся коннозаводчик, выехал в это время в США, кажется, с жеребцом Забегом, для участия в Большом Вашингтонском призе. Таким образом, на мое счастье, начкон Шимширт, которого Готлиб очень ценил и которому доверял, оказался хозяином положения. Пробыли мы там два дня, осмотрели все поголовье, набросал я себе список и, посидев над ним несколько часов с Саламовым, вечером в доме у начкона приступили к деловому разговору. Он прерывался воспоминаниями о лошадях, скачках и, конечно, тостах. И так почти всю ночь. Я просил, Саламов

поддерживал, Шимширт отбивался. Утром был подписан акт отбора, в который попали такие молодые трехлетние кобылы, как Альбина, Идея, Сигнализация, Галактика, Зыбь, Габриэль, Гавань, Избранница, Проблема, Электрика.

В этот же список попали и старые кобылы: Торпеда семнадцати лет, Отрада — девятнадцати, Сигнатура, Повесть — восемнадцати, Агония — пятнадцати, Фата — семнадцати. Ассамблея — восемнадцати, Гастролерша — девятнадцати лет и еще несколько кобыл в возрасте семнадцати-двадцати лет. Многие из них по несколько лет не жеребились и подлежали выбраковке.

В начале 1962 года ушел из "Восхода" Е.Е. Готлиб. И это в то время, когда завод был на пике подъёма. Лошади его были вне конкуренции на всех ипподромах страны и с успехом выступали за рубежом, в том числе и в США (Гарнир, Забег, Эффект, Брянск, Разгар, Мурманск, Марсель, Габардин, Фланг, Эксперт, Эбор, Арифмометр, Аналогичная, Ампер и, конечно, Анилин — лучший скакун за всю историю России).

Если вы, мои терпеливые читатели, еще не догадались о причине ухода Е. Готлиба из "Восхода" и переезде в Рязанскую

Пятигорск, 1966 г.. Начальник главка П. Парышев, поздравляет жокея А. Зекашева с победой в призе Мира на жеребце Сардаре

область на работу в качестве рядового сотрудника института коневодства, то еще раз взгляните на дату. Как близнецы-братья действовали секретари райкомов, крайкомов и обкомов по всей стране, через колено ломая результаты многих десятилетий, достигнутые в нашем коннозаводстве, а заодно и судьбы людей, как правило, наиболее талантливых. То же произошло и с Готлибом, пытавшимся воспрепятствовать превращению конного завода в свиновхоз.

С новым директором В.В. Ивановым сложились хорошие отношения, и он дал мне возможность еще раз сделать "набег" на "Восход". В результате на Бесланский конный завод попали Руза, Филармония, Марна, Атомная, Светлица.

Почти все перечисленные молодые кобылы или плохо скакали или не скакали совсем, но в моей памяти запечатлелись примеры селекционной работы, в результате которой были получены выдающиеся ипподромные бойцы, производители и родоначальники линий в мировом чистокровном коннозаводстве, описанные В.О. Виттом в уже упомянутой книге.

И конечно, опыт великого Федерико Тезио, основу завода которого составляли матки, купленные им в Англии и Франции иногда дорого, а чаще дешево, но всегда следуя принципу: заранее изучая родословные интересующих его кобыл, молодых, пусть не скакавших, но от выдающихся матерей или бабок, или их сестер, племянниц и т.д.

Так он купил за сто фунтов кобылу Кэтнип — дочь Сиболы, победительницы приза 1000 гиней и оставшейся второй в ОКСе. Кэтнип скакала десять раз, лишь один раз выиграла скачку стоимостью в сто фунтов. В заводе Тезио она дала хорошо скакавших жеребца Незиотаса, кобылу Неру, внучка которой Нереида стала лучшей кобылой Германии тридцатых годов и Ногару, выигравшую итальянские 1000 гиней для кобыл и 2000 гиней у жеребцов. В заводе Ногара дала Неарко, выигравшего все скачки в Италии и Франции, где он принимал участие, и ставшего на десятилетия (и до сих пор) основателем линии, равной которой нет

в мире. Кроме Неарко Ногара дала выдающихся скакунов, производителей и маток: Никколо дель Арка, Накамура, Носиду, Нервезу, Николауса.

Второй пример работы Ф. Тезио — получение классного скакуна и производителя, итальянского дербиста и победителя Аскотского золотого кубка Ботичелли, чья мать, ничем не блиставшая сама, являлась дочерью Бануорри, давшей дербиста Манна и победителя Сент Леджера — Сэндвича.

Интересно отметить, что творческая селекционная работа Тезио была свободна от многих догм, таких как инбридинг или аутбридинг*. Так Ботичелли был инбридирован в степени II—III, а у Неарко и феноменального Рибо в четырех рядах предков нет ни одного повторяющегося имени.

Можно привести много примеров, когда базовой основой получения выдающихся лошадей стали не обязательно классно скакавшие матери, а их близкие родственницы, сами не скакавшие.

Что касается происхождения кобыл, приведенных в Бесланский завод, то это хорошо соотносится с вышесказанным, но, конечно, с оговоркой: "и огонь пожизне и дым пониже". Но тем не менее...

Кобыла Сигнализация — сама скакала плохо. Ее мать Сигнатура была второй в Пробном призе и ОКСе, она дочь Гюрзы, от которой получен дербист Газават и оксистка Аналогичная — мать Анилина. Сигнализация дала в Бесланском заводе Сардара 1963 года рождения, выигравшего двухлеткой приз им. Калинина в Ростове и установившего всесоюзный рекорд на 1500 метров (1 мин. 30 сек.). В трехлетнем возрасте Сардар в Москве стал победителем Большого Летнего приза и приза им. С.М. Буденного, и только неудача на старте с падением жокея помешала ему стать дербистом.

Дерби тогда выиграл Гарлем Кабардинского конного завода, которого Сардар легко обыграл в призе им. Буденного, выиграв

* **Инбридинг** — родственное разведение, когда одна и та же лошадь встречается в родословной с отцовской и материнской стороны в тех или иных рядах предков.

Аутбридинг — в родословной одна и та же лошадь нигде не повторяется.

*Слева направо: Надежда, Инесса и Альбина Максимовны,
Казбек и Заурбек Максимовичи*

*Скачка для Терских лошадей. Пятигорский ипподром 2001 год. С Александром Павловичем
Сивченко (в центре — ему 82 года), вспоминаем молодость и “битвы, где вместе рубились”*

Жеребец Геналдон (Статор — Галактика) — победитель Пятигорского и Московского Дерби

Кобыла Арабеска. Жockey В. Мельников, тренер Г. Кантиев

Пятигорский ипподром, 1964г.. Приз им. Калинина: 1-ое место — Тантал,
2-ое место — Балет

Финиш приза памяти М.П. Дзалаева, г. Пятигорск

Поздравление победителей приза памяти М.П. Дзалаева, г. Пятигорск, 1998 г.

*Интервью берет режиссёр Северо-Осетинского Телевидения Измаил Бурнацев.
Слева направо: правнук Казбек, внук Максим, сыновья Казбек и Заурбек*

Жеребец Джран /Элерон — Пристань/ — отец Зареты, Атоса, Балета, Аракса

*г. Ростов, ипподром. Ленту открытия скакового сезона разрезают: зам. начальника
Всероссийского объединения конных заводов Дзалаев К.М., начальник объединения
“Донконепрома” Горбачёв В.Н., председатель федерации конного спорта СССР Парышев П.П.
и директор ипподрома Брикель П.П.*

США г. Луисвилл. Штат Кентукки. Черчилл Даун, ипподром, где разыгрывается Дерби Америки. С начконом Терского конного завода А. Понамарёвым, 1986 год

На отдыхе в Сочи с другом Павлом Дубинским

Швейцария Сан Мориц. На банкете слева Н. Макин, справа Р. Вайс

Швейцария Сан Мориц 1990 год. На банкете в честь нашей делегации. Справа директор конного завода "Восход" Н. Макин

Швейцария. Антон Тарабуев с вороной русской тройкой ЦМИ в Сан Морице

Швейцария Сан Мориц 1990 год. Победный финиш Хусейна Касаева на жеребце Рисунке

эту скачку с места до места. Сардар стал также победителем и призером международных скачек: им. Белграда, Варшавы и приза Роберт Пфердменгес в Кельне. Я не видел эту очень престижную в Западной Германии скачку, но жокей Анвар Зекашев объяснил проигрыш тем, что он в этот день не сидел, а лежал на Сардаре, так как был очень болен.

В семидесятые годы внук Сигнализации Снегомет выиграл приз им. СССР.

Своими победами на любые дистанции от 1200 метров до 2 800 и то, что он был инбридирован на Тагора в степени IV—V, а также экстерьерно походил на Тагора как никто из его потомков того времени, Сардар явно претендовал стать одним из достойных продолжателей лучшей линии России. В 1970 году я поднимал этот вопрос и написал большую статью в журнал "Коневодство" о необходимости использования Сардара в одном

Жеребец Интурист /Разгар — Идея/, жокей И. Попов

из ведущих заводов. Но в то время внуки и правнуки Гранита II (Дерзкий, Задорный) давали классный приплод, и Сардара использовали на второстепенных заводах.

Для обоснования этого мнения более детально приведу характеристику его родословной

САРДАР, рыж., 1963 г. р.

Сигнализация						Разгар						
Сигнатура			Агрегат			Радуга II			Грог II			
Гюрза		Сайк- лоник	Абеба		Артисте Пруф	Гамма III		Тзи Рекордер	Гипо- теза		Гранит	
Гагара		Задор - от Тагора	Херри Он		Волканик	Аз-А-Хиред		Вагбинус	Кипер Эвиденс		Гейнсборо	Орифлама
		⊕	△									

Агрегат. Внук знаменитого Гейнсборо — трижды венчанного, основателя линии. Агрегат родился в Венгрии в 1943 г., в СССР попал по репарации. Широко использовался в "Восходе" и стал лучшим производителем страны 1950–60 гг.

Сигнатура. Ее отец Сайклоник выиграл в Англии приз Короля Георга VII и приз Жокей клуба. В СССР дал дербиста 1951 года Марсея.

Гюрза. Призер традиционных скачек, мать дербиста Газавата, Аналогичной (ОКС, г. Праги, г. Бухареста, 2-ое место в Дерби) и Агонии (2-ое место в ОКСе).

Грог II. Трижды венчанный, сын Гранита II, продолжателя линии его отца Тагора. Со стороны матери Грог является внуком кобылы Гамин, от которой получен дербист 1925 г. Даго.

Радуга II. Мать классных скакунов, обладателей многих всесоюзных и международных призов: Эбора II, Эбора I, оксис-

Москва 1966 г.. Кобыла Зарета, поздравление с победой в призе р. Невы

ки Герани, из семейства которой вышли дербисты Герольд и Газомет, оксистки Гида, Графировка, Гвинея.

Отец Радуги II выводной из Англии **Тзи Рекордер** сын английского дербиста Кептн Кетл и Леди Джюрор — одной из самых знаменитых кобыл Англии — сестры Мумтаз Махал — бабушки Назруллы и матери Файер Трайла.

Сардар умеренно инбридирован в степени IV–V на Тагора и V–VI на Херри-Она — выдающихся родоначальников линий.

Кобыла Идея — 1957 года рождения и ее сестра Избранница — 1958 года (обе дочери Испытанной) скакали очень посредственно:

Идея из десяти выступлений выиграла только дважды, а Избранница вообще не выступала. Мать их Испытанная скакала отлично, выиграла большие призы, была второй в призе г. Праги (международный ОКС). Она происходила из блестящего семейства Сапиенции, давшей нашему коннозаводству Гассану (Большой приз для кобыл двух лет и ОКС), а сын Гассаны Гар-

нир — победитель Дерби, международного приза г. Москвы и призер Большого Вашингтонского приза США.

От Идеи мы получили жеребца Интуриста, одногодка Сардара, который хорошо скакал в Пятигорске, остался за Сардаром вторым в призе Мира — главном призе всесоюзных соревнований, обыграв лучших лошадей страны, в том числе Дагмара, выигравшего в Москве призы РСФСР, Сравнения, Прощальный и международный приз г. Будапешта. К сожалению, Идея рано выбыла с завода, не оставив дочерей. От сестры Идеи — Избранницы в заводе была получена победительница традиционных призов Иласа, а от ее сестры — Избранной (дочери Разгара) — кобылы Искра — ростовская оксистка, и Иверия бабушка Иппеля победителя Летнего приза в Москве и оставшегося вторым в Большом призе для двухлетних лошадей в 2000 году за очень классным, полностью американского происхождения жеребцом Бором конного завода "Восход".

В трехлетнем возрасте Иппель стал победителем призов Гранита, Анилина, им. С.М. Буденного и третьим призером Большого Всероссийского (Дерби). Внучка Иверии — Иста выиграла пробный приз для кобыл двух лет.

Кобыла Зыбь 1957 года рождения, тоже из семейства Сапиенции. Была в тренинге, но не скакала. В "Восходе" была почему-то первый раз покрыта арабским жеребцом Книппелем, но прохолостела и была продана в наш завод. В 1963 году здесь от нее родилась гнедая Зарета, которая классно скакала в Москве. Стала победительницей приза Аналогичной (1000 гиней), обыграв таких выдающихся кобыл как Этна и Квадрилья. Будучи не совсем в порядке, не участвовала в ОКСе, но в том же году на международном митинге заняла второе место в призах городов Братиславы и Киева.

Зарета стала матерью жеребца Зелимхана, который при спорном финише проиграл "ноздрю" (так и записано в решении судей) в Дерби восходовскому Газомету.

Кобыла Альбина, рыжая, 1957 года рождения, из маточного семейства Вареллы, чья дочь Гавана была второй в ОКСе и при-

*Жеребец Сардар
выигрывает
международный приз
в Берлине, жокей
А. Зекашев, 1967 год*

*Москва, 1966 г., жеребец
Сардар после победы
в призе им. Будённого.
Тренер Д. Камбегов, жокей
А. Зекашев, конюх
С. Дзилизов*

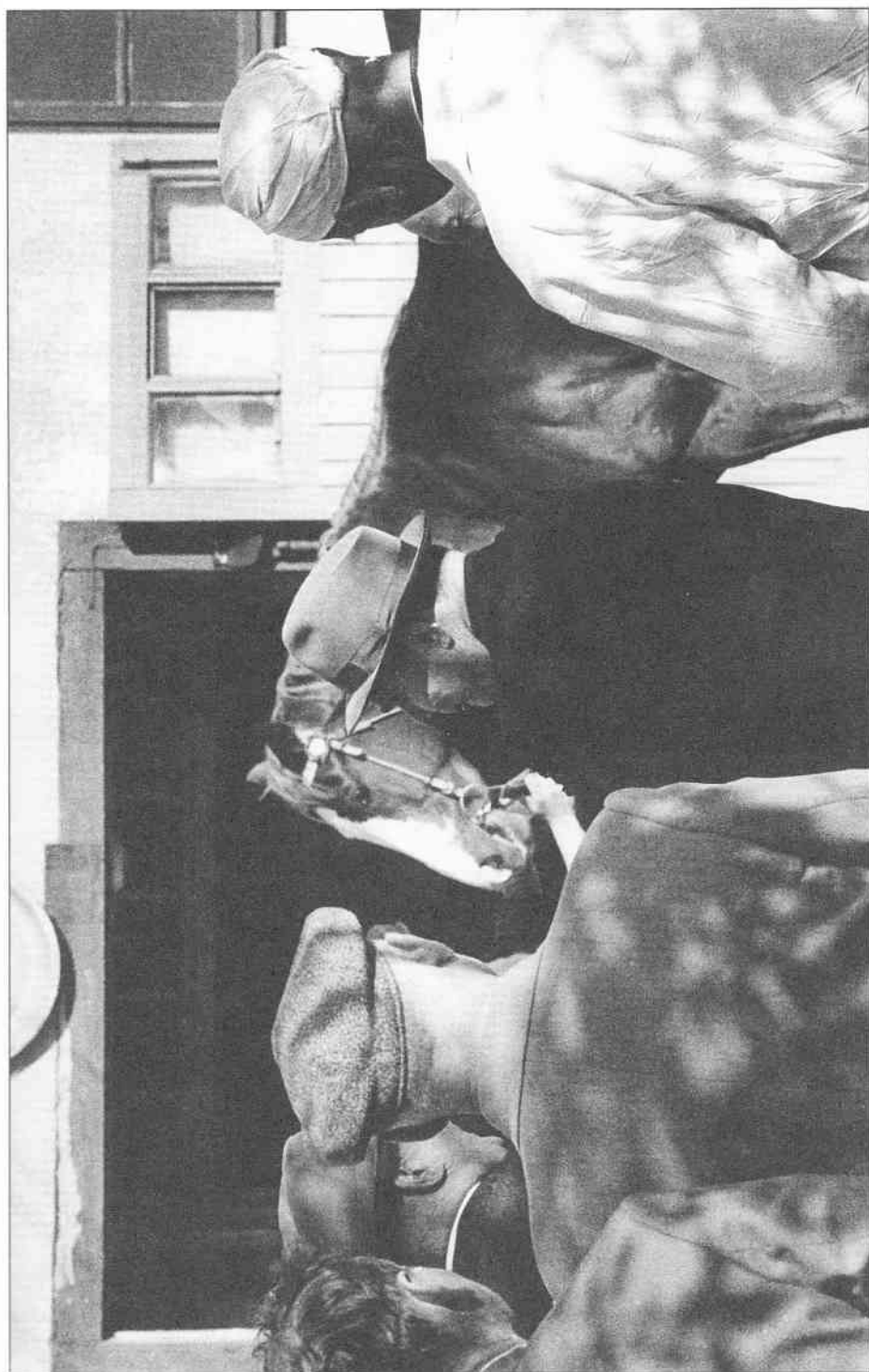
*Пятигорск, 1966 г., Всесоюзные соревнования, приз Мира: 1-ое место — Сардар,
2-ое место — Интурист, 3-е место — Дагмар*

зе им. Калинина. Дочь Гаваны — Рогнеда II дала классного Спрута, Артерию — мать дербиста Ашхабада и саму Альбину. Отлично скакал внук Артерии от ее дочери Актинии (сестры Альбины) Алтайск. Он выиграл Большой Летний (2000 гиней), призы им. С.М. Буденного, Элиты, а также международные городов Москвы, Будапешта, Варшавы и занял второе место в Дерби за Айдаром. От Актинии отлично скакали также Абад и Агиос. Альбина выступала восемь раз в Москве и Ростове и сумела выиграть только две простых скачки. Первый ее сын в Бесланском заводе — Атос 1962 г. рождения показал себя классным спринтером, выиграв Пробный и заняв второе место в Летнем призе за своим одноконюшником Танталом. А через год Альбина подарила нам Арамиса, беспроегрышно скакавшего двухлеткой на Московском ипподроме. На международном митинге 1966 года Арамис выиграл приз города Софии и главный приз — Мира. Трехлеткой Арамис легко победил в призе Открытия и Большом Летнем.

Приехав за два дня до Дерби в Москву, увидел хромого Арамиса с забинтованной левой передней ногой. Оказалось, что на тренировке он задней ногой нанес себе глубокую рану в области пятки, очень болезненную при движении.

Что делать? Я решил снимать его с Дерби, но Е.Е. Готлиб посоветовал стянуть перед стартом копыто изоляционной лентой и рискнуть. Так и поступили. К призу Арамиса допустили, но пройдя по дистанции первые тысячу метров, он снова достал задним копытом больную ногу, лента сорвалась, и Арамис закончил скачку на четвертом месте с кровоточащей ногой. Арамис был поставлен производителем в новый Новоставропольский конный завод, где по вине работников его довели до нервного заболевания, и он погиб, оставив очень малочисленное потомство. Но одна его дочь — Бива стала бабушкой дербиста 1995 года Гурзуфа, а другая — Гаяна — матерью Гжатска, победителя многих призов, в том числе главного международного приза имени города Москвы. В 1988 году Гжатск принимал участие в Большом Вашингтонском призе, но неудачно. Дочь Гаяны — Горсточка выиграла при-

После розыгрыша Дерби. Л.И. Брежнев посетил загромиавшего Арамиса в лазарете

Москва, жеребец Арамис — победитель Большого Летнего приза.
Поздравляет жокея А. Зекашева Е.Е. Готлиб

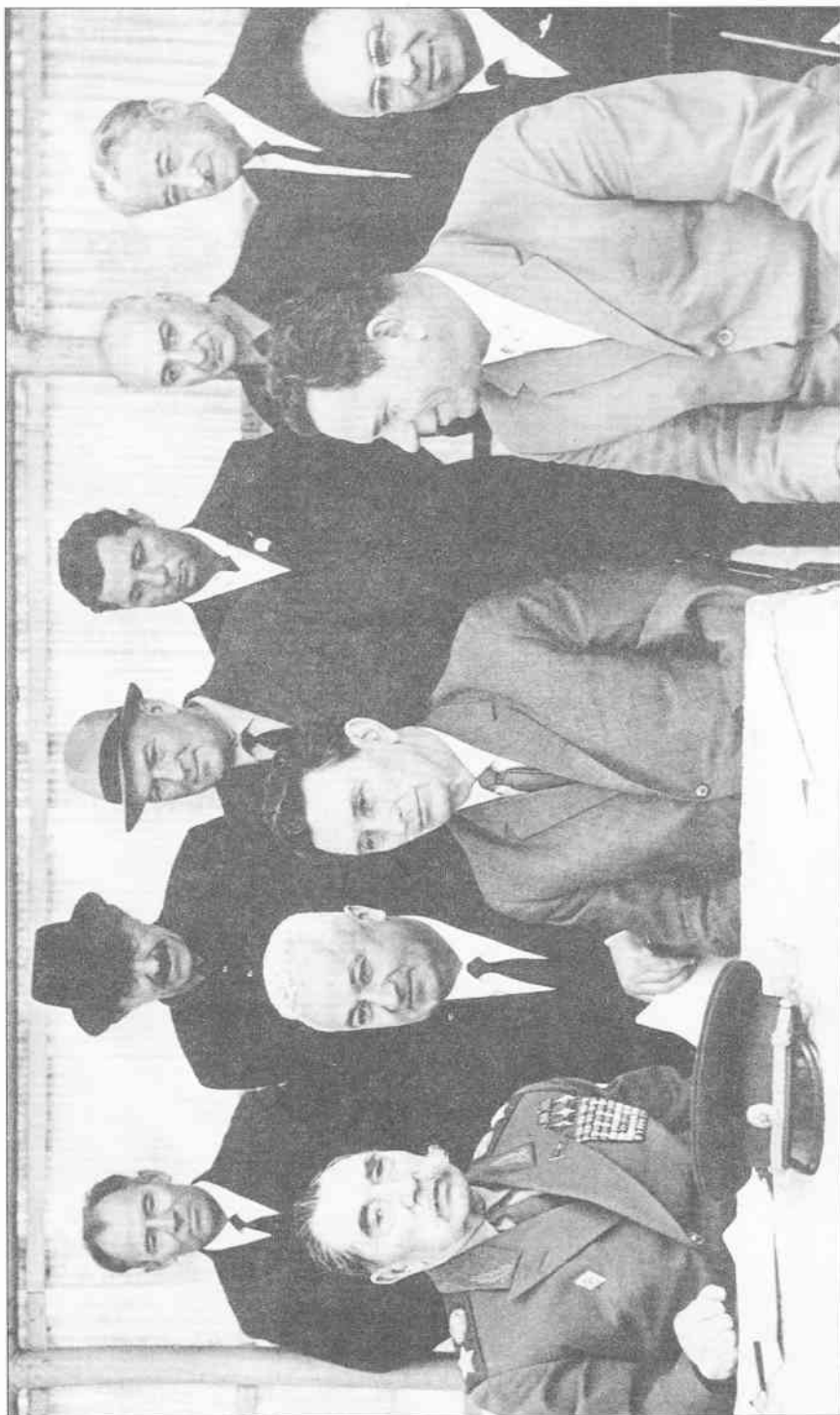
Арамис Победитель Международного призе г. Софии.

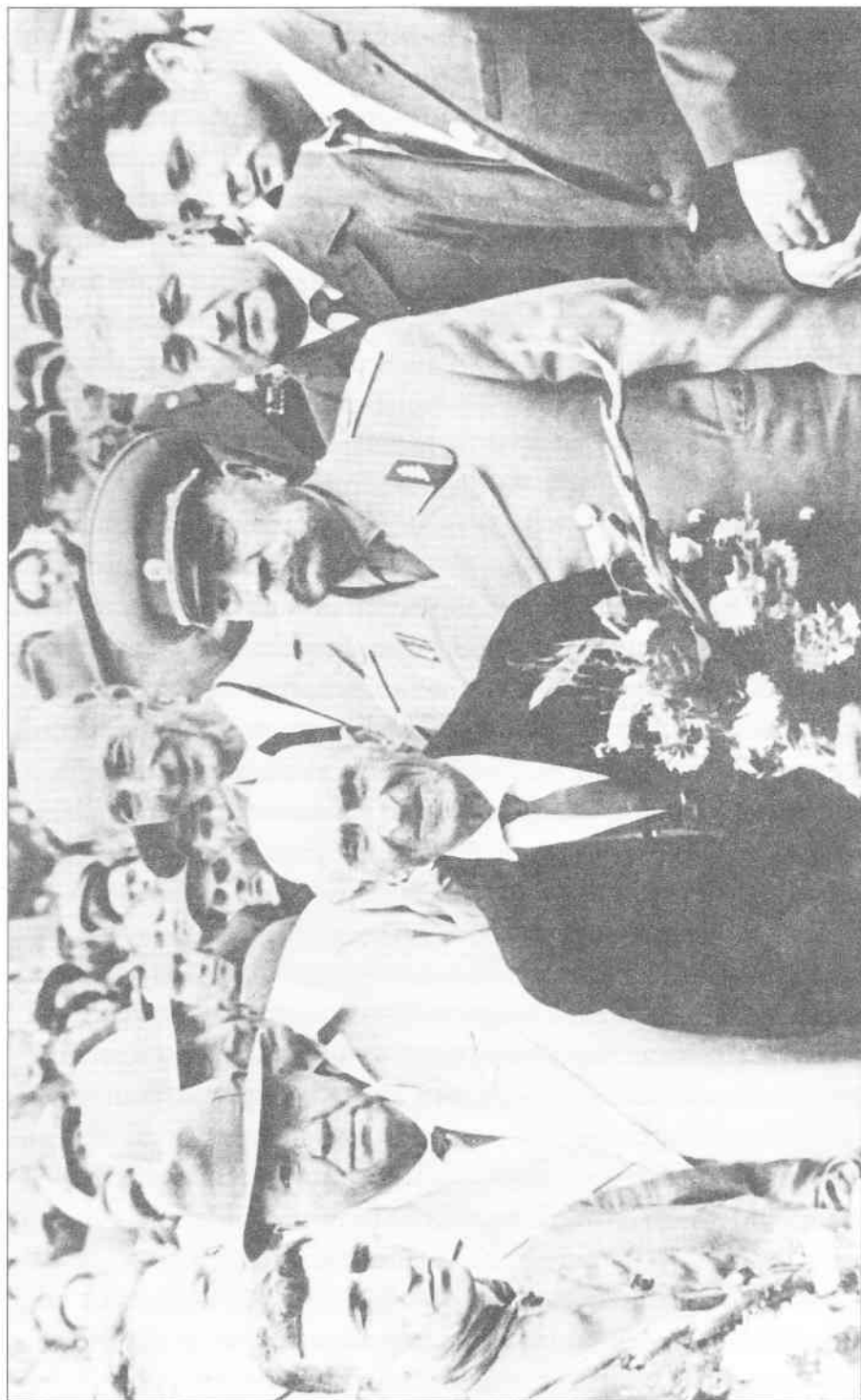
Мать Арамиса Альбина с сыном Д'Артаньяном

Жеребец Арамис — производитель

Московский ипподром. Выводка лошадей после Дерби. Сидят: С.М. Бурённый, Г.В. Нечипоренко, П.И. Морозов, П. Трушин. Стоят: директор конных заводов Терского П. Страхов, "Востода" В.В. Иванов, Кабардинского А. Саламов, Бесланского К. Дзалаев, начальник управления коневодства Украины А. Каламтар и директор Бакинского ипподрома Алибегов

Поздравление Беспянского конзавода с международным призом Мира. Справа налево: Дзалаев К., Нечипоренко Г., Будённый С., доктор Герике — президент Международного конгресса, Долматов Е., Ворошилов К., Зекашев А., в центре тренер Камбегов Д.

зы: Летний и Арагвы, а ее сын от Суздаля Господарь — приз им. Калинина в Москве в 1985 г.

Следующим от Альбины был получен в 1965 году гнедой Д'Артаньян от Экрана. Уже в феврале, по снегу, Д'Артаньян мог легко делать галоп на 1000 метров за одну минуту. По моему мнению он был еще классней Арамиса. Отправляя весной в Москву лошадей, для Д'Артаньяна оборудовали отдельный вагон, в котором его лично сопровождал тренер Джамбот Михайлович Камбегов.

Первую скачку Д'Артаньян выиграл, как у нас говорят, на полпрямой, и стал главным фаворитом на Летний приз. Однако во время тренировки получил травму сухожилия. По настоянию тренера, все же был записан на приз и, образно говоря, на трех ногах финишировал третьим, захромав окончательно.

Уже в восьмидесятые годы от дочери Альбины — Аделанды получена рыжая, по масти очень похожая на Арамиса, кобыла Арабеска — суперклассная скакунья. Двух лет она выиграла призы Пробный и Авроры, трех лет: Аналогичной (1000 гиней), Струны, Большой Летний (2000 гиней), Большой спринтерский, Критериум и приз Гранита. Арабеску было решено записать на приз Бридерс Кап Спринт стоимостью миллион долларов, разыгрываемый в США, но из-за большой суммы вступительного взноса поездка не состоялась.

После этого Арабеску, которая по своему потенциалу должна была стать лучше своей бабушки Альбины, дельцы от коневодства Б. Антонцев и В. Хачиров отдали в Швецию неизвестно на каких условиях, но известно, что Бесланский конный завод ничего за эту кобылу не получил, и она до сих пор не возвращена. Прошло уже десять лет, а Арабеска числится на балансе конного завода. Но в наше время остаются безнаказанными и не такие темные дела.

Кобыла Галактика, гнедая, 1957 года рождения, из маточного гнезда Этуали, давшей редчайшего класса кобылу Эволюцию, победительницу призов им. Калинина, ОКСа и Дерби, а также жеребца Экспресса (выиграл призы им. С.М. Буденного и Сравнения) и Экономии (второе место в ОКСе).

Галактика скакала на удивление плохо, и в "Восходе" от нее получили от трех разных производителей плохо скакавший приплод. В Беслане же ее первый сын Рангоут от Регистратора выиграл приз им. Калинина, а Геналдон сын Статора стал дважды дербистом, выиграв в Пятигорске, а затем в Москве, оставив в побитом поле фаворита номер один восходовского жеребца Магната.

Дочь Галактики — Гватемала дала трех победителей традиционных призов, в том числе Галлона, выигравшего приз им. С.М. Буденного.

Кобыла Руза, гнедая, 1961 года рождения, дочь Руды — правнучки Дарико матери Дагара, который выиграл Открытие, Дерби, приз СССР, Вступительный, Сравнения, Дружбы народов и Прощальный. Сама Руда — победительница ОКСа, призов им. С.М. Буденного и Закрытия.

И сейчас удивляюсь, как удалось увести Рузу из "Восхода" при столь компетентном начконе как Шимширт. Уже после Рузы Руда дала классных Раунда (производитель) и Решту.

На Бесланском конном заводе от Рузы была получена кобыла Руса, одержавшая победу в Москве в призе Аналогичной (1000 гиней), давшая в заводе хорошо скакавшего Раздела (Большой летний приз) и др.

В связи с Русой расскажу небольшую, но, на мой взгляд, поучительную историю, особенно для молодых коннозаводчиков. В конце 1980 года был я в командировке на Малокарачаевском конном заводе. Сидим с директором завода Х. Аджиевым в его кабинете, решая какие-то деловые вопросы, как вдруг заходит Алексей Исаевич Майстренко и А.З. Саламов, активно помогавший ему в формировании чистокровного отделения Красноармейского рисосовхоза.

"— Мы к тебе, — обращается ко мне Саламов. — Помоги Майстренко купить одну кобылу в Бесланском заводе". Спрашиваю: "Какую?" "Русу." Помолчав минуту, говорю: "— Во-первых, этот вопрос решают директор и начкон, а во-вторых, на их месте я никогда не отдал бы такую кобылу". Тем более, что по мо-

ей рекомендации Руса была покрыта только что поступившим в СССР Монконтуром.

Но оказывается, Майстренко и Саламов уже были в Бесланском заводе, и там им сказали, что без разрешения Дзалаева кобылу не отдадут (в то время я работал заместителем начальника Главка коневодства Минсельхоза РСФСР).

Я отказываюсь давать такое разрешение. Но кто помнит личность А. Майстренко, его активность и напористость в достижении поставленной цели да еще при поддержке Саламова, которому мне трудно было категорически отказать, те поймут мое положение. Как двадцать лет назад Саламов помог мне — молодому директору — комплектовать завод, так теперь убеждал уже меня помочь Майстренко. Алексей Исаевич достает заранее заготовленное письмо на имя директора Бесланского завода Н.М. Пхалагова о продаже Русы, я ставлю резолюцию: "При Вашем согласии не возражаю". Но подспудно меня точила мысль, что я не прав, и на следующее утро еду в Беслан, чтобы предупредить события и не отдать кобылу.

Приезжаю и узнаю, что час назад был Майстренко с коневозкой, и Русу увезли. Вот это оперативность. Хорошо хоть то, что кобыла попала в настоящие руки и принесла большую пользу. Сын Русы от Монконтура — Мавр 1981 года рождения в трехлетнем возрасте по дороге на скачки в Москву сильно заболел, отстал в работе и все-таки сумел выиграть призы Республики, СССР, а на международных скачках в Берлине занял второе место в призе Москвы и был вторым в Кубке социалистических стран, став затем производителем.

В рисосовхозе Руса дала классного Грина (призы: Дружбы народов и Прощальный) и оставила ценных дочерей. Например, кобыла Магистраль является бабушкой оксистки 1999 года — Альмиры.

Я подробно остановился на анализе нескольких кобыл, ведущих свое происхождение из "золотых семейств", не указывая на мужскую составляющую их родословных, потому что считаю это одним из главных, если не самым главным моментом в практической селекции получения классных лошадей.

1969 г. Ростовский ипподром. Жеребец Пигмей победитель Ростовского Дерби. Справа налево:
И.В. Большаков, П.П. Брикель, В. Хачиров, Н. Федосеев, К. Дзалаев, жокей Н. Токарев,
тренер К. Гудиев

Кобыла Фабрика. Жокей В. Мельников, тренер Г. Кантиев. Москва 1989 г.

Конечно, отцы играют большую роль, но у всех приведенных выше, хорошо скакавших или ставших ценными матками кобыл в Бесланском конном заводе отцы в большинстве случаев были далеко не выдающимися. Самые лучшие жеребцы стояли в "Восходе", Днепропетровском, Онуфриевском и Кабардинском заводах.

В подтверждение сказанного приведу еще несколько примеров. Уже упоминалось, что вместе с молодыми кобылами на Бесланский завод поступили выбракованные из "Восхода" старые матки, в том числе семнадцатилетняя Торпеда III до этого последние четыре года абортировала и два года холостела. Но она была дочерью Тавриды — основательницы ценного гнезда, откуда вышли Тубероза (второе место в ОКСе), Вампир и всесоюзный рекордист и дербист Заказник, а впоследствии Гонконг, Раут, венгерский дербист Гажи и много других ценных лошадей.

В первый случной сезон, за неимением других, мы использовали чистокровных жеребцов Госконюшни, и Торпеда была покрыта Талантом — сыном Агрегата и Трансляции дочери Сесии II. Талант имел в своем активе только победу в призе Закрытия 1958 года.

Родился жеребчик Тантал. На следующий год Торпеда пала, а Тантал в Пятигорске вне конкуренции выиграл Летний приз, приз им. Калинина и ряд больших призов в Ростове.

От выбракованной из "Восхода" Сигнатуры, матери Сигнализации в Беслане был получен Сафьян — победитель традиционных призов во Львове в 1966 году. От дочери Сигнатуры — Светлицы хорошо скакал Слалом 1971 г. рождения. Купленная на Днепропетровском конном заводе Глициния, не скакавшая, но доводившаяся внучкой дербистке Гитаре в Беслане дала от Электромагнита жеребца Гизельдона — победителя призов: Пробного, Осеннего и Большого Летнего в 1966 и 67 гг. в Пятигорске.

Можно упомянуть еще двух молодых кобыл, попавших в первые годы к нам на завод: Филармонию 1960 г. рождения и Проблему 1958 г. рождения.

Филармония — дочь Фестины, внучки Силли Фиш из семейства которой уже тогда блистали дербисты Ранжир, Забег, Регель, Эрос, Хвала, Заряд, а позже Задор, Зелла, Болгария, Боппард. От самой Фестины отлично скакал брат Филармонии — Фланг 1955 года рождения, а вот Филармония скакала просто плохо. Но уже первая ее дочь от Аркада — Фантазия в 1967 году выиграла все большие призы для кобыл двух лет в Пятигорске, а ее дочь Филумена от Лангета в 1974 году выиграла вообще все призы для двухлеток, включая приз им. Калинина.

В дальнейшем высокий скаковой класс проявили внуки и правнуки Филармонии: Фасонная от Стоика, Фацбадан (дважды приз СССР), Фабрика от Банта (Пробный, Большой двухлетний для кобыл, Летний, приз им. Калинина в Москве и международный приз Софии в Будапеште), Футболка (приз Струны в Москве).

Проблема тоже из семейства Силли Фиш, внучка ее лучшей продолжательницы кобылы Пустыни. В 1956 году уже отлично скакал брат Проблемы по матери Гипс (приз РСФСР). Сама Проблема из пяти выступлений выиграла одну рядовую скачку. А вот на заводе оказалась классной маткой — матерью жеребца Палладина от престарелого Дугласа. Палладин выиграл в Москве приз Элиты и стоял производителем в заводах Украины.

Еще класснее был ее сын Пигмей от Гэй Верриора — призер Московского Дерби и многих других скачек.

Теперь мне хочется сделать небольшое резюме.

Если к описанным восьми кобылам прибавить еще две-три старых, но из хороших семейств и поступивших в Бесланский конный завод в 1964 году маток Прилепского завода, в числе которых были пять кобыл гнезда Лести I, а также выводная из Германии кобыла Тифзее с дочерьми, то именно эти пятнадцать-двадцать кобыл, и только они, позволили заводу с молодняком первых ставок рождения 1962–70 гг. стать в ряд лучших в СССР.

Это еще раз говорит о том, что не количеством производящего состава можно добиться успеха на ипподромах и даже не наличием выдающихся жеребцов-производителей, а качеством кобыл в первую очередь и созданием самых благоприятных пастбищных условий, кормления, содержания и тренинга.

На заводе Ф. Тезио никогда не было более двадцати кобыл, но он дал миру скакунов-производителей, чьи потомки уже более полувека доминируют в мировом чистокровном коннозаводстве.

С кобылами, в происхождении которых нет выдающихся имен, заниматься скаковым делом — это огромные затраты средств и времени без надежды на успех.

ерьезной проблемой в организации Бесланского конного завода был вопрос кадров. Приходилось принимать для работы с лошадьми людей не имеющих никаких навыков. Поэтому первое жилье, появившееся на заводе, передавалось конникам, которых я приглашал к нам из других конных заводов. Чтобы иметь постоянный контроль за работой, в 1961 году уговорил семидесятилетrehлетнего отца оставить тренерскую работу в Ставропольском заводе и переехать в Беслан. Он очень помог мне в течение двух первых лет. Не считаясь со здоровьем и временем, все силы отдавал работе с лошадьми и особенно людьми, остро переживал малейшие упущения в уходе за племенным поголовьем. На его руках находились и первые жеребята, родившиеся в 1962 году, на которых он надеялся применить свой большой скаковой опыт. Даже клички первым жеребятam — Тантал и Балет — дал отец.

Но очевидно, переживания за дело и в первую очередь за меня (а для этого были причины), а также то, что он был оторван от своей конкретной работы тренера, вызвали серьезное сосудистое заболевание, приведшее в июне 1963 года к его кончине (инсульт головного мозга). А через год его "крестники" принесли

Пятигорск, 1964 г., приз памяти М.П. Дзалаева. На снимке тренера и руководство ипподрома

первый успех Бесланскому заводу: Тантал выиграл все призы для двухлеток в Пятигорске, а Балет остался вторым за Танталом в призе им. Калинина.

Тогда же я уговорил перейти к нам на работу опытного бригадира маточника М. Гребенюка с Кабардинского конного завода. Производственные дела на заводе двигались нормально: активно велось строительство конюшен, хозяйственных объектов и даже многоэтажного жилья в городе. Прилегающую к конюшечному комплексу землю — около двухсот гектаров — отвели под огороженные сеянные пастбища (левады), чего, кстати говоря, в те годы не было ни на одном заводе страны.

Но... Помните, как у Лермонтова: "Быть может за хребтом Кавказа укроюсь от твоих пашей..."? Увы, опять мой маленький жизненный кораблик наталкивается на рифы в образе "ума, чести и совести нашей эпохи".

Еще при знакомстве с первым секретарем Бесланского райкома партии В. Хозиевым, он явно выразил недовольство, что мое назначение состоялось без согласования с ним. Я даже удивился его смелости по отношению к Обкому, который меня лидировал. Как

выяснилось потом, в республике шла "внутрипартийная война", в результате которой группа Хозиева победила, и первый секретарь обкома был переведен в Ставрополь. Уже в 1961 году до конного завода довели план продажи государству мяса, яиц, зерна, подсолнечника. Заставили выращивать птицу, перепаживать многолетние травы, засеянные с большим трудом добытыми семенами люцерны, завести молочную и свиноводческую фермы. Никакие возражения и доводы об отсутствии базы для животноводства не принимались во внимание, а проблемы коннозаводства воспринимались как мои личные. Все силы на выполнение решений партии и правительства и лозунгов Н. Хрущева "Догнать и перегнать США по производству продукции сельского хозяйства", "Долой травополье и травопольщиков. Да здравствует кукуруза."

Заставили срочно принимать десятки тысяч цыплят. Размещать их приходилось где попало, в приспособленные помещения и даже в конторе завода. Закупили в Ростовской области 120 телок, и уже через два года получали молоко. Построили птичник, зимой 1962–63 года завезли туда более десяти тысяч цыплят. Птичник оборудовали брудерным отоплением, специальными лампами синего света, создав образцово-показательные условия. На этот птичник даже привозили специалистов за опытом.

В марте 1963 года ночью будит меня звонок с "приятным" сообщением: горит птичник. До этого в республике произошло несколько пожаров на крупных объектах, и была команда сверху — карать руководителей. Завели следствие и, несмотря на то, что конкретно был виновен моторист, отлучившийся с дежурства и допустивший утечку и воспламенение топлива, а также главный инженер, ответственный за пожарную безопасность, к суду привлекли именно меня. Сделано это было явно под давлением райкома партии. Осудили на два года условно, сняли с работы и приказом по Минсельхозу Осетии назначили меня главным зоотехником, заместителем директора.

Звоню в Москву П.П. Парышеву. Он выслушал меня и говорит: "Раз они с тобой так поступили, увольняйся. Будешь назна-

чен директором Лабинского конного завода Краснодарского края". Там в то время умер директор В.М. Долгий.

Пищу заявление. Вызывают в Обком и угрожают: если уйду с завода, на меня заведут гражданское дело о материальном ущербе. В общем, загнали меня мои землячки-начальнички в угол.

Надолго запомнился этот 1963 год. Через месяц умер отец. Но говорят же: бог взял — бог дал. В один день со смертью отца, а по подсчетам даже в один час, у нас родился младший сын, названный в честь деда Максимом.

После потери отца, которую я пережил очень тяжело, пролежав целый месяц с нервным заболеванием, по рекомендации П.П. Парышева на завод был принят тренером Борис Понамаренко, имевший уже серьезный опыт работы жокея и тренера "Восхода", а также в стипльчезах. Он тогда только что вернулся из Англии, где сам принимал участие в Большом Ливерпульском стипльчезе. Конечно, мы создали ему все условия для нормального быта и работы.

Директором конного завода назначили У. Аликова, одного из тех номенклатурных людей райкомов, и обкомов, которых переводили с места на место, но только в качестве начальника, независимо будет это предприятие сельскохозяйственным, промышленным или любым другим. Он даже в графе "профессия" писал — директор. У. Аликов был хорошим человеком, но не руководителем конного завода, что и доказал, в течение года резко снизив показатели производства и экономики, за что был переведен управляющим межрайонной базы "Сельхозтехника", а меня вернули на старое место.

Я ничего не пишу о начконе Хачирове, который работал со мной с конца 1961 года, потому что все вопросы селекции и технологии решал и контролировал сам в силу его слабой компетенции в коннозаводстве. А в период, когда я не был директором, он работал зоотехником госконюшни. Здесь проявилось его безразличие, и даже хуже, в отношении к чистокровным лошадям.

Мастер спорта
В. Калинин на жеребце
Араксе Бесланского
конзавода. Выиграл
чемпионат СССР
по троеборью

Москва, ипподром. С делегацией Северной Осетии
на Всесоюзных соревнованиях конников, 1967 г.

Падение на трассе
Стиплъ-чеза В. Прахов
на кобыле Хингана,
1965 г.

Мастер спорта В. Горелкин —
победитель Большого Пардубицкого
приза на жеребце Прибое

Стиплъ-чез 1886 г.

Не буду детализировать, но если он прочтет эту книгу, то вспомнит. Я не хотел возвращать его снова на завод, несмотря на нажим со всех сторон, и он был назначен Главком директором какого-то завода в Вологду или Кострому. И только слезная просьба моей мамы, к которой обратилась мать Хачирова, жившая по соседству изменили мое решение. И сейчас жалею об этом, потому что впоследствии он сыграл крайне негативную роль в упадке Бесланского конного завода.

Осенью 1963 года Б. Понамаренко принял первое тренотделение, укомплектованное молодняком, рожденным и выращенным на нашем заводе. Для работы собрали группу местных бесланских ребят в возрасте 14–16 лет, быстро освоивших навыки в езде и работе. Многие из них принимали участие в профессиональных скачках уже в 1964–65 годах. Особенно способными были Сослан Дзилихов, Эльбрус Плиев, Слава Богазов, Борис Лазаров, Гамек Сидakov, Жора Маргиев. Из этих ребят Сослан Дзилихов, пройдя школу у таких знаменитых тренеров как Д.М. Камбегов и К.И. Гудиев, сам стал мастером-тренером, и до сих пор успешно работает в Беслане. Потяжелевшие Э. Плиев и Б. Лазаров стали известными артистами цирка в конном жанре. С. Богазов и Г. Сидakov стали спортсменами-стипельчезниками и даже принимали участие в Пардубицких скачках. Юрий Утаров — мастер спорта по конкурам.

Конечно, никто из участвовавших в сезоне 1964 года в скачках на Пятигорском ипподроме, всерьез наших лошадей не принимал. И тем ошеломительней для всех стала легкая победа в первом традиционном призе для двухлеток жеребца Атоса (Экран — Альбина) под седлом ездока Н. Казаченко.

Через месяц разыгрывается следующий большой приз — Летний. Снова блестящая победа наших. Первым финишировал Тантал, вторым Атос. И, наконец, главный приз для двухлетних лошадей им. Калинина на дистанцию 1600 метров. Учитывая большое значение приза и конкуренцию, особенно со стороны "Восхода" и Кабардинского конных заводов, решивших взять реванш, мы пригласили на Тантала мастера-жокея В. Левенцова

и записали вторую лошадь — Балета. И опять на финише первыми оказались лошади из Беслана.

Если для всех эти победы были неожиданными, то мы, наоборот, обеспечив с первых дней лошадей конного завода всем необходимым, надеялись только на успех. Настолько надеялись, что я привез на ипподром работников прессы и телевидения республики. Для Осетии эти победы были очень почетны, тем более, что в побитом поле оказались конники "Восхода" и Кабардино-Балкарии — извечной соперницы Северной Осетии во всех видах спорта.

По поводу соперничества есть еще один запомнившийся эпизод.

Осенью предыдущего года на Бесланском ипподроме проводились соревнования конников колхозов, совхозов и конных заводов зоны Северного Кавказа и Ростовской области. Эти состязания являлись самыми крупными в стране, учитывая, что в этой зоне сосредоточены лучшие верховые породы, заводы и спортивные школы. Но у нас взрослых лошадей ещё не было, и руководство республики дает мне задание найти и готовить лошадей к этим дням. Помотался по России и Украине, за счет колхозов и совхозов Осетии, спонсировавших мероприятие, приобрели группу лошадей для скачек по программе соревнований. И по-серьезному подготовились к "бою".

Прибыло руководство из Москвы и всех областей, краев и республик Северного Кавказа и, конечно, из Кабарды во главе с первым секретарем обкома Т.К. Мальбаховым.

Рядом с ним в ложе ипподрома сидел наш первый — Б.Е. Кабалоев — человек очень остроумный с большим умением "поддеть под ребро".

Начались соревнования, и наши конники выигрывают подряд три скачки. Не знаю, что сказал по этому поводу Кабалоев, но делегация Кабарды в полном составе покинула ипподром. Представляете, что выслушали руководители коневодства наших соседей, в том числе и мой учитель А.З. Саламов...

Здесь кстати упомянуть, что несколько рожденных и выращенных в 1962–67 годах в Беслане жеребцов оказались выдающимися спортивными лошадьми. Гнедой Аракс сын Экрана и Аренды под седлом мастера спорта Виктора Калинина стал чемпионом Советского Союза по троеборью. Чемпионом Спартакиады народов СССР стал жеребец Ресфедер (Фактотум — Регистрация). Международный приз — барьерную скачку приз реки Хрудимки выиграл наш жеребец Трепет (Аркад — Трибуна). Купленный нами в двухлетнем возрасте жеребец Эквадор (Рауфбольд — Эспертиза) выиграл несколько скачек, в том числе приз Элиты, а затем стал чемпионом СССР по конкурам.

Осенью 1964 года я был включен в команду СССР, традиционно принимавшей участие в международных стипльчезах и барьерных скачках в Чехословакии. К этому времени у нас было несколько лошадей старшего возраста, которые успешно выступали в зональных соревнованиях. Две из них — Херес и Байрагдар — вошли в состав команды и удачно выступили: Байрагдар выиграл приз "Кладрубы", а Херес в другой скачке занял призовое место.

Немного расскажу для тех, кто не знает, об этих скачках в Чехословакии. Традиционно, уже более ста лет, на красивейшем ипподроме города Пардубице, в ста километрах от Праги, в начале октября проходит международный митинг по стипльчезам и барьерным скачкам различной сложности на разные дистанции для разных пород и возрастов. Главный приз митинга "Большой Пардубицкий" (Велка Пардубицка) считается вторым в мире по сложности после Ливерпульского стипльчежа в Англии. Но в одном моменте "Большой Пардубицкий" даже труднее. Около шестисот метров из общих 6900 по дистанции нужно пересечь по глубокой пахоте, а также преодолеть коварное водное препятствие "Гадючий ров".

Но самым сложным препятствием, а всех их тридцать четыре, является "Большой таксис". Это глубокий (два метра) и широкий (четыре метра) ров с отвесными стенами, а перед ним полутораметровой высоты широкая засека. Так что лошадь, подхо-

дя к препятствию, рва не видит. Чтобы преодолеть "Большой таксис", всаднику с лошадью нужно совершить восьмиметровый чистый прыжок, а если это не удастся, они оказываются во рву.

Начальником команды в том году был генерал П.П. Брикель, а я зоотехником. На "Большой Пардубицкий" мы записали три лошади: чистокровные Грифель от Грога II под седлом Ивана Авдеева, Гобой от Балтик Барона под седлом мастера спорта — троеборца Владимира Конькова и Валентин Горелкин на жеребце буденновской породы конного завода им. С.М. Буденного Ростовской области — Прибое.

Грифель в 1961 году и Гобой в 1962 уже были обладателями этого приза, а основным фаворитом теперь безусловно считали чешского чистокровного очень классного жеребца Корана — победителя "Большого" в 1963 году, ставшего национальной гордостью ЧССР.

Не знаю как сейчас, но раньше разрешалось в этом призе членам команды оказывать помощь в случае, если лошадь или всадник упадут. Поэтому мы распределились с этой задачей у самых опасных препятствий, в том числе и я. У "Большого таксиса" стоял наш ветеринарный врач Арнольд Ласков. Стартовало около двадцати лошадей. Наши всадники приняли старт очень хорошо, и вскоре во главе скачки определились Гобой, которому было указание лидировать, чтобы "потянуть" за собой Корана, а Грифелью дать возможность ехать по себе; за ним Грифель и Коран.

От многотысячной трибуны неслось: "Коран, Коран, Коран." И тут случилось несчастье. Преодолевая "Гадючий ров", Коран неудачно прыгнул, попал передними ногами в воду и получил перелом ноги выше запястья. На "Большом таксисе" треть лошадей осталась во рву. Неудачно прыгнул и Авдеев на Грифеле, потеряв шансы на победу. Горелкин при приземлении после прыжка оказался "на ухах" Прибоя, но с помощью Ласкова сел снова в седло и продолжил борьбу. Лучшее всех через таксис прошел Гобой и оторванно ехал впереди, приближаясь к моему препятствию. В это время к нему броском подъехал румынский спортс-

мен и перед самым прыжком чуть подтолкнул Гобоя. Тот, зацепив ногами барьер, через голову упал навзничь, а Коньков вылетел из седла. Я бросился к Гобою, чтобы освободить подпругу и поднять его, в горячке забыв о надвигающейся лавине стиплеров. В результате очнулся на носилках, когда санитары грузили в "скорую помощь". Какая-то лошадь, оказывается, задела меня копытом, к счастью, не очень, сильно.

А в это время по ипподрому объявили, что приз выиграл Валентин Горелкин на Прибое. До финиша дошло только шесть всадников. Затем последовало второе объявление: о невозможности лечения Корана. Это значило, что он будет застрелен. Раздался выстрел, зазвучала траурная музыка, и десятки тысяч чехов, словаков и гостей стояли и плакали. Позже состоялось награждение нашего Валентина Горелкина с Прибоем под звуки гимна СССР.

Возвращаюсь после Чехословакии домой. По пути заехал на Пятигорский ипподром, где на днях состоялось Закрытие скакового сезона, и здесь узнаю, что в последней скачке — Осеннем призе — наши лучшие лошади не только не выиграли, но даже не попали на призовые места.

По рассказам очевидцев-специалистов мне стало ясно, что дело здесь темное. В этом я убедился, когда мне дали распечатку ставок и выдач по этой скачке в тотализаторе.

Приехав на завод, вызываю тренера Понамаренко Бориса Николаевича: "Что случилось? Почему так позорно проиграли?" — "Не знаю". Опять спрашиваю: "Может Вы записали на приз неготовых или больных лошадей?" — "Нет, лошади все были в порядке".

Тогда я ему сказал, что причина, по которой он опозорил лучших лошадей сезона, известна мне, и называется она "левая езда" и что больше с этими лошадьми он работать не будет. Я их передаю другому тренеру.

Срочно связался с известным и старейшим мастером Д.М. Камбеговым, работавшем тогда на Стрелецком конном

заводе на Украине, получил его согласие и перевез в Беслан. Одновременно по рекомендации Камбегова пригласил на работу лучшего в то время жокея, скакавшего на Львовском ипподроме — Николая Токарева.

Понамаренко попытался через П.П. Парышева, который ему очень симпатизировал, изменить мое решение, но я не поддался. Тогда Понамаренко пишет на меня жалобу в Обком партии. Суть ее заключалась в следующем: победы в скаковом сезоне 1964 года, принесшие республике славу, достигнуты только благодаря ему — члену КПСС и великому тренеру. Решение Дзалаева передать лучших лошадей Камбегову — уже ни на что не способному старику — все погубит и направлено, ни много ни мало, против интересов республики, а он патриот Осетии считает такие действия вредительскими.

Конечно, после того как в течение скакового сезона пресса с моей легкой руки превозносила успехи наших лошадей и тренера Б. Понамаренко, его жалоба была воспринята всерьез. Тут же на завод приезжают зав. сельхозотдела Обкома, Министр сельского хозяйства и секретарь райкома. Состоялся тяжелый разговор в присутствии Понамаренко о том, что у меня нет прямых доказательств вины тренера и нужно отменить мое решение. Пришлось заявить, что отменять ничего не буду, что решать вопросы с коннозаводством и его кадрами — моя компетенция, но раз вы настаиваете, то делайте это без меня. Покинул кабинет и пошел пешком домой. Минут через десять догоняет меня машина Министра — просят вернуться. Снова беседуем, но теперь уже без тренера. Наконец, гости уехали, оставив мое решение в силе.

Многие скептики высказывались тогда, что Д.М. Камбегов, которому было уже более восьмидесяти лет, свое отработал и ждать от него нечего. Но у меня была уверенность, что этот легендарный жокей и тренер, еще в начале века побеждавший в главных призах России (Дерби и Императорском призе), а в советское время несколько раз становился чемпионом среди тренеров, вернувшись на родину, обретет новое дыхание.

Надежды оправдались, и уже в 1965 году на Ростовском ипподроме (приближались к Москве) его тренотделение заняло первое место, выиграв большие призы и установив новый всесоюзный рекорд на 1500 метров — 1 минута 30 секунд, продержавшийся более тридцати лет.

Ну, а жизнь была ключом и все почему-то часто мне по голове.

Очевидно и району доводились дурные задания по животноводству поскольку конзаводу вдруг утверждают сдачу мяса государству без наличия реальной базы производства. Спрашиваю: "А где же взять мясо?" — "Закупай у населения или выращивай скороспелых уток". "Ну, думаю, — в Ставропольском заводе уже навывращивали..." Но делать нечего, сопротивление, как говорится, бесполезно, надо пробовать, хотя кроме бурно текущего Терека, воды для уток не было. Посидели, посчитали и решили: найти племенное утиное яйцо, вырастить и продавать племенных уток. И мясо, и хорошие деньги при племпродаже.

Поехал по Северному Кавказу. Через знакомых в каком-то племптицезаводе довольно дорого закупили племенное яйцо, привезли на инкубаторную станцию в Беслан, а сами срочно соорудили утятники и искусственный водоем. И что вы думаете? В течение двух с половиной месяцев, правда при полноценном кормлении, мы вырастили большую партию прекрасных уток, заплеменили их через племобъединение, закольцевав каждую утку, и заключили договор с колхозом из другого района на племенную продажу. Хотели как лучше, а получилось как всегда, как говорит В. Черномырдин. Повторяюсь, но это еще один печальный факт того, как в стране партия поднимала сельскохозяйственное производство.

Вызывает в райком первый секретарь, при мне уже четвертый по счету, М.Н. Фидаров. В кабинете у него сидит мой сосед по хозяйству председатель колхоза и приятель первого секретаря. "Мы, — говорит Фидаров, — смотрели твоих уток, нам очень понравились. Надо их передать в колхоз Ольгинское для воспроизводства". Как же так? У меня же договор с другим колхозом,

и уже получен аванс. Однако Фидаров приказывает: аванс вернуть, уток передать в Ольгинское, а тот за нас сдаст мясо. Спрашиваю, а кто возместит племенную стоимость уток, которая в четыре раза превышает обычную мясную? "Ишь, коммерсант нашелся. Ты что не патриот района?".

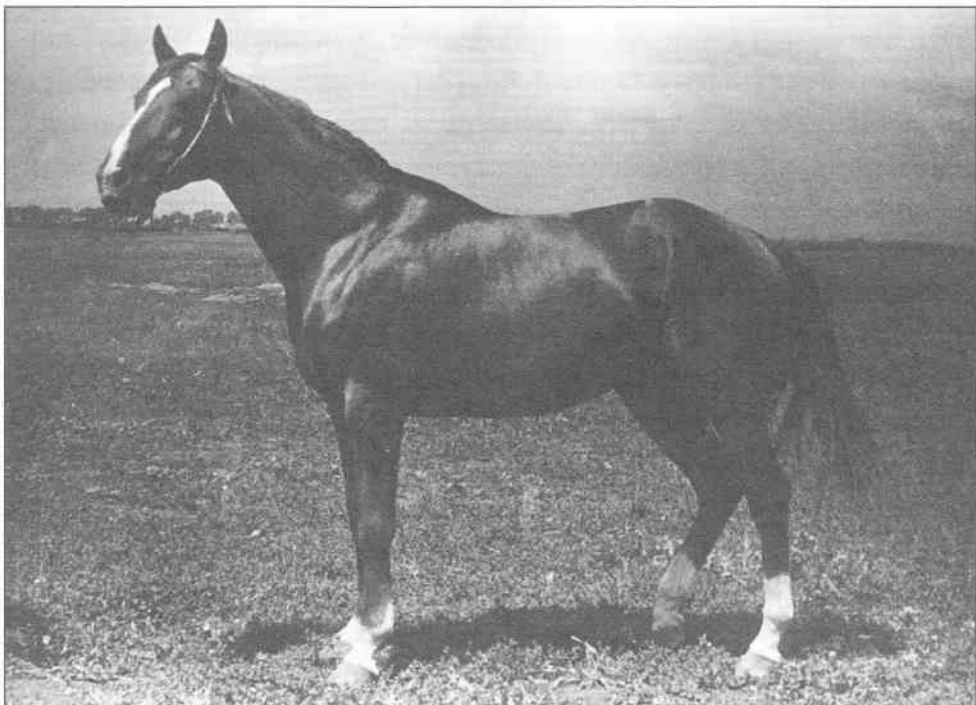
Одним словом, отняли уток и, конечно, через год они там все погибли от болезней, а у меня навек отбили охоту заниматься племенным птицеводством.

Зато наша молочная ферма красно-степной породы с первых отелов стала лучшей в республике по надоям. В 1967–69 годах мы надаивали около четырех тысяч литров молока от коровы, выращивали племенных телок и бычков. В кабинете директора постоянно стояли переходящие знамена республики по животноводству.

В эти же годы многие работники фермы получили правительственные награды, а доярка Назо Маргиева стала Героем социалистического труда.

Главная заслуга во всем этом успехе принадлежала замечательному заведующему фермой Баталу Сидакову, тоже награжденному орденом Ленина. Недавно он скончался, и пусть земля ему будет пухом.

постоянной заботой с первых лет существования завода был поиск достойного жеребца-производителя. Москва направляла нам нескольких, но среди них не было ни одного внушающего уверенность. Они или плохо скакали (импортные Аркад, Елец) или хорошо скакавший Брянск, выигравший много призов, но в их числе не было главных: Дерби и им. Калинина. Брянск выигрывал скачки и даже международные под жестоким хлыстом Николая Насибова и прибыв на завод, два месяца в начале случной кампании даже не реагировал на кобыл.

Жеребец Разгар /Грог II — Радуга/ — отец Арамиса, Сардара

В те годы в городе Орджоникидзе жил старый коннозаводчик Мурат Измаилович Карабугаев, о котором я упоминал в связи с событиями при розыгрыше Ташкентского Дерби. Он дружил с отцом, часто приезжал ко мне на завод, живо интересовался конными делами и помогал мне советами.

Так, однажды в 1961 году, перебирая и анализируя возможных кандидатов в производители, остановились на жеребце Разгаре, блестяще скакавшем в двухлетнем возрасте, победителе в Москве Летнего приза и приза им. Калинина. Разгара вывели из племенного состава, так как в первой же скачке трех лет в призе Открытия в 1958 году у него пошла носом кровь, и он был признан блютером, а таких лошадей в нашей стране в воспроизводство не допускают. Но мне было известно, что на Западе немало случаев, когда классно скакавших блютеров ставили в производители. Многие специалисты, и я с ними полностью согласен, считают, что причиной кровоточивости является не наслед-

ственная хрупкость кровеносных сосудов носовой полости, а погрешность в тренинге высококлассной лошади. Как в случае с Разгаром, так позже на моих глазах произошло и с лучшим сыном Анилина — Газолином. Он, как и Разгар, вне конкуренции выиграл в Москве призы Пробный, Летний, им. Калинина и так же как Разгар в первой скачке трех лет — закровоточил. Я видел Газолина до открытия, говорил с Насибовым о том, что жеребец тяжелый и к скачке не готов. Но Николай Насибов был настолько уверен в его классе, что ответил мне: "Газолин выиграет призом кентером". То есть легко. Но случилось то, что и должно было случиться. Мощное сердце качает кровь, а периферийная сосудистая система не готова и лопается.

После этого Газолин был поставлен жеребцом-производителем в Красноармейский рисосовхоз, и от него там получили прекрасное потомство — и дербистов, и оксисток — и ни у кого из них не было этого "порока", также как и у детей Разгара. Помимо того, что Разгар классно скакал сам, он был родным братом оксистки Герани, родоначальницы класснейшего семейства страны, давшего целую серию дербистов, оксисток и победителей международных призов.

В пользу Разгара было и то, что его отцом был трижды венчанный Грог II — сын Гранита, а дедом — сам Тагор. Грог II 1946 г. рождения попал в Россию из Германии после войны в утробе матери.

В связи с этим интересна страничка из истории "Восхода", рассказанная мне самим Карабугаевым на склоне его жизни.

В конце тридцатых годов он был назначен начконом в "Восход", и когда в войну немцы форсированно подходили к северному Кавказу, было принято решение об эвакуации лошадей в Закавказье. В "Восход" прибыл начальник Северо-Кавказского треста конных заводов и Карабугаеву было приказано: где бы ни находилось поголовье лошадей, он должен быть с ним и сохранить его.

Но с эвакуацией опоздали, и в Минеральных Водах лошади и сопровождающие их люди были захвачены немцами. Немцы

всех вернули в "Восход" и заставили продолжать заводскую работу.

А когда советские войска освобождали Кавказ, основное поголовье с обслуживающими людьми было угнано в Германию. Часть лошадей погибла в дороге, остальные, в том числе Гранит II к концу войны находились на конном заводе Градице, расположенном рядом с местом, где произошла историческая встреча на Эльбе советских и американских войск.

Ночью за сутки до прихода наших, немцы вывезли Гранита II из Градице, и с тех пор никто не знает о его судьбе.

Из Москвы в Германию срочно прилетел Михаил Тигранович Калантар — главный специалист по верховому коннозаводству Минсельхоза СССР, для возвращения лошадей "Восхода". Он принял по акту от Карабугаева лошадей, племенную документацию, поблагодарил за сохранность племенного состава и уехал. А через день ребята из СМЕРШа арестовали Карабугаева, довезли до советской границы, где тройкой военного трибунала он был приговорен к расст-

Жеребец Статор — отец Геналдона и Русы

релу за измену Родине. Странно, но ему была дана возможность обращения за апелляцией. Он написал письмо С.М. Буденному, и расстрел был заменен на десять лет тюрьмы, вернее каторги на северных рудниках, где он был обречен на очень быструю смерть. И только благодаря его могучему здоровью, а главное тому обстоятельству, что в зоне лагерей, где он находился, организовывалось конное хозяйство для лагерных нужд, и понадобился специалист. К его счастью, он был привлечен к этим делам, что и спасло ему жизнь. После смерти Сталина, недосидев несколько месяцев до конца срока, Карабугаев был освобожден, затем официально реабилитирован.

Я описал эту историю, чтобы напомнить коннозаводчикам о том, что в сохранении и послевоенном процветании линии Тагора — Гранита есть и заслуга М.И. Карабугаева. Дербиисты Дуглас, трижды венчанный Грог II, классный Хогор получены по его подбору в Германии, а дети Дугласа — Дерзкий и Задорный — продолжили линию Тагора. Дочь Грога II — Герань стала основательницей самого лучшего маточного семейства за всю советскую историю чистокровного коннозаводства.

После реабилитации Карабугаев был направлен на Александровский конный завод Украины, и тоже попал там в хрущевскую мясорубку. Секретарь очередного райкома решил заставить его заниматься скотоводством, на что Карабугаев со свойственной ему "дипломатией" заявил: "Когда у твоих коров вырастут золотые рога, тогда я ими займусь." На этом закончилась его трудовая деятельность.

Возвращаясь к выбору Разгара в качестве производителя Бесланского конного завода, скажу, что мы сознательно пошли наперекор официальному запрету на использование таких жеребцов. Узнав, что Разгар находится в спортивном обществе "Буревестник", а директор этого клуба М.С. Иванов старый друг А.З. Саламова, я попросил его поехать со мной в Москву. Иванов показал нам Разгара. Потом, как положено у конников, тепло посидели и через неделю Разгар стоял в Беслане, а в 1962 г. уже участвовал в случной кампании.

В апреле 1963 года приехала комиссия из ВНИИ коневодства во главе с ведущим научным сотрудником по чистокровной верховой породе Марией Борисовной Игнатьевой. Увидев на выводке производителей жеребца Разгара, она обвинила меня в нарушении законов советской селекции, доложила в Главк. В мае этого же года в Москве на Совете по чистокровной породе мне вообще из-за Разгара устроили обструкцию, а Евгений Евгеньевич Готтлиб в своем выступлении предрекал что мы "захлебнемся кровью" детей Разгара. Резким он был потому, что лично выгнал Разгара из "Восхода". Но уже скоро жизнь показала, что "не боги горшки обжигают".

В 1965 году нам передали из Прилепского конного завода маточное поголовье, среди которого было отличное гнездо Лести I, а также двух жеребцов Ельца и Статора. Это позволило продать группу кобыл, неудовлетворяющих нас по качеству, в Акстафинский конный завод. После проверки первых ставок на ипподроме освободились от Брянска и Электромагнита. Неудачным оказался импортный Елец, от которого испытали две ставки. Лучшей его дочерью была Мечта от Марны, установившая всесоюзный рекорд для кобыл трех лет на 1800 метров. В дальнейшем она стала ценной заводской маткой. И этим она обязана не отцу, а своему происхождению из гнезда Метаграммы — матери дербиста Марселя. Брат Марны — Мурманск, победитель призов им. Буденного, Республики, остался вторым в призе Европы за жеребцом Фудзияма.

Очень полезным оказался жеребец Статор от Агрегата и Сесии II. Он происходил из семейства кобылы Сорнетт — матери дербиста Спрута. Ее потомки Сафа — оксистка, Стойка — оксистка, Саба — оксистка, а также Сена, Сарса, Смена и Сафра вошли в группу золотого фонда маточного состава "Восхода". Из этого же семейства дербист 1978 года Суздаль, классные Стоик и Стойкий, победители приза им. Калинина Смарагд и Синоп. Скакал Статор

отлично. По мнению всех очевидцев Дерби, в 1959 году он проиграл Газавату случайно, только по вине жокея, слишком самоуверенно ехавшего по дистанции. На Бесланском конном заводе от него скакали хорошо Гостинец (приз им. Калинина на Львовском ипподроме), Горис (международный приз "Козенице", а в 1973 году дважды дербист Геналдон. К сожалению, Статор по настоянию Главка и из-за мягкотелости бесланцев был передан в другой конный завод, туда же, где погиб и Арамис.

 смелев после успеха в скачках на Пятигорском и Ростовском ипподромах весной 1966 года, подали заявку на Центральный Московский.

К этому времени в структуре управления коннозаводством в СССР произошли изменения. Был создан союзный Главк, куда вошли все лучшие конные заводы и ипподромы страны: "Восход", Онуфриевский. Днепропетровский, Московский и Пятигорский ипподромы. В минсельхозе России остались Кабардинский конный завод, Лабинский и Бесланский. Здесь я говорю только о чистокровных заводах.

В начале года приезжали к нам на завод начальник Главка России П.П. Парышев и его первый заместитель Е.Е. Готлиб. Внимательно осмотрели хозяйство и лошадей. Все им понравилось, но в Москву ехать скакать не рекомендовали, считая, что бороться с головкой чистокровных скакунов в Москве нам рано. Да и преклонный возраст тренера Д.М. Камбегова, о чем они мне прямо говорили, не воодушевлял.

А весной к нам приехал Е.Н. Долматов — директор Московского ипподрома, близкий человек С.М. Буденному и старинный знакомый Камбегова. Вывели ему тренотделение, показали лошадей на галопе, после чего он нам заявил: Отделение ваше принимаю, никого не слушай, в апреле отправляй в Москву.

Долматову очень приглянулось наше хозяйство; его расположение, условия содержания лошадей, которые там создавались, в том числе отличный заводской ипподром.

Он предложил сделать Бесланский конный завод филиалом Центрального Московского ипподрома. Учитывая финансовые возможности ЦМИ и влияние, которым пользовался Долматов у С.М. Буденного и Министра сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевича — любителя и покровителя коннозаводства, для нас предложение Долматова было наилучшим решением всех проблем становления. В Осетии я этот вопрос согласовал, но П.П. Парышев, используя свои способности и возможности сумел этому воспрепятствовать и мы остались у него в подчинении.

Е.Н. Долматов — выходец из Первой Конной Армии, одно время был ординарцем у командарма Смильги, расстрелянного в 1937 году. Не имея серьезного образования, также как и его покровитель С.М. Буденный, он стал очень заметной фигурой в нашем коннозаводстве. В предвоенные 1936–39 годы он возглавлял конный завод "Восход" и вместе с талантливейшим начконом М.Т. Калантаром сделал его лучшим в стране. Кроме того, Долматову поручалось приобретение в Англии производителей для чистокровных заводов, и он немало преуспел в этом. На мой взгляд лучшими жеребцами, импортированными в СССР до войны, были отобранные им Тзи Рекордер и Сайклонник, о которых я упоминал. В конце пятидесятых годов Долматов закупил в Англии около десятка жеребчиков годовиков, среди которых блестяще скакали и стали успешными производителями Айвори Тауэр — победитель многих всесоюзных и международных призов, дербист Дельфин и хорошо скакавший Гэй Верриор, ставший лучшим производителем 1966–1977 гг. В 1939 году Евгений Николаевич был отозван С.М. Буденным в Москву и стал сотрудником его аппарата по особым поручениям. Перед самым началом Великой Отечественной войны, как и многие другие невинные жертвы, Долматов был арестован, и только усилиями Буденного остался жив, отсидев целых шесть лет. До 1956 года он работал

Евгений Николаевич Долматов

директором Прилепского конного завода под Тулой. Организовал там чистокровное отделение, собрав приличный производящий состав. Но он понимал, что в условиях центра России разведение английских лошадей мало перспективно, и уйдя с завода на должность директора Московского ипподрома после трагической смерти его друга и соратника Михаила Тиграновича Калантара, Долматов стал инициатором передачи чистокровного поголовья на Бесланский конный завод.

Итак, с благословения Е.Н. Долматова тренотделение отправили в Москву, снабдив его всем необходимым. Камбегову с женой Долматов выделил отдельную квартиру рядом с ипподромом. Жена Д. Камбегова — Александра — была на пятьдесят лет моложе его и подарила ему, семидесятилетнему, сына Азамата — как две капли воды вылитый Джамбот. Жаль, что окончив сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева и пройдя практику на конном заводе "Восход", Азамат отдалился от коннозаводства, хотя и стал толковым специалистом и руководителем в совхозах Подмосковья. Видимо, практическая сторона его характера оказалась сильнее романтической. Шура, так мы звали жену Джамбота, в конюшне была правой рукой

тренера, держала отделение в исключительном порядке, тем самым освобождая Камбегова от хозяйственных забот.

Отправили московское тренотделение в начале апреля и в приподнятом настроении и с надеждой стали ожидать открытия скакового сезона.

Да видно уж такая у меня судьба — не балующая спокойной жизнью. В одно из воскресений апреля поехали с зятем и братишкой на стадион, где встречались футбольные команды "Спартак" Орджоникидзе и "Спартак" Нальчика. Эти встречи превращались в национальное противостояние и казались важнее всего на свете. Наши выиграли, и мы на радостях закатились в ресторан, по-мужски отметили победу. За руль на обратном пути пришлось сесть брату, не имеющему прав на вождение. Ехал он настолько осторожно, то-есть неуверенно, что обратил на себя внимание дорожной милиции, которая незамедлила нас остановить. Началась разборка "полета", арест машины, обоюдная грубость и т.д. и т.п. Был вызван дополнительный наряд милиции, и нас доставили в дежурную часть МВД республики. И тут уж совсем некстати зять мой погорячился и в ответ на какое-то оскорбление ударил дежурного майора. Отпустили нас только утром, составив протокол с нехорошей формулировкой: "Оказали сопротивление органам милиции".

Понимая, что дело серьезное, позвонил своему приятелю, он тут же приехал и пообещал все уладить через своего высокопоставленного друга. Заехали к нему, он при мне позвонил министру внутренних дел, и тот сказал, что дело замнет. Машину нам вернули, и с облегченным сердцем я поехал на работу.

Прошло дней десять. Идет пленум нашего районного комитета партии с присутствием первого секретаря обкома. Один из вопросов — "О состоянии преступности в районе". Докладывает начальник милиции. И вдруг, как гром среди ясного неба, звучит: "... директор конного завода, член райкома КПСС имярек в пьяном виде задержан и оказал сопротивление..." и т.д. Смотрю в президиум: у секретаря райкома злорадно-

удовлетворенное лицо, а первый секретарь обкома взялся за голову двумя руками. Зал затих. Я резко поднялся, и звук хлопнувшего сиденья прозвучал как выстрел. Не оглядываясь, вышел из зала.

Заехал на завод, поручил дела своему заму, и два дня не появлялся на работе. Как мне потом объяснили, кто-то нерадиво исполнил поручение министра, и протокол попал в руки моего "доброжелателя".

На третий день утром мой секретарь звонит домой и говорит, что из Совмина республики постоянно звонят и разыскивают меня. Поехал в Совмин к Н.П. Гонобоблеву — первому заму. С ним идем к О.А. Басиеву — председателю Совмина, поговорили, и они, оставив меня в кабинете, пошли к секретарю обкома, надеясь спасти меня от неминуемой суровой кары.

Но когда они вернулись, я по их лицам понял, что это им не удалось. Тот им заявил, что дело стало достоянием гласности, и он не может его закрыть. А мою судьбу в начале мая будет решать бюро райкома КПСС.

Заранее зная, как "отоспится" на мне это бюро и его первый, я никому ничего не сказав, первого мая улетел в Москву, чтобы после открытия скакового сезона посоветоваться с П.П. Парышевым, правда, ни на что хорошее не надеясь.

А в день открытия, где присутствовал С.М. Буденный и министр сельского хозяйства СССР В. Мацкевич, лошади из Беслана одна за другой выиграли призы "Пробный" и "Советско-монгольской дружбы". Сардар остался вторым за восходовским Элефантом в призе Открытия (явно по вине жокея Н. Токарева). С.М. Буденный был в то время Председателем Комитета советско-монгольской дружбы, поэтому вместе с послом Монголии вышел поздравить нас с победой.

После скачек Е.Н. Долматов пригласил директоров конных заводов к себе. По традиции посидели, обменялись мнениями, а при прощании он, обращаясь ко мне, говорит: "Казбек, у тебя такой успех, а ты не весел, в чем дело?" Я ему и рассказал всё

*Первая крупная победа, с которой поздравляют маршалы
К. Ворошилов и С. Будённый*

*С.М. Будённый поздравляет Н. Лакса и Н. Насибова с победой
в международных призах*

происшедшее. Долматов минуту подумал: "Зайди завтра, а сейчас я поеду к Буденному".

Утром он мне показывает телеграмму в Осетию за подписью С.М. Буденного и говорит: "Уезжай домой, должно все обойтись".

Прилетаю в Беслан, только захожу в кабинет — звонок из обкома, просят срочно приехать. В приемной первого секретаря помощник без очереди пропускает меня. Из-за стола встает и идет мне навстречу с доброй приветливой улыбкой Б.Е. Каболоев, пожимает руку и говорит: "Ты знаешь, что в Москве произошло?" Делаю удивленное лицо: "Что?" "Смотри," — и дает мне телеграмму. Привожу ее полностью: "Правительственная. Директору Бесланского конного завода К.М. Дзалаеву, Первому секретарю Северо-Осетинского Обкома КПСС Б.Е. Каболоеву, Предсовмина республики О.А. Басиеву. Поздравляю с выдающимся успехом лошадей Бесланского конного завода в Москве. Маршал Советского Союза Буденный".

И тут же стал спрашивать меня, какие проблемы на заводе, нужна ли помощь. В общем, само дружелюбие и внимание, и ни слова о инциденте. Понятно, что бюро не состоялось, а в райкоме, скрипя зубами, тоже нас поздравили.

Вот такой был приятный финал довольно грустной истории, а главными его героями оказались мои питомцы, замечательные скакуны. Своими победами на Московском ипподроме они отвратили от меня беду и оправдали мой труд и заботу о них.

Сердечная моя благодарность и вечная память Евгению Николаевичу Долматову, выручившему меня в критический момент моей жизни.

Успехи лошадей в 1964–67 годах на всех ипподромах СССР прочно поставили Бесланский конный завод в ряд лучших, на равных конкурирующего в скачках и нередко побеждавшего в основных призах.

Это вдохновляло и придавало энергии в работе по совершенствованию производственной, кормовой базы хозяйства, поднятия экономики.

Мешало работе, и очень серьезно, мое неумение, а точнее нежелание жить в атмосфере приспособленчества и подбострания перед вышестоящим партийным и советским начальством, что было в то время нормой поведения большинства руководителей. А это было одним из главных условий спокойной жизни, успешной карьеры, получения наград и т.п.

Я уже упоминал, что по основным показателям животноводства и полеводства конный завод был лучшим в районе, а по производству молока — и в республике. По сравнению с другими хозяйствами завод имел неплохую рентабельность.

Несмотря на это, со стороны райкома партии постоянно чувствовался негативизм и, как теперь говорят, "наезды", в первую очередь на меня. За короткий период райком "влепил" мне два выговора. Первый за то, что вырастив урожай подсолнечника и переработав его на масло, продали химкомбинату по высокой цене, получив на этом сверхприбыль. Плана продажи мы не имели, но по мнению секретаря райкома, я должен был сдать семена на элеватор в счет района и получить за это копейки.

В 1967 году в "Правде" был помещен большой материал о бригадном подряде в полеводстве с описанием методов его внедрения в одной из областей России, кажется, в Алтайском крае. Суть подряда — в договоре между администрацией хозяйства и бригадой, где оговаривается культура, площадь под ней, обсчитываются затраты по нормам, плановая урожайность, оплата деньгами за плановую и натуральная доплата за каждый центнер сверхпланового урожая.

1980 г. Подготовка квадриги
к церемонии открытия
Олимпиады

Олимпиада 80.
На церемонии
открытия Олимпиады.
Вороня тачанка

Олимпиада 80. Серая
русская тройка. На
церемонии открытия

Московский ипподром 1987 г.. С победителем приза им. Калинина жеребцом Атлантиком (слева направо): Н. Насибов, Н. Самоволов, М.С. Будённый — сын маршала — Президент Федерации конного спорта СССР, профессор Э. Перн, К. Дзалаев, жокей В. Яковлев

Русская тройка Орловских рысаков на демонстрации в США г. Кливленд, 1989 год

Май 1989 г. Канада. Рысистый ипподром в г.Оттава. Слева команда СССР, справа команда Канады. В центре я с владелицей ипподрома госпожой Горман

С героем дня Виталием Танишиным

США Питтсбург, ковбои Винницкий, Танишин, Дзалаев, в центре Роберт Ки

США Пенсильвания, Принимаю подарок друг Казбек!

Мне это дело показалось очень перспективным, предложил его желающим механизаторам. Взялись за эксперимент три лучших тракториста на двухстах гектарах кукурузы. Как сейчас помню их: П. Магомедов, М. Албегов, Т. Бигаев. Я больше нигде не видел такой добросовестной работы. От зари до зари, в выходные дни и праздники вместе с семьями трудились эти люди на прополочных работах, старались как на собственных огородах. В результате при плановой урожайности 34 центнера с гектара они собрали по 39. Произвели расчет и начали выдавать им заработанное зерно.

На следующее утро вызывают в райком: почему разбазариваешь государственное зерно? Кто тебе дал право? Немедленно прекратить выдачу, оплатить деньгами по госцене, а зерно сдать на элеватор. Как ни пытался убедить, ссылаясь на одобрение метода в ЦК и "Правде" — впустую. Вернулся на завод и решил: будь что будет, выделил транспорт, и ночью завскладом выдал трактористам все заработанное по договору. Возмездие наступило через день. На бюро райкома мне вынесли строгий выговор с занесением в учетную карточку.

И еще применялся постоянно иезуитский способ не давать спокойно работать. Не успевала закончить работу одна проверяющая комиссия из КРУ (контрольно-ревизионное управление), как приезжали и сидели месяцами инспекторы Райфо или еще кто-нибудь, создавая напряженную обстановку среди работников бухгалтерии.

Как-то в 1968 году, будучи в командировке в Москве, откровенно поговорил с П.П. Парышевым, и он предложил мне съездить на Калининградский конный завод, посмотреть и, если понравится, принять завод вместо уходящего на пенсию директора, пообещав, что через руководство Минсельхоза обеспечит перевод из Беслана.

Калининградский конный завод — небольшой, компактный. Бывшее отделение некогда знаменитого тракененского конного завода Геринга в Восточной Пруссии. Расположен на окраине города Черняховска (бывший немецкий Инстербург). Около двух тысяч гектар прекрасных высокоурожайных мелиорированных

земель в пойме реки Инстер. В приличном состоянии были немецкие еще конюшни и другие постройки, импортное поголовье спортивных ганноверских и голштинских лошадей, высокоудойное стадо черно-пестрого скота, хорошая кормовая база, мягкий умеренный климат. Понравился мне и бывший тогда начальником конной части Станислав Лебедев — потомственный конник, ныне доктор наук ВНИИ коневодства России. Рассказал ему о цели приезда, увидел его непритворную одобрительную реакцию на такое развитие событий. Позвонил в Москву. П. Парышев пообещал сейчас же созвониться с горкомом Черняховска и обкомом Калининградской области и телетайпом передать представление на меня. Уже в следующие два дня вопрос о моем назначении был согласован в области, и я через Москву вернулся в Осетию ожидать вызова.

В Главке я согласовал вопрос об организации на Калининградском конзаводе чистокровного отделения, и для начала передачу из Беслана десяти кобыл, а уж каких взять, я знал.

Дома потихоньку начали сборы к отъезду, и я даже заказал два пульманских вагона для отправки кобыл в Черняховск.

Через какое-то время вызов пришёл, но не на новую работу, а в осетинский обком партии к первому секретарю. Начался вопрос — почему я решил уехать из Осетии? Пришлось открытым текстом сказать, что не сложились отношения с райкомом, и это начинает отрицательно влиять на дела в хозяйстве, поэтому будет лучше, если придет новый директор, удовлетворяющий райком, а главное, его первого секретаря М. Фидарова. Выслушали меня и отпустили, пообещав вскоре решить этот вопрос. Прошло немного времени — снова вызов в обком. Приезжаю — в приемной сидит Фидаров. Приглашают обоих в кабинет первого секретаря. Сажает нас друг против друга и спрашивают Фидарова, какие у него претензии ко мне и заводу. Тот без конкретных фактов говорит о моём строптивом характере, излишней самостоятельности, что я с ним не советуюсь и т.д. и т.п. После этого такой же вопрос задают мне. Я дипломатично сказал, что у меня

претензий нет, а раз не нравлюсь райкому, то для пользы дела отпустите по-доброму на волю.

Выслушав нас, первый секретарь обкома Б.Е. Кабалоев вынес свой вердикт. Мне — никуда не ехать, работать на старом месте. Фидарову (в непечатных выражениях) — оставить меня в покое, не мешать работать. Выходим из обкома, Фидаров говорит: “Отпусти свою машину, поедем вместе”. Едем молча. По пути останавливает машину у одного скромного ресторана с комнатой для ВИП гостей, заказывает бутылку коньяка, разливает по двум фужерам, поднимает тост за мир и дружбу. Выпили.

Безусловно он затаил на меня обиду, но до конца моей работы в Беслане ее не проявлял, а когда я через два года уезжал в Москву на работу в Главк, выдал чистую учетную карточку с хорошей характеристикой.

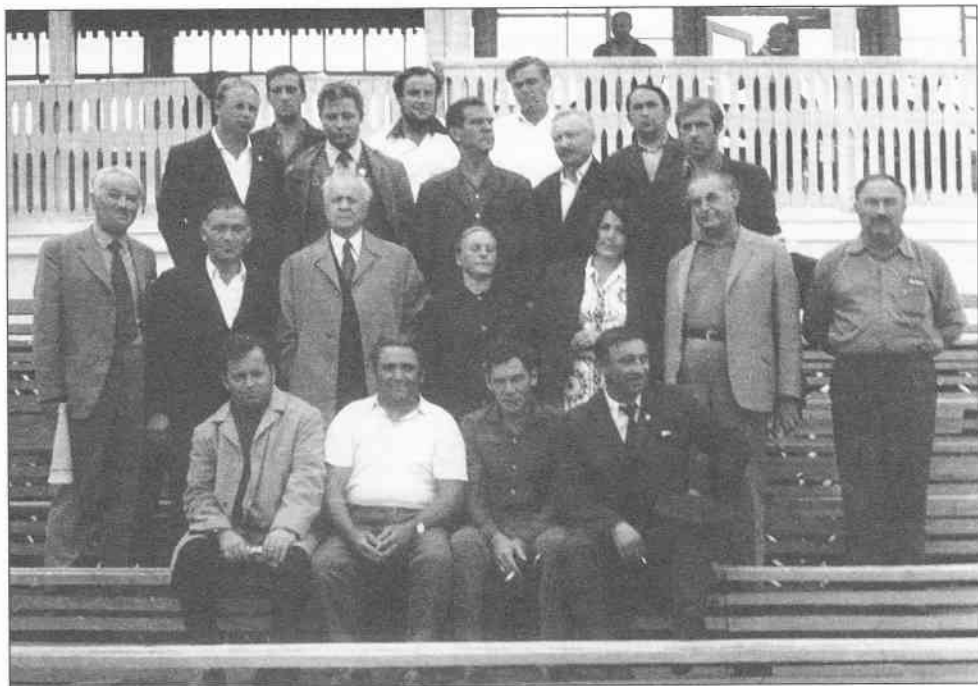
Последние годы на Бесланском конном заводе ничем особенным не запомнились, шла нормальная работа. Вместо рано павшего Разгара (закупорка брюжеечной артерии) в 1967 году привезли с Днепропетровского конного завода престарелого Дугласа, которому было уже 23 года. Проведя неполных два случных сезона он первого марта 1969 года, в день своего двадцатипятилетия, героически пал от разрыва сердца прямо в случном манеже в последний раз с громким ржанием совершив “мужской” поступок с кобылой Зыбь (Балти-Барон — Заправа) матерью Зареты. Похоронили мы его с почестями в парке конной части завода в присутствии его “автора” — плачущего М.И. Карабугаева — и поставили мраморный памятник. Несмотря на ограниченное количество его приплода, мы сумели получить от него Паладина от Проблемы — победителя приза

Элиты в Москве, ставшего затем производителем на заводе Украины. Хороший его сын Садон ушел в Италию, а от дочери Дугласа Асиды получили успешно скакавших Алгира и Алма-Ату — победителей традиционных призов.

В этом же году ушел из жизни в возрасте восьмидесяти семи лет и Джамбот Михайлович Камбегов — этот великий жокей и тренер, отдавший свой долг родной Осетии. На место Камбегова к нам приехал работать тренером один из самых классных жокеев Советского Союза Николай Михайлович Лакс. Также, как и его родной брат Анатолий, он, начиная с середины тридцатых годов, был гордостью нашего коннозаводства. Только один Николай Насибов с середины пятидесятых годов мог быть наравне с ними на скаковой дорожке и по общему количеству побед в главных призах, когда Лаксы уже были в солидном возрасте.

Бесланский конный завод. Семинар начконов верховых конных заводов Российского главка. Внизу первый справа Н.М. Пхалагов

Н.М. Лакс в 1965–68 гг. работал по приглашению тренером в Чехословакии, где завоевал признание, возглавив список чешских тренеров по результатам 65–68 гг. На его счету выявление ряда класснейших лошадей ЧССР, в т.ч. дербиста и победителя международных призов Сильвера. Летом 1968 года Лакс в возрасте уже далеко за 50, приехал в Москву, и Лабинский конный завод предложил ему проскакать в Дерби на жеребце Павлодаре, на котором он в блестящем стиле и стал победителем этого приза. Буквально через три недели — в августе 1968 года — во время чехословацких событий (ввод советских войск) вечером в квартиру Лакса на ипподроме в Праге пришли его друзья-чехи и посоветовали срочно уехать, опасаясь за его жизнь со стороны агрессивно настроенных против русских чешских граждан.

Той же ночью Лакс с супругой Люсиной пробрались в наше посольство в Праге и сумели выехать в Москву. Осенью он принял тренотделение Бесланского конного завода.

Проработал Н. Лакс у нас ровно год и, несмотря на все необходимые условия, созданные для его тренотделения и для него лично, после того, как в конце 1969 года был решен вопрос о моем переходе на работу в Главк, Лакс заявил, что с Хачириковым он работать не останется и перешел на Лабинский конный завод, где успешно работал до конца своей жизни, к сожалению недолгой.

В последние годы работы основной заботой было укрепление производственной базы хозяйства и благоустройство территории. Ввели в строй еще одну новую конюшню; совместно с соседним совхозом в центре города Беслана построили многоквартирный жилой дом для рабочих и специалистов, где получил новую квартиру и Н.М. Лакс, а также многое другое. Заложили новый коровник, запроектировали административное здание и комплекс жилого благоустроенного поселка конного завода на окраине города в одном километре от усадьбы. Четыре конюшни завода были построены в виде каре, а в центре его мы разбили парк с красивыми дубовыми, липовыми и каштановыми аллеями, с беседкой и выводной площадкой, обрамленной кипарисами.

Конный завод стал одним из объектов Осетии, который обязательно посещали иностранные и другие делегации, приезжавшие в республику. Несколько раз в гостях у нас были прославленные герои-земляки генералы армии Иса Александрович Плиев и легендарный Хаджиумар Мамсуров (Ксанти) — один из героев книги Э. Хемингуэя "По ком звонит колокол".

Летом 1969 года меня вызвали в Москву к первому заместителю министра сельского хозяйства РСФСР В.К. Месяцу и, нарисовав блестящую перспективу карьеры, предложили работу главного специалиста верхового коннозаводства Главконупра МСХ РСФСР. Поблагодарив за приглашение и сказав, что посоветуюсь с семьей, уехал в Беслан. Лично у меня не было желания покинуть конный завод, но жену возможность переезда в столицу после пятнадцатилетней провинциальной сельской жизни и учеба детей в Москве (старший закончил семилетку, а младший готовился в первый класс) очень обрадовала, и я дал согласие.

В обком поступило письмо о моем переводе за подписью Министра, и после трехмесячных уговоров остаться и подбора нового директора, в октябре я уже приступил к новой работе, получил квартиру и перевез семью.

Заместителем у П.П. Парышева был в то время Е.Е. Готлиб, безусловный авторитет чистокровного коннозаводства. Он, кстати, и был инициатором моего перевода в Москву. Начальником отдела коннозаводства и экспорта был Виктор Соломонович Гриц — профессионал и практик рысистого коннозаводства высочайшего класса. Несмотря на очень лояльное отношение с их стороны, положение мое при этих "зубрах" было довольно сложным. Что усугублялось очень трудной адаптацией к чиновничьей работе, писаниной без ощутимых результатов, "сидением" в Министерстве от девяти до шести в душном поме-

щении. И это после пятнадцати лет самостоятельной работы в Осетии и Ставрополье. Помню, как удивился, увидев меня за канцелярским столом, приехавший в Москву по делам, тогдашний директор Пермского конного завода Александр Васильевич Соколов, которого я всегда считал и теперь считаю выдающимся конником и человеком.

Поэтому я пользовался любой возможностью уехать в командировки по заводам Северного Кавказа и Дона, где расположены все наши верховые заводы, а также Старожиловский в Рязанской области и Калининградский. В силу своих возможностей старался оказывать помощь в вопросах селекции, технологии и т.п. Лучшие заводы СССР были тогда непосредственно подведомственны Минсельхозу Союза, и для нас было вопросом чести оказывать достойную конкуренцию в скачках и бегах на лошадях наших заводов.

Директором Бесланского конного завода был назначен Николай Михайлович Пхалагов, и я считал своим долгом всячески помогать ему и в техническом вооружении завода, и в комплектовании племенного состава.

В 1970 году закончил скаковую карьеру жеребец Лангет Кабардинского конного завода — победитель призов им. Калинина, Дерби, им. Буденного, и мы, преодолев упорное сопротивление Кабарды, поставили его в Беслан. Только хорошее могу сказать о Н.М. Пхалагове, проработавшем в Беслане более пятнадцати лет. Он не претендовал на звание настоящего конника, но для коннозаводства и в целом для завода был очень полезен. При нем было много построено и жилья и других объектов, в т.ч. еще одна конюшня, левадное хозяйство оснащено стационарным поливом. Завод успешно продолжал выступать на скачках.

В то же время молодой маточный состав требовал очень внимательного отношения к селекции и расширения ценного ядра, а начкон Хачиров считал эту кропотливую и тонкую работу необязательной, несмотря на многократные советы по этому поводу, и вообще болезненно относился к моему вмешательству в его работу. В результате, проскакав успешно несколько лет на

старом багаже, завод стал резко сдавать в классе, а когда ушел Н. Пхалагов хозяйство покатилося вниз. Разбазарили ценных кобыл, понизился уровень кормления, ушли лучшие кадры тренеров, а производителями стали использовать малоценных и просто бездарных жеребцов.

Примерно в это время (начало семидесятых) из Ставропольского конного завода был выделен Новоставропольский завод чистокровного направления, его директором был назначен Николай Иванович Макин, до этого несколько лет проработавший директором Топкинского конного завода, а в последнее время главным ветеринарным врачом Ставропольского. Начконом пришел к нему Игорь Готлиб — сын моего шефа, несработавшись в Кабарде с А.З. Саламовым. Игорь был одним из лучших начконов его поколения, однозначным приверженцем английской лошади и, конечно, с помощью отца завод быстро укомплектовали хорошим производящим составом за счет Кабардинского, Лабинского, Бесланского, "Восхода" и др. заводов.

Учитывая, что в Беслане оставили производителем Сардара, а из Кабарды пришел Лангет, Е.Е. Готлиб убедил всех, и меня в том числе, отдать Арамиса и Статора Новоставропольскому конному заводу.

Думаю, что вывод Статора был преждевременным и ошибочным, потому что и Сардар и сын Статора, дважды дербист Геналдон, ставший в 1975 году на свой завод, не могли там эффективно использоваться ввиду ограниченного числа классных кобыл. Тем более, что самые лучшие матки были их близкими родственницами.

А самое обидное, что оба жеребца безвременно пали не собственной смертью, а с "помощью" нерадивых работников. По преступно-халатному недосмотру погиб там молодой, очень перспективный выводной из Англии Редженси сын Грэй Соверейна.

Через несколько лет в связи с этим и из-за ежегодного массового поражения молодняка бронхопневмонией с большим отходом, чистокровное отделение там пришлось закрыть и хозяйство передали свинопromу.

Первые годы в Москве для меня были в постоянных поисках каких-то конкретных дел, способных повлиять в лучшую сторону на развитие верхового коннозаводства. Посещая заводы, видел недостаточный профессионализм многих начконов и ветработников. Организовывали проведение регулярных практических семинаров на базе лучших заводов и ВНИИ Коневодства.

Одной из обязанностей была подготовка и проведение международных аукционов не только в Москве, но и на наших Малокарачаевском и Ставропольском конных заводах. В Кабардинском — организовали школу жокеев. Совместно с ученым — энтузиастом А. Ласковым обосновали и добились организации чистокровного отделения на Малокарачаевском заводе, учитывая его особое расположение и предгорный климат (высота над уровнем моря 400 метров). Заинтересовали этим делом директора Аджиева Хису Алиевича, и он создал хорошую базу. Укомплектовали отделение приличным маточным составом. Уже первые, выращенные там, лошади успешно выступали на ипподромах: Пакт, Горянка, Гроза, Памир, Эллада.

Вдобавок, там же мы создали экспериментальное тренотделение сводное из новоставропольских, бесланских, кабардинских лошадей с тренером Георгием Кантиевым. Основная идея заключалась в использовании методики подготовки лошадей в относительном высокогорье по примеру подготовки спортсменов в условиях дефицита кислорода. И нужно сказать, что первые результаты были очень обнадеживающие. Успешно скакали и выигрывали традиционные призы Глиссер, Торос и др.

Конечно, вся эта работа проводилась под нашим жестким контролем за соблюдением нормальной технологии кормления и содержания, но после моего перехода в союзный Главк тренотделение расформировали, уровень коннозаводства в Малокарачаевском заводе снизился. И несмотря на это, до сих пор там нет да появятся очень классные лошади, в т.ч. в последние пять лет два всероссийских дербиста: рыжий Гурзуф, там рожден-

ный, а также выращенный и воспитанный с годовалого возраста в тех условиях, импортированный гнедой Карча.

Кстати, новый министр сельского хозяйства Карачаево-Черкесской республики Хазрет Али Аджиев — сын Хисы Аджиева, бывшего директора, сейчас с энтузиазмом берется за чистокровное коннозаводство республики на базе конного завода. Успехов ему.

Проверив состояние трактененского отделения Починковского конного завода Горьковской области, где технологию выращивания трактененской лошади низвели до уровня тяжеловозной, остро поставил вопрос — и весь состав был переведен на Калининградский завод — на родину этой ценнейшей спортивной породы.

А в Москве в руководстве нашей отрасли проходили бурные события. Как у нас водится, по доносам "доброжелателей" партконтролем при ЦК КПСС была проведена проверка с пристрастием Московского ипподрома, через который проходило финансирование всех союзных и международных мероприятий по скачкам, бегам, всесоюзным конноспортивным соревнованиям и т.д. За выявленные нарушения, которые по сегодняшним меркам показались бы смешными, с работы были сняты и начальник союзного Главка Г.В. Нечипоренко и директор ЦМИ Е.Н. Долматов. Вместо Долматова был назначен Ю.Б. Алексеев, но и он, проработав пару лет, поменялся с М.Н. Эфросом, работавшим тогда в "Союзплемживобъединении".

Начальником Главка назначили А.Г. Мартыненко с Александровского конного завода. Его назначению предшествовала история, рассказанная, как теперь говорят, информированным источником. Министр сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевич — большой любитель лошадей и охоты — посетил Александровский конный завод. Там ему понравилось, и в хорошем расположении духа спросил у директора, как ему живется и есть ли

борья, а также по национальным видам конных состязаний. Это было грандиозное зрелище, привлекавшее огромную аудиторию с сильным соревновательным азартом и соперничеством, что способствовало развитию коневодства в республиках СССР.

Мне всегда приходилось возглавлять команду России, и несмотря на то, что основные заводы были в РСФСР, не всегда было просто в борьбе за первое место, особенно с Украиной, а в конурах — с Прибалтикой.

И все же настоящего удовлетворения работа не приносила. Свободного времени было много, и я решил закончить аспирантуру, защититься, а потом выбрать работу между чиновничьей и научной. Поступив в заочную аспирантуру академии им. К.А. Тимирязева, сдал кандидатский минимум, выбрал интересующую меня тему, даже две, которые были одобрены ученым советом.

Через год уже были собраны материалы для написания диссертации. Оформил двухмесячный отпуск (аспирантский и положенный для защиты — производственный) и готов был к своему научному "подвигу".

И в это время, в одну из моих командировок к жене и моей сестре Инессе, которая, приглашенная на работу на Гостелерадио жила у нас в ожидании квартиры, заехал один наш "шапочный" знакомый. Каким-то образом этому аферисту удалось выманить у них "взаймы на месяц" довольно приличную сумму денег, т.к. сестра привезла на обзаведение всё вырученное от продажи имущества во Владикавказе.

По приезде домой, я пытался найти этого человека, но он исчез с деньгами "как сон, как утренний туман". Через полгода узнали, что он сидит в тюрьме и надолго за многочисленные аферы.

Нужно было выручать сестру, и я ровно два диссертационных месяца писал планы племенной работы на десять лет для Кабардинского и Ставропольского конных заводов, за что получил гонорар, достаточный для возмещения украденного. Каждый план вмещал в себя примерно по сто пятьдесят печат-

ных страниц, и после этой работы заставить меня писать еще и диссертацию можно было только под страхом смертной казни. Так бесславно закончилась моя попытка стать ученым мужем. Но об одной теме моего исследования, которая кажется интересной и практически важной, я не забыл, и, возможно, кто-то из молодых конников возьмет ее на вооружение.

А вопрос заключается в следующем: правильно ли мы поступаем, когда причисляем чистокровную племенную лошадь к той или иной мужской линии только на основании племенных записей? Ведь влияние материнской стороны родословной ничуть не меньше сказывается на формировании всех наследственных качеств приплода. Имея на вооружении методику типизации по крови, можно с высокой долей вероятности определить, каких качеств у этой конкретной лошади больше — отцовской линейной или другой — материнской. И это позволит при подборах по линиям действовать творчески, а не формально. Ведь часто мы работаем с жеребцами — линейными представителями, которые ни по экстерьеру, ни по особенностям работоспособности ничего общего, кроме записи, с родоначальниками не имеют.

Это тем более важно, когда в производителе назначается жеребец без особых ипподромных успехов, но только потому, что он принадлежит к выдающейся линии.

В рамках Конгресса социалистических стран по коневодству, членами которого были все соцстраны, включая Монголию, Болгарию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Германскую Демократическую Республику, Польшу также традиционно проводился скаковой Митинг поочередно в столицах этих стран, где есть соответствующие ипподромы. Разыгрывались призы для лошадей всех возрастов, главными из которых были приз Мира для двухлеток, приз Москвы (международное

Дерби) для трехлеток, Кубок соцстран — для старшего возраста и приз Праги (международный ОКС) для кобыл трех лет.

Помимо скачек проходили заседания Конгресса, на которых прослушивались и обсуждались научные доклады, принимались решения по обмену жеребцами-производителями, продаже лошадей для воспроизводства, а также присуждение международных званий тренерам и жокеям. В обязательную программу входили выезды на лучшие конные заводы, ипподромы с подробным знакомством с их работой. Кроме того, предусматривалась обширная культурная программа с посещением достопримечательностей городов, театров и т.п.

Выезды на международные соревнования безусловно были полезными и интересными. Включение в состав команды СССР, а тем более в качестве руководителя, было престижно.

Но сколько же в связи с этим было унижительного при прохождении процедуры оформления поездки. Нужно было пройти утверждение на партсобрании в своем коллективе, на комиссии райкома партии, занудные разговоры в загранотделе министерства, собеседования в ЦК КПСС. Нечего греха таить, с этими поездками были связаны и меркантильные соображения, возможность побаловать детей и родню чем-то необычным, заграничным, пусть даже мелочью, но недоступной у себя дома. Возможность поездки у некоторых возбуждала самые низменные инстинкты. Чтобы перейти кому-то дорогу, доходили до доносов и других подлостей. Так, например, в 1971 году меня назначили руководителем команды для участия в Пардубицких скачках. Я, хорошо зная возможности лошадей и их состояние, трезво оценивая шансы на тот момент, считал поездку нецелесообразной.

Тем более что, как правило на протяжении многих лет советские стиплеры занимали в этих соревнованиях первое место. С этими соображениями я зашел к заместителю министра сельского хозяйства СССР П.И. Морозову, но он сказал, что решение о поездке команды принято в ЦК и чехам об этом сообщено. Надо ехать. Надо, так надо. Принял меры к комплектованию

команды людьми и лошадьми. Как поется: "Я его слепила из того, что было..."

Отправив команду, пришел в загранотдел получить паспорт, чтобы самому на следующий день выехать в Прагу. Начальник отдела Тутубалин, пряча глаза, заявляет, что там (показывает глазами на потолок) решили, что Вам ехать не надо. — "В чем дело?" — "Ну, знаете, так решили, ведь туда поехал ваш ветеринарный врач Цымбал, директор конного завода Сивченко, так что начальников достаточно". Я ушел и сначала даже обрадовался, зная, что команда обречена на проигрыш, но потом, поразмыслив, понял, что за этим стоит что-то темное. Через начальника Главка обратился в ЦК КПСС, но вразумительного ответа не добился. Тогда я пошел сам в сельхозотдел — результат тот же. Как я и предполагал, команда с треском все проиграла, да еще упал в скачке и покалечился один из лучших троеборцев страны М. Кунижев.

Снятие с этой злополучной поездки за день до выезда неприятной занозой сидело во мне, и я решил выяснить причину. И выяснил. Хороший мой знакомый из другого отдела ЦК тайно узнал, что на меня поступила анонимка, в которой указывалось на наличие у меня в Чехословакии любовницы, которую я якобы завел в предыдущую поездку в 1964 году, и у которой растет мой сын... Этого было достаточно, чтобы ничего не выясняя и мне не объяснив "зарубить" мне границу навсегда. И только благодаря личному знакомству удалось убедить в вымысле этого анонимного доноса. Я, зная автора анонимки, (его уже нет в живых), не буду называть имя. Тогда он был обижен тем, что не его назначили руководителем.

Или еще один случай. В 1973 году Дерби выигрывает жеребец Геналдон Бесланского конного завода. До этого Геналдон выиграл этот же приз в Пятигорске. В призе им. Калинина победителем стал супердвухлетка восходовский Майкоп от Айвори Тауэра и Магнитки. Такого класса двухлеток я за всю жизнь видел единицы да и то, кроме Лангета, Анилина, Арамиса, на западе. На выводке после скачек обсудили и приняли решение участво-

вать на этих вполне достойных лошадях в призе Триумфальной Арки на Геналдоне, а на Майкопе в скачке "Гран Критериум" на 1600 метров — самой престижной для двухлеток во всем мире. Через неделю из Парижа пришло официальное приглашение на этих лошадей и людей, причем все расходы по команде принимал на себя французский жокей-клуб.

Я был назначен начальником команды. Подготовка к поездке шла полным ходом, на 25 сентября был назначен вылет. А в начале сентября в Алма-Ате во время проведения Всесоюзных соревнований у меня с начальником Главка А.Г. Мартыновым произошел бытовой инцидент. Он взял и в отместку просто отменил поездку на Триумфальную Арку, сообщив французам, что лошади заболели. Не знаю как бы мы выглядели с Геналдоном в "Триумфальной Арке", но Майкоп в "Гран Критериуме" мог выиграть, тем более, что стартовало в этой скачке всего шесть лошадей и не очень выдающихся. А стоимость приза была около двухсот тысяч долларов.

В каждой стране, проводящей крупные международные скачки, обязательно перед или после дня соревнований бывает банкет, на котором присутствуют не только руководители иностранных делегаций, но и крупные государственные и общественные деятели, а в Вене, например, и вся знать. На пригласительных билетах стоит знак, что форма одежды — смокинг. Никаких смокингов у наших конников, конечно, не было, а взять напрокат стоит около 150 долларов. Поэтому мы приходили на банкет в обычных костюмах, хорошо еще если в черных, гордясь, что мы советские коммунисты и смокинги нам ни к чему. А на самом деле выглядели как белые вороны. Правда гостеприимные хозяева и их гости делали вид, что всё в порядке. Был один комичный случай. После розыгрыша Австрийского Дерби я получил приглашение на банкет, который состоялся в самом лучшем ресторане Вены "Империял". Приглашение было на имя господина Дзалаева с супругой. Никакой супруги по нашим суровым законам там у меня быть не могло, и я решил взять с собой тренера нашей команды М. Акимова. Подъезжаем к ресто-

Вена, ипподром. Утром на проезде: К. Дзалаев, тренер М. Акимов, австрийский тренер Хозанг

рану, показываю швейцару приглашение, он передаёт его мажордому, и тот, как и о всех прибывающих, громко через усилитель на всё фойе, где уже собралась сиятельно-блистательная публика, объявляет: "Господин Дзалаев с супругой." И входим мы с Акимовым. Всеобщее внимание, шок и недоумение. Пришлось мне, переводя все в шутку, объяснить возникшую двусмысленность.

Вена — столица всех столиц Европы, и Австрийское Дерби, несмотря на небольшой призовой фонд, привлекает большое внимание. В этот день в ложах присутствуют главы посольств и весь так называемый истиблишмент.

В середине семидесятых я дважды возил на этот приз российских лошадей. Так, в 1973 году принимал участие жеребец Фигурант под жокеем Пшуковым Кабардинского конного завода и жеребец Тартарен — Лабинского, на котором скакал Алхас Каппушев. Каппушеву была отведена роль лидера с надеждой оторваться, а Фигурант был нашим фаворитом, и Пшуков должен был попытаться сделать бросок по финишной прямой. Проехали жокеи

по дистанции очень четко, но на финише в борьбе с двумя западно-германскими жеребцами Фигурант остался лишь третьим.

Несмотря на скромное третье место (при 14 участниках) пресса оценила наше выступление высоко и доброжелательно. Советский посол в Австрии Аристов пригласил к себе команду, выразил свое удовлетворение и отметил, что наше участие в Австрийском Дерби в какой-то мере способствует общению с венским дипкорпусом и написал хорошее письмо о своих впечатлениях министру сельского хозяйства Д. Полянскому.

На следующий год мы повезли в Вену классного Геликона (Гэй Верриор — Гамбия) из Кабарды и лабинского красавца Запуска. Ипподром в Вене с замечательной зеленой скаковой дорожкой имеет особую конфигурацию, похожую на Лоншамский ипподром в Париже.

Дело в том, что общая длина скакового круга этих ипподромов составляет около 2000 метров, поэтому для скачек с более длинной дистанцией предусмотрена вспомогательная прямая — 400 метров — так называемый "аппендикс", которая примыкает к дорожке основного круга. Можно, конечно, продолжать скачку просто по кругу, но тогда добавляются нежелательные лишние повороты.

Дистанция Австрийского Дерби (как, впрочем, и любого Дерби в странах Европы) — 2400 метров. Начинается она из "аппендикса".

Первые четыреста метров скачут по ровной дорожке, далее девятисотметровый тягучий подъем по противоположной (от трибун) прямой, затем триста метров поворота — и восьмисотметровая финишная прямая.

Несколько раз прошли с жокеями Борисом Сижажевым и Алимом Куликом по дистанции и разработали диспозицию скачки, учитывая особенности и возможности каждой лошади. Со старта оба, хорошо приняв, должны занять удобное положение в первой пятерке всадников, а за тысячу метров до финиша Кулик на Запуске начнет финишный спурт в надежде, что за ним погонятся основные, опять же немецкие, фавориты. Учиты-

вая отличные "концевые" способности Геликона, Сижажев должен начать бросок за пятьсот метров до финиша.

Отлично приняв старт впереди, Сижажев вдруг через сто метров резко берет Геликона на себя, пропускает всю компанию и последним выходит на противоположную прямую. Начинается подъем, все веером выстроились по дорожке, взяв лошадей "на себя". Почувствовав неладное Сижажев пытается протиснуться вперед ближе к бровке, но ему не дают. Кулик, не отрываясь от общей группы, от 1000-метровой отметки стал усиливать пейс, закончив скачку на третьем месте. Сижажеву, чтобы улучшить свое положение, пришлось полями обходить все двенадцать лошадей. Потеряв силу и время по вине бездарного жокея, Геликон бурно финишируя, обходит всех участников и только на шею не успел достать немецкого дербиста Кайзерадлера. Прошло столько лет, но переживания этой скачки и досада на жокея не забылись. Геликон, вернувшись в Москву, через месяц стал победителем Дерби.

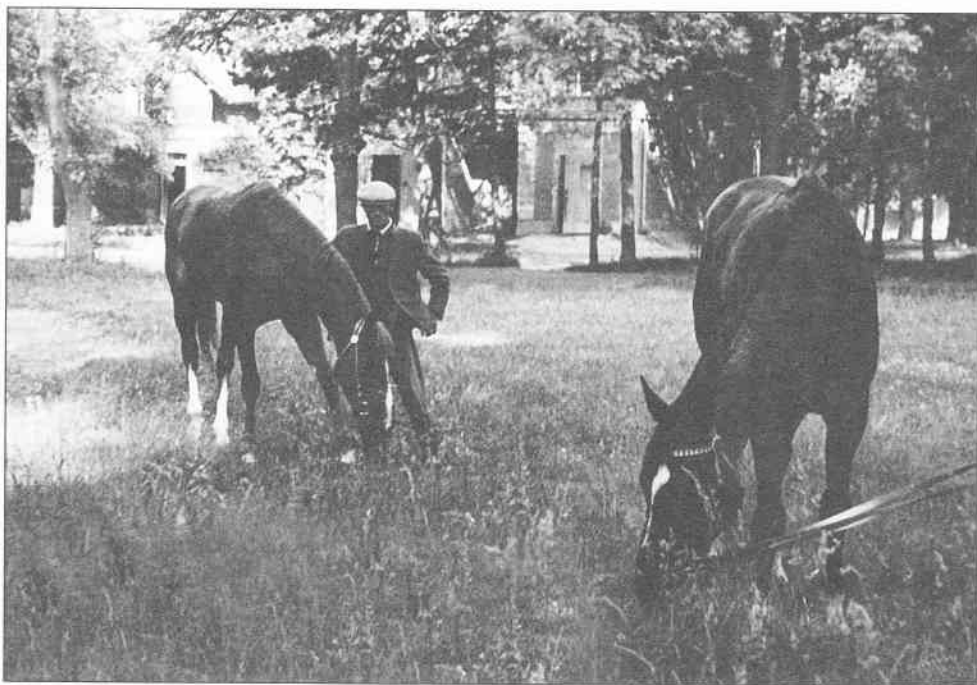
Советский человек — это звучит гордо!

Чтобы полнее представить отношение власть предержащих к советскому человеку не вообще — это всем известно, а к людям, представляющим страну за рубежом, защищающим ее спортивную честь и, как правило, приносящим этой стране солидные средства в валюте, расскажу еще об одной поездке.

По приглашению западных немцев и, конечно, полностью за их счет, выехали большой командой для участия в стипльчезах и барьерных скачках в городах Кельн, Дюссельдорф, Ганновер, Дортмунд и Гельзенкирхен. Конники знают, что скачки — спорт небезопасный, а стипльчезы — просто рискованный. Существуют традиционные скачки мемориалы в честь стиплеров, погибших на дистанции.

Вена. Жockey Алим Кулик с жеребцом Запуском

Вена. Борис Сижажев с Геликоном, справа Запуск

Не буду описывать подробно, но в целом команда выступила очень успешно. Выиграли пять первых и несколько призовых мест во встречах с лучшими стиплерами Германии. Единственной неудачей было тяжелое (легких было несколько) падение в Кельне на сложном препятствии жокея Алика Бутаева. С сотрясением мозга его на "скорой" отвезли и госпитализировали в ближайшей больнице. Пролежал там неделю, получил квалифицированную помощь и здоровым выехал домой.

Команда выиграла более ста тысяч дойчмарок. Я сдал их в посольство. Позвонил в Москву заместителю министра сельского хозяйства Б.А.Рунову, курирующему внешние связи министерства. Доложил о результатах и попросил разрешения поощрить членов команды (10 человек) из выигранной суммы в пределах 10–15 тысяч марок. Тон замминистра, довольный вначале разговора сразу резко изменился: "О поощрении будем решать вопрос дома." Никакого поощрения не было и дома. Мало того, я еще выслушал наизидание за телефонную просьбу о премии. Но самое мерзкое было, когда из Кельна пришел счет на четыре тысячи марок за лечение Бутаева. Начальник валютного отдела Щенников заявил мне, что я не имел права помещать жокея в платную клинику, а должен был вызвать врача нашего посольства из Бонна. И теперь эти марки будут высчитывать из моей зарплаты в рублевом исчислении. И это при том, что Минсельхоз получил выигранные нами сто тысяч. Я был настолько шокирован этой дикостью, что высказал Щенникову все, что я думаю о нашей "человеколюбивой" системе и лично о нем. Он нажаловался на меня, был крупный разговор у руководства, но высчитывать у меня эти деньги не стали, иначе бы я два года работал без зарплаты.

В ту же поездку со мной и другим жокеем произошел курьез. Из ГДР мы переезжали с ним поездом в ФРГ. Билеты были куплены заранее. С собой мы имели остатки марок ГДР. На вокзале перешли через границу на территорию ФРГ, чтобы дожидаться поезда в Кельн. Ждать надо было часов пять. Ни поесть, ни попить на "демократические" марки мы не могли. Это бы еще

можно было перетерпеть. Но туалет... Они там только платные. Жокею стало плохо. Я выложил перед обслугой всю имеющуюся наличность, но это не возымело действия. Спасение к нам пришло только с поездом. Живы, конечно, остались, но испытали чувство стыда, лишний раз подтвердившее унижительное положение советского командированного за границей.

Выезжали за рубеж мы только, если приглашающая сторона полностью несла расходы команды по размещению и кормлению людей и лошадей, затраты на транспорт при переездах. В этих случаях членам команды разрешалось получать по семь долларов в сутки (30% от двадцатидолларовой нормы) на сигареты и трамвай. И даже эти нищенские гроши можно было получить только из выигранных сумм. Лошадей перевозили на машинах или железной дорогой. Дома запасались куревом, консервами, колбасой, картошкой, капустой, маслом, салом, крупами, чаем, сахаром, газовыми плитками. Кашеварили и питались по-цыгански, а на сэкономленные деньги покупали гостинцы и сувениры. Это порождало у людей крамольное желание заполучить валюту нелегально, припрятав в фуражке банки с икрой, водку, иконы. На обратном пути также тайком перевозили дефицитное у нас барахло и еще что-нибудь. Старые конники знают или слышали о скандальных разоблачениях на границе очень известных тренеров и жокеев.

Нри розыгрыше главных призов для чистокровных и рысистых лошадей на ипподромах страны всегда присутствовал дух соперничества между заводами нашего Главка и Минсельхоза СССР. Условия для конкурентной борьбы были явно не равные. Во-первых, потому что самые лучшие старые чистокровные заводы "Восход", Днепропетровский, Онуфриевский и рысистые — Уфимский, Еланский, Дубровский, "Культура", Александровский, Хреновской, Московский были непосредственно союзного подчинения.

Это означало снабжение их всем необходимым из бюджета на порядок выше, чем у заводов республиканского подчинения.

Очень важным фактором в деле повышения скакового и бегового класса лошадей было то, что заводы союзного подчинения имели возможность регулярно покупать жеребцов-производителей из Англии, Франции, США достаточно высокого класса за большие деньги. Была явная несправедливость в том, что валюта, полученная от продажи лошадей всей страны на экспорт, поступала в Минсельхоз СССР и 25% от общей суммы были в распоряжении союзного Главка. Республикам же прямо не выделялось ничего.

Кроме того, лучшие отечественные молодые жеребцы опять же в первую очередь поступали на свои заводы.

И все же в период 1966–77 гг. лошади наших заводов нередко одерживали верх в основных соревнованиях. Особенно успешно выступали рысаки Смоленского, Прилепского, Локотского, Пермского заводов. Они явно доминировали в те годы в Москве. Из чистокровных лучше других был Кабардинский, вырастивший серию блестящих скакунов-дербистов, оксисток от Аргонавта, Регистратора и Гей Верриора. О бесланских скакунах я уже писал. Несколько классных лошадей в эти годы дал и Лабинский конный завод (Пеларгония, Павлодар, Запуск, Ингул, Айдар, Фальконет, Энар и др.).

В конце 1977 года мы с В.В. Чернышовым подготовили серьезную, обстоятельную записку в Совет Министров России о необходимости закупки двух жеребцов чистокровной и американской пород. Представили данные о результатах экспорта с наших заводов, пообивали пороги многих кабинетов в Совмине, и в начале 1978 г. нам выделили 400 тысяч долларов на эти цели. Без особого спора поделили эти деньги соответственно: 2/3 на покупку чистокровного жеребца и 1/3 — на рысистого, что примерно соответствовало паритету мировых цен на чистокровных и рысистых лошадей.

В апреле мы с ветврачом Терского конного завода Н. Хлобустиным выехали в Париж. В те годы любой экспорт и импорт,

а также командирование по этому вопросу, осуществлялись только через Министерство внешней торговли.

По моим данным приобрести жеребца, нужного для России проще было во Франции. Францию я выбрал еще и потому, что высшим авторитетом-теоретиком в чистокровном деле тогда для меня был, конечно, В.О. Витт. Он же считал французское чистокровное коннозаводство наиболее отвечающим требованиям нашей селекции. Во Франции предпочтение отдавалось лошадям, способным скакать на дистанции 2400 метров и более. Это и понятно, так как дистанция главных скачек в Европе (Дерби, приз Европы, "Триумфальной Арки", Большой Вашингтонский в Америке) куда часто стали приглашать наших лошадей, как правило, дербистов, равна 2414 метров.

В то же время в мировом коннозаводстве шло бурное развитие скакового бизнеса, и подавляющее количество крупных дорожных призов не только в США, но и в Англии и Франции разыгрывалось на дистанции от 1200 до 2000 метров. Скачки свыше чем на 2400 метров стали менее престижны и значительно дешевле, а цены на их победителей на мировом рынке резко упали. Подвергались переосмыслению и тезис: были бы отцы — стайеры, а спринтеры и фляйеры родятся сами. Настораживали и результаты использования завезенных в СССР жеребцов в 60–70 гг.

Кто мог сказать, что Е.Е. Готлиб не был самым опытным и знающим специалистом чистокровного дела? И, конечно, ему поручался отбор импортируемых жеребцов. Он привез в 1960–70 годы из Франции очень хорошо скакавших жеребцов Бальто и Ле-Лю Гару, а из Англии — Пандофелла, но на дистанции не короче 3000–4000 метров, так называемых "кубковых" лошадей.

Гнедой Ле-Лю Гару был вторым в призе Парижа и Аскотском Золотом Кубке Англии (3000 метров), остался третьим в призе Триумфальной Арки, но с почерком выиграл приз Кадран (4000 метров). Мать Ле-Лю Гару кобыла Рокселан дочь жеребца Фоксхунтера — стайера чистой воды. Ле-Лю Гару за тринадцать лет перекрыл почти всех лучших кобыл конных заводов "Восход",

Днепропетровского и Лабинского. Были от него дети в Кабардинском, Бесланском и Иссык-Кульском. Но так ничего стоящего от него не получили. Это обстоятельство дало повод поползти слухам, что вместо Ле-Лю Гару французы подсунули другого жеребца.

В те же годы в СССР поступил жеребец Бальто, выигравший в возрасте 3–5 лет четыре скачки и имевший четыре платных места. На Лоншамском ипподроме Бальто выиграл Гран При де Пари (3015 метров) и Аскотский Золотой Кубок в Англии (4000 метров). Был вторым в призе Ройял Ок и Кадран (4000 метров) и третьим в Гудвудском Кубке и призе Жан Пра (оба на дистанции 3800–4000 метр.)

Использовался Бальто очень широко и долго на "Восходе", больше десяти лет, но так и не дал ни одного дербиста, победителей призов им. Калинина и Большого Летнего. Лучшим его сыном был гнедой Збор, выигравший приз им. Буденного (Ст. Леджер, на 2800 метров) и трижды приз СССР на дистанции 3200 м. Мать Збора — Заря принадлежала к семейству Гамин, чей сын Даго стал дербистом, правнук Грог II трижды венчанным. Но и Збор оказался неудачным производителем.

Правда, от лучших кобыл "Восхода" из семейства Герани и др. от Бальто были получены классно скакавшие кобылы, в том числе оксистки Сабия и Слана, а также Гантель, Гана и Ганка.

Та же участь постигла и жеребца Пандофелла — победителя Аскотского, Йоркширского и Донкастерского Кубков, от которого на Кабардинском конном заводе не смогли получить сына достойного стать производителем, но тоже давшего хороших кобыл, в т.ч. оксистку Апофему.

Но и этих уроков нам оказалось мало. В 1983 году начкон конного завода "Восход" Н. Самоволов отобрал в Англии жеребца Витстеда — сына дербиста Морстона линии Рибо. Скакал он неплохо. Выиграл скачку второй группы "Вольтижер Стейк", был третьим за сыном Лютье Галиани в призе г. Парижа на 3000 метров. За него была уплачена сумма рекордная за всю историю СССР. От Витстеда на Западе уже была группа двухлет-

него молодняка, ничем себя не проявившая. Вероятно, поэтому он и был продан. Поставили его, конечно, в "Восход". И он более десяти лет "издевался" над кобылами лучшего завода страны, так ничего путного, за исключением Светоча от Сорбонны, не дал.

Уже первые его жеребята, поступившие на ипподром, вызвали сомнения в ценности этого жеребца. Я не раз просил Н. Самоволова ограничить его использование пока не будут испытаны первые две ставки. Но куда там... Раз отобрал его он, то и крыл им столько маток, сколько тот мог осилить и, конечно, самых лучших.

Чтобы закончить этот "печальный детектив", расскажу еще один случай. Поехал осенью 1982 года в Париж на международный конгресс по чистокровному коннозаводству А.Г. Мартыненко с директором Днепропетровского конного завода Г. Давыденко. После возвращения приглашает к себе в кабинет и объявляет, что купил во Франции чистокровного жеребца Карадара. Показывает его фотографии, родословную и скаковую карьеру. Ну и как будто нарочно — опять Гудвудский, Донкастерский и еще какой-то Кубок. Конечно, я высказал свое мнение об этой лошади, что очень не понравилось и начальнику, и его замам. Но раз купили — надо использовать. Поставили его опять же по настоянию Мартыненко на Днепропетровский завод, где от него не получили за тринадцать лет ничего достойного внимания.

С учетом вышесказанного, я, конечно, понимал всю ответственность, которую брал на себя по приобретению дорогостоящего производителя. Еще свежи были трагедии с покупкой Е.Е. Готлибом и М.О. Рогалевичем жеребца Провока и А.З. Саламовым — Афинс Вуда, стоивших им карьеры, а в случае с Рогалевичем и Саламовым — сердечных заболеваний и преждевременной смерти.

Н о прибытии в Париж мы обратились за помощью в главное агентство "Эклипс", обладающее подробными сведениями о всех продаваемых лошадях. Были там любезно приняты и снабжены информацией.

Срок командировки — две недели. Во Франции я был впервые и, конечно восхищался красотой Парижа, его дворцами, парками, музеями, памятниками, ипподромами, которых в Париже — пять. Но особое впечатление произвел скаковой ипподром Лоншам в Булонском лесу и рысистый в Венсене. И буквально поражен был "Городом лошадей" Шантии, где проходят тренинг около четырех тысяч скакунов.

За два дня, проанализировав скаковые карьеры и родословные двух десятков жеребцов, выбрал несколько наиболее привлекательных, и с агентом "Эклипса" за несколько дней осмотрел их и не по одному разу. Но ни один по-настоящему не понравился, а те, которые подходили, были не по нашему карману.

Нам предложили посетить конюшню знаменитого и богатейшего коннозаводчика Ага Хана. Мы с удовольствием согласились, тем более, что из этой конюшни предлагался к продаже жеребец Топ Вилле — сын Хай Топа и Сега Вилле линии Неарко через Данте.

В "Городе лошадей" Шантии конюшня Ага Хана стоит обособленно в лесу. Ее и конюшней-то назвать нельзя. Скорее, лошадиные апартаменты. Вывели Топ Вилле. Победитель в двухлетнем возрасте двух групповых призов, в том числе приза Де Конде на 1800 метров. Отец Топ Вилле — Хай Топ выиграл в Англии приз 2000 гиней и приз Голд Кап, был лучшим двухлеткой Англии 1971 года. Его дочери — победительницы английского и ирландского ОКСа Циркус Плюм и Колороспин. Кроме этого от него были получены победители Сент Леджера, Итальянского Дерби и Приза Рима.

Мать Топ Вилле выиграла и была призером в трех больших скачках, а его знаменитая бабка Ла Сега — оксистка. Тренер ска-

зал, что он против его продажи, и если мы его купим, просил оставить жеребца скакать в трехлетнем возрасте в его конюшне. Была названа окончательная цена — 300 тысяч долларов.

Я тут же позвонил в Москву Чернышову, просил изыскать возможность добавить еще 50 тысяч, но получил ответ, что денег больше не будет, и покупать двухлетку нежелательно, так как нужен производитель.

А через два с половиной месяца Топ Вилле выиграл Французское Дерби, обыграв знаменитого Шарпмана, а затем в призе первой группы на 2000 метров "Люпен" обыграл снова Шарпмана и Айриш Ривера. Впоследствии Топ Вилле стал производителем в Ирландии, и от него были получены выдающиеся скакуны и производители: Шардари, Пистолет Блю, Сан Эстеф и много других.

Сроки командировки подходили к концу, а я не мог сделать окончательный выбор. Показали жеребца Мэд Кэптен — тоже линии Неарко, очень видного, дельного, выигравшего две скачки третьей группы. Стоимость его была 120 тыс. долларов. Мэд Кэптен очень понравился Н. Хлобустину, и он уговаривал меня выкупить его. Но я решил поискать еще.

И вот за четыре дня до отъезда получили сообщение о продаже пятилетнего жеребца Монконтура, закончившего скаковую карьеру. Посмотрел его досье и решил, что это именно то, что нужно. Утром поехали его смотреть. Внешне Монконтур не впечатлял. Давно снятый с тренинга, был не совсем в порядке. Весь следующий день я снова изучал его родословную, скачки, соперников, которых он обыгрывал и которым проигрывал.

В воскресенье поехали на ипподром Лоншам, где встретились с лучшим жокеем Франции Ив Сан Мартином, под чьим седлом Монконтур выиграл призы Хардвик Стейк в Англии и "Хоккарт" в Париже.

Оба второй группы на 2400 метров. Он же был на нем четвертым в крупнейшем призе Европы "Короля Георга и Королевы Елизаветы" первой группы. Скачку эту выиграл Иль де Бур-

*Москва 1984г.. Приз Калинина выиграла Фемина — оксистка
и победительница приза г. Праги в г. Будапеште*

Рим — дербист 1988 года

бон. Сан Мартин сказал нам, что Монконтур — классная лошадь, но не очень ровный и часто выходил из порядка, в том числе в день розыгрыша приза Триумфальной Арки, где остался без призового места. Это еще больше укрепило мое мнение о ценности этой лошади. Но еще более важным было то, что он принадлежал к линии Турбильона, лучшей линии Франции, через ее выдающихся представителей Джебель—Клэрион — Клэйрон — Лютье.

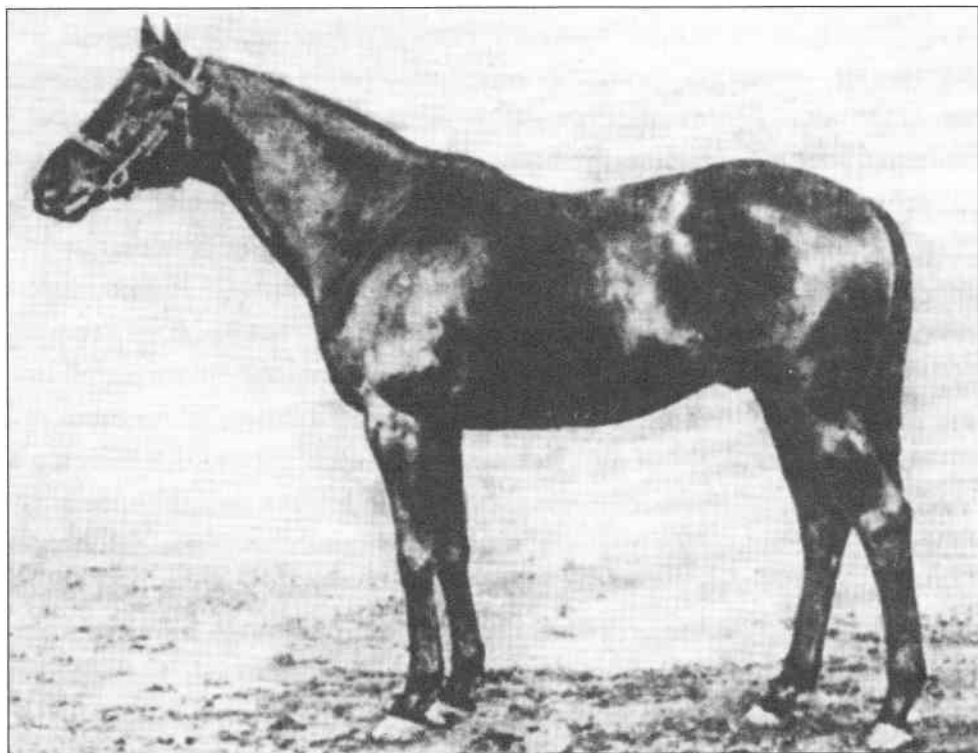
Отец Монконтура — Лютье выиграл крупнейший приз для трехлеток — 2000 гиней на 1600 метров, сын Лютье Сагасе выиграл приз Триумфальной Арки. Лютье был четырежды чемпионом производителей Франции.

Мать Монконтура — Москвичка (эта кличка тоже подкупила меня) — дочь Моссборо сына Неарко. От Моссборо была получена одна из самых выдающихся лошадей Европы — жеребец Баллимос.

Москвичка принадлежала к семейству феноменальной заводской матки Марчетты. Ее дочери Свит Левандер и Роз Ред дали Амбиорикса, внуков Май Беби и Сайани. Роз Ред является матерью Авроры, от которой получены Алисидон и Бореалис.

В родословной Монконтура Марчетта повторяется дважды: через отца — правнука Свит Левандер и через мать, семейство которой восходит к Роз Ред.

Хороших знакомых конников, с кем можно было бы обменяться мнениями, во Франции тогда у меня не было. Я решил воспользоваться советом М.Н. Эфроса — директора Московского ипподрома, бывавшего ранее в Париже, и обратился к г-ну Бендерскому. Выходец из России, слывший знатоком чистокровного дела, он имел самую современную картотеку, занимавшую в его квартире огромную комнату. Через сутки он пригласил меня к себе и сказал: если я куплю Монконтура, это будет моей удачей.

Монконтур

Началась торговля. Хозяин запросил за него 450 тыс. долларов.

Кроме 250 тысяч мы предложить ему ничего не могли, и уже в последний день перед отъездом нам передали: 300 тысяч — это последнее слово владельца.

Попросив неделю отсрочки для решения, мы вылетели домой. Попробовал уговорить союзный Главк добавить необходимую сумму, чтобы потом на паях использовать Монконтура, но получив отказ, пошел к заместителю министра А. Абдразякову.

Расписав ему достоинства жеребца, попросил выделить 50 тысяч из валюты на племскот, как раз в то время закупаемый во Франции. Услышав, что за одного жеребца нужно отдать 300 тысяч долларов, замминистра покрутил пальцем у виска, намекая на мою ненормальность и выводил меня ни с чем...

Есть у меня самый близкий друг, проверенный пятидесятилетней дружбой — Павел Дубинский. У него — прекрасная жена Алла — подруга моей жены, и все это время мы дружим семьями. Павел — сын одного из самых классных директоров "Восхода" — И.А. Дубинского, много сделавшего для его восстановления и вывода в передовые хозяйства страны в послевоенные годы с 1947 по 1955. Друг мой тоже начинал работать в коннозаводстве, одно время был главным зоотехником — начконом Терского конного завода, но после заболевания бруцеллезом и длительного лечения, ушел в птицеводство. Работал главным специалистом самой большой Томилинской птицефабрики, Всесоюзного треста племптицезаводов, а затем директором крупнейших птицефабрик страны. Он был в хороших отношениях с начальником сельхозотдела Совета Министров РСФСР В.Я. Батуриным, с которым годом раньше познакомил и меня. Я воспользовался этим обстоятельством, и Батурин в течение двух дней решил вопрос, заставив все-таки раскошелиться Минсельхоз.

После оплаты жеребца я настаивал, чтобы врач Н. Хлобустин вылетел в Париж, понаблюдав за лошастью хотя бы неделю и сопровождал её в пути только самолетом или спецавтомобилем. Все это осуществлял Внешторг СССР и из-за экономии "на спичках" Хлобустина больше не командировали, а Монконтура доставили в трюме корабля. Лошади вообще плохо переносят качку (у них отсутствует рвотный центр), чистокровные же особенно, а пароход шел из Руана почти неделю в водах Северного и Балтийского морей.

Врач Кабардинского конного завода Петр Дашкевич, встречавший в Клайпеде жеребца, рассказал мне, что Монконтура выгрузили исхудавшего и шатающегося. Хорошо еще, что мой приятель — директор конно-спортивной школы "Урожай" — Юрий Максимов дал спецавтобус, а то бы трястись жеребцу 2500 километров в обычном грузовике. В каком состоянии он прибыл в Кабарду, можете себе представить.

Ну и, как у нас заведено, пошло злопыхательство: Дзалаев купил за 300 тысяч больного жеребца с "медвежьей качкой"

и т.д. Скандал, вызов "на ковер", писание объяснений. Создается комиссия, которая делает двусмысленное заключение о причине состояния здоровья лошади. Короче говоря, потрепали нервы изрядно, а жеребец вскоре оправился от дикого путешествия и пришел в норму.

С первой же ставки, прошедшей испытания на ипподромах в 1983 году, Монконтур стал ведущим производителем страны, сменив на этом посту Афинс Вуда, и оставался им бессменно до конца своей трагически закончившейся жизни.

Бомон, Мавр, Рим, Румб, Разгром, Размах, Эймер, Фемина, Ром, Балтимор, Герма, Форум, Размашка, Романтика, Бумага, Амалия... Это неполный перечень классных лошадей, среди которых победители всех главных призов на всех ипподромах СССР, в т.ч. Дерби, Большой Летний (2000 гиней), ОКС, Аналогичной (1000 гиней), им.Калинина, Летний, им. С.М. Буденного (Ст. Леджер), приз СССР и др., а также международные: городов Праги (ОКС), Москвы (международное Дерби), Кубок соцстран.

Жеребец Дуглас — победитель Дерби. Поздравляет директор конного завода "Восход" И.А. Дубинский

Два года подряд в 90–91 гг. Большой приз Чешского Турфа в Праге выиграли сыновья Монконтура Размах и Фильм. Кроме того, Фильм выиграл чешское Дерби. Большой приз Праги выиграл жеребец Эмин. И это высококласное потомство получено на заводе, маточный состав которого уступал всем заводам союзного подчинения.

В 1984 году в Кельне во время розыгрыша приза Европы, в котором принял участие жеребец Мавр (не совсем выздоровевший после серьезной инфлюэнци, с высокой температурой), у меня была встреча с французской делегацией. Было сделано серьезное предложение о покупке Монконтура обратно во Францию, где в том же году пал отец Монконтура Лютье. Но мы были в эйфории от успехов его детей и, конечно, ответили отказом.

Очень удачной оказалась и покупка в США американского рысака Реприза в том же 1978 году, отбор которого произвели Иван Дмитриевич Гусев — директор Московского конного завода и доктор А.А. Ласков. На мой взгляд, Реприз по своему происхождению, экстерьеру, а главное, по беговому классу является лучшим жеребцом, завезенным в Россию за всю историю отечественного рысистого коннозаводства. А по рекордам в призах и победам в международных встречах в 1985–89 гг. его сын Сорренто остается непревзойденным до сих пор. Потомство Монконтура и Реприза, поступившее на испытания, изменило ситуацию на ипподромах. Начиная с 1983 года, львиную долю главных призов выигрывали скакуны и рысаки заводов Минсельхоза России.

Конечно, работа в министерстве была не только чисто конно-заводческая, состоящая из командировок в под-

чиненные хозяйства и на всяческие соревнования. Нас часто включали в комплексные бригады ЦК КПСС для проверки и подготовки решений ЦК и Совмина по разным вопросам сельского хозяйства России.

У нас существует система массового коневодства. Формально ответственность за развитие и использование рабочего-пользовательного, молочного и мясного поголовья лошадей лежит на Главке и министерстве сельского хозяйства. Осуществлять свое влияние мы должны были через сеть государственных заводских конюшен во всех областях, краях и республиках РСФСР. Госконюшни имели жеребцов-производителей для улучшения качеств колхозных и совхозных лошадей и штат зооветспециалистов, обязанных оказывать методическую помощь на местах. В связи с этой обязанностью пришлось узнать матушку Россию от Москвы до самых до окраин, от Тихого океана, Благовещенска на Амуре и Читы на востоке до польской границы на западе.

И я, и многие другие специалисты понимали, что, находясь в Москве, заниматься массовым и особенно рабочим коневодством в эпоху полной механизации сельского хозяйства — это бред сивой кобылы, и напрасная трата бюджетных средств на содержание дармоедов — людей и лошадей по всей России.

Если колхоз или совхоз используют рационально лошадей в хозяйстве, то он это будет делать и без нас. То же самое и с отношением к этому вопросу со стороны районного и областного начальства. Ответственность за это дело размазывалась, каждый старался свои грехи переложить на другого.

Отчетные данные, поступавшие к нам, по поголовью, использованию жеребцов-производителей Госконюшен, лошадей на работах (конедни), получению жеребят подтасовывались. Жеребцы передавались в хозяйства на случной сезон бесплатно и отношение к их содержанию было соответствующее.

В связи со всем этим у нас с В.В. Чернышовым возникли первые серьезные разногласия. Я предлагал выйти к руководст-

ву министерства и ЦК с обоснованным предложением закрыть эту лавочку. Жеребцов с конных заводов продавать хозяйствам, где они нужны. И пусть на местах (колхоз, район, область) сами решают, сколько и каких лошадей им нужно.

Чернышов же считал, что передача этих функций снизит наше значение и ухудшит положение дел. Вот один из эпизодов нашей деятельности на ниве массового коневодства России и отношение руководителей министерства к существу дела.

В конце семидесятых годов во исполнение какого-то пункта последнего постановления партии и правительства по развитию животноводства, мы должны были подготовить вопрос на коллегию Минсельхоза о состоянии продуктивного коневодства в Бурятии.

Выехал я туда, взяв с собой научного работника Уфимского НИИ мясного коневодства, и в течение десяти дней совместно с бурятским управлением сельского хозяйства и районными начальниками добросовестно обследовал основные районы этого края с крупным табунным коневодством. Были выявлены серьезные упущения в воспроизводстве и других вопросах продуктивного коневодства, вскрыты причины массового отхода молодняка, приписки и т.п. О результатах доложили в обком партии, где наши выводы были восприняты нормально и намечены конкретные действия по улучшению положения дел.

В Москве подготовил решение коллегии, где были отмечены причины и виновные в крайне низком использовании огромных резервов Бурятии в развитии табунного коневодства. После моего доклада выступил министр сельского хозяйства Бурятии, который не опровергая меня, стал ссылаться на разные причины, в том числе на слабую помощь со стороны Москвы.

В заключение выступил министр России ("тупой доцент") недавно назначенный из ленинградских секретарей обкома, и перевалив вину, как говорится, с больной головы на здоровую, основным виновником в бурятских грехах объявил наш Главк, а буряты отделались легким испугом. Хорошо еще на коллегии выступил Г. Кулик, поддержав меня, а то бы я лично получил

взыскание. Чего тут было больше — глупости того министра или так называемой политики в отношении национальных республик — не знаю. Это очень напоминает то, как в настоящее время относится Москва к выкрутасам экономической и политической жизни, деловым и моральным качествам руководителей ряда национальных республик России. В.В. Чернышов в этой ситуации занял позицию “я не я, и лошадь не моя”.

Вскоре произошли еще два события, которые совсем отвратили меня от дальнейших инициатив.

На Северном Кавказе три завода, на мой взгляд, требовали для улучшения экономического состояния и, главное, повышения качества выращиваемых лошадей реорганизационных конкретных мер. Так, лучший в тот период чистокровный завод нашего Главка — Кабардинский — испытывал серьезные трудности в обеспечении собственными кормами, имея большой дефицит земли и живя за счет нарядов на концкорма из Москвы. Находится он в пойме реки Черек, в окружении лесного массива, что создает не совсем хорошие климато-экологические условия: повышенную влажность, “паркость”, большое количество кровососущих насекомых, что особенно нежелательно для чистокровного молодняка.

А недалеко от конного завода и совсем близко (30 км) от Пятигорска на берегу озера Тамбукан с лечебной водой есть пчелосовхоз, у которого около 1000 га прекрасных земель с садами и большим процентом красноземной почвы, что очень важно и полезно для племенных лошадей. Это конникам известно по блестящим довоенным и дореволюционным показателям Стрелецкого и Деркульского конных заводов, расположенных именно на таких землях, богатых всеми необходимыми минеральными веществами и микроэлементами.

Я бывал в этом совхозе, хорошо знал его директора Карданова пожилого, очень симпатичного человека, равнодушного к лошадям и скачкам. Экономика совхоза была на низком уровне, и мое предложение сделать совхоз отделением-элевером Кабардинского завода, было им воспринято положительно. Это давало возмож-

ность содержать, выращивать и тренировать (а для тренинга там отличные места с пересеченной местностью) весь молодежь завода. Тем самым создавались необходимые условия содержания для маточного поголовья с возможностью увеличения кобыл с 60 до 100.

Обсудил эту идею с директором Кабардинского конного завода Коковым и В. Чернышовым, получил добро на дальнейшие действия. Нужно было заручиться согласием Пчелопрома России, которому был подчинен совхоз и согласовать эту передачу с руководством Кабардино-Балкарской республики.

Не просто и не быстро, но мне удалось это сделать. И вдруг Чернышов в последний момент отказывается от этого дела, ссылаясь на отрицательный финансовый баланс пчелосовхоза. Его поддержал один из наших заводов по производству В. Мельников, и переубедить их я не смог.

Но и после этого жить спокойной чиновничьей жизнью с хорошей зарплатой и привилегиями заместителя начальника Главка (поликлиника и больница 4-го Главного управления Минздрава, бесплатные ежегодные путевки мне и льготные — жене в престижные санатории Совмина РСФСР и т.п.) было не в моей натуре.

Два крупнейших — более 25 тысяч гектар земли в каждом — конных заводов: Ставропольский и Малокарачаевский, обремененные продуктивным животноводством, а Ставропольский еще и большим планом продажи зерна государству, не обеспечивали надлежащее внимание основной отрасли — коннозаводству, да и другие направления производства находились на низком уровне.

На этих заводах постоянно не хватало кормов; продуктивность овцеводства, молочного и мясного скотоводства была крайне низка, также как и урожайность.

В семидесятых годах стала развиваться экспортная реализация лошадей полукровных пород в страны западной Европы. При наличии на этих двух заводах 600 конематок терской, англокабардинской и кабардинских лошадей, на которых был спрос, можно было при условии соблюдения технологии выра-

щивания и соответствующей подготовке к аукционам, резко увеличить продажу за рубеж и поступление валюты в страну. Но для этого необходимо было провести специализацию этих двух заводов.

На совещании у заместителя министра с приглашением директоров указанных заводов А.П. Сивченко и Х.А. Аджиева, я доложил план такой реорганизации. Заключался он в разделе хозяйств с выделением необходимых земель для этих заводов, обеспечивающих полную потребность в кормах и пастбищах, внедрении севооборотов с включением высокодоходных культур — люцерны, подсолнечника, гибридной кукурузы и т.п. — и ограниченное продуктивное поголовье для собственных нужд. Все остальное передавалось вновь организуемым совхозам.

После обмена мнениями было решено провести это в жизнь с поручением в мой адрес.

Карачаево-Черкесская автономная область административно входила в состав Ставропольского края. Сначала со специалистами Малокарачаевского конного завода, затем с районными сельскохозяйственными и партийными органами подготовили схему раздела со всеми производственными и финансовыми расчетами как конного завода так и нового совхоза. Неделя ушла на работу с областным управлением и обкомом партии. Также получил "добро" первого секретаря обкома Анджиевского. Такую же работу провел в Ставропольском конзаводе, Александровском райсельхозуправлении и райкоме партии.

Наконец, с согласованными и просчитанными документами приехал к начальнику Ставропольского крайсельхозуправления Варшавскому. Зная, что он пользуется полным доверием М.С. Горбачева, постарался объяснить ему необходимость этих мер.

Но Варшавский, не приведя никаких разумных контрдоводов, просто заявил, что он против раздела хозяйств и их специализации. Он считает, что многоотраслевые крупные хозяйства более перспективны.

В Москве я сказал В.В. Чернышову: если мы считаем нашу позицию верной, нужно подключить к этому вопросу руководство министерства и ЦК и сломать упрямство Варшавского. А это уже уровень начальника Главка. И снова Чернышов, как говорится, ушел в кусты, решив не обострять отношения, сталкивая Минсельхоз с краевым начальством.

В 1980 году в Москве проводились Олимпийские игры. Торжественная церемония открытия Олимпиады в Лужниках предусматривала участие в ней во главе шествия греческих колесниц, а также русских троек. Для подготовки этого непростого мероприятия приказом по Минсельхозу меня откомандировали в распоряжение Олимпийского комитета СССР за два месяца до начала Игр. Главным режиссером церемонии открытия и закрытия был назначен народный артист СССР Туманов. После детальной разработки эпизода церемонии с участием квадриг и троек и утверждения его в Олимпийском Комитете, приступили к выполнению задачи. На базе Раменского ипподрома с привлечением лучших наездников — троечников из всей России нужно было подобрать не менее сорока лошадей абсолютно одинаковых не только по масти — серой и вороной, но и по экстерьеру, росту и спокойному темпераменту, а затем съездить их. На заводе конно-спортивного инвентаря заказали экипажи, парадную сбрую. Выполнить всю эту нелегкую работу качественно и в срок смогли благодаря труду коллектива Раменского ипподрома и его директора И.Б. Караева. С Тумановым участвовали в отборе самых стройных и красивых девушек из института физкультуры и спорта (приятное занятие...), которые сопровождали квадриги. Я думаю, что многие видели эту церемонию открытия хотя бы по телевизору, и могут оценить наши способности и вкусы в выборе лошадей и особенно девушек. Во всяком случае аудитория Лужников рукоплескала этому зрелищу, а начальство наградило нас грамотами и солидной денежной премией.

Москва Олимпиада Лужники. Первыми в церемонии открытия шествуют греческие квадриги

Раменский ипподром, 1980 г.. Коллектив готовивший церемонию открытия в Лужниках

*“Я думаю, ученые наврали
Прокол у них в теории, порез.
Развитие идет не по спирали
А вкривь и вкось, вразнос, наперерез”*
И. Губерман.

Новый поворот

Нопытки преодолеть рутину и косность, проведя в жизнь серьезные меры, закончившиеся неудачей, в преддверии пятидесятилетия наводили на мысль о напрасной трате времени и нервов и нецелесообразности продолжения работы в Главке России.

В конце семидесятых годов я был избран Председателем федерации конного спорта РСФСР, обязанности которого выполнял на общественных началах. Мне не раз предлагалась работа в Госкомспорте, и в частности главным тренером СССР по конному спорту. Всерьез обсуждался вопрос о назначении директором Олимпийского конно-спортивного комплекса в Битцах. Я дал согласие, но на запрос о моем переводе Минсельхоз ответил категорическим отказом. А я уже "закусил удила" и подал заявление на освобождение по собственному желанию. Вызовы к курирующему заместителю министра Г.С. Огрызкину и по кадрам В.А. Агибалову — разговоры, уговоры, но я твердо стоял на своем решении и через три месяца был освобожден в связи с переходом на другую работу. Конкретно же в Главконупр Минсельхоза СССР, старшим специалистом отдела испытаний и экспорта.

Перед оформлением был вызван к заместителю министра по кадрам Поморцеву, который с подозрением допрашивал, почему я с большой должности, зарплаты и льгот перехожу на низкооплачиваемую, рядовую работу. Да и для многих это было

странным и непонятным. Приказ был подписан после выяснения, что я ничего криминального на прежней работе не совершил.

Союзный Главк в иерархии коннозаводства занимал положение какой-то надстройки. Подчинения ему республиканских органов не было, да и хозяйства Минсельхоза Союза напрямую входили в состав Всесоюзного треста конных заводов и ипподромов. Однако финансирование, в т.ч. строительства, проходило через Главк. В основном же занимались общей политикой в отрасли, экспортом и импортом лошадей, планированием и организацией всесоюзных соревнований и международных встреч, координацией работы Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства и Советов по породам, а также выставками и конкурсами среди коневодческих хозяйств за лучшие показатели по воспроизводству и результатам испытаний. Приходилось понемногу заниматься всеми этими вопросами. Вскоре я был назначен заместителем начальника управления коннозаводства.

В то время в Соединенных Штатах Америки в разгаре был бум и огромный спрос на чистокровных арабских лошадей, в первую очередь из нашей страны и Польши. Ну и, конечно, в США к этому бизнесу подключились многие "деловые люди" — перекупщики. Они скупали у нас на открытых торгах и вне аукционов арабских лошадей, перепродавали многих из них по ценам на порядок выше.

Среди работников, имеющих отношение к арабскому коннозаводству, были выявлены люди, оказывающие профессиональную и небескорыстную помощь американцам при покупке лучших арабских лошадей. Проанализировав племенной состав Терского конного завода и практику продажи, стало ясно, что идет настоящая охота на самых лучших представителей породы и, главное, на золотой фонд маточного состава, не говоря уже о жеребцах. Опасение, высказанное по этому вопросу, руководству Главка всерьез воспринято не было, и нам с Е.И. Шемарыкиным — курирующим породу от ВНИИ Коневодства, даже пришлось выступить в прессе.

Вот один случай, связанный с продажей арабских лошадей. С фирмой США "Чилевич и К^о" был заключен приватный договор на продажу жеребца Менеса. Ни я, ни завод этого договора не видели. Но по словам начальника Главка, Менес был продан за два миллиона долларов, из которых один миллион американцы выплачивали сразу, а второй оставался в качестве нашего вклада на условиях аренды, по которому СССР должен был получать 50% от сумм, поступающих за использование жеребца в США и Канаде производителем.

Прошло два года. Из официальных источников получаем сведения о широком использовании Менеса в случке. По нашим расчетам уже около миллиона долларов мы должны были получить. Но от Чилевича ни слуху ни духу. А.Г. Мартыненко командировал меня в США, проверить все на месте и потребовать расчета.

Полетели мы с А. Паномаревым — начконом Терского завода. Встретили нас как дорогих гостей, с широкой программой визита. Показали нам все чудеса Америки, дорогие отели, рестораны. Побывали на всех лучших конных заводах арабской и чистокровной верховой пород от южных границ с Мексикой штата Техас до северной окраины штата Орегон. Под Вашингтоном на ипподроме удалось посмотреть самую дорогую скачку арабских лошадей "Приз Хаммера". В общем, устроили нам шикарный познавательный тур. Наконец, дело дошло до официального разговора о Менесе. Глава фирмы Саймон Чилевич в своем офисе на Уолл стрит в Нью-Йорке — собрал всех своих партнеров, выслушал наши претензии, которые заключались в одном: почему не поступают деньги за аренду Менеса?

С добродушной улыбкой Чилевич заявил, что никакой аренды нет, а есть договор о партнерстве по использованию Менеса в США. Приносят договор, где действительно записано — партнерство. А это, объясняют американцы, означает не только доходы, но и расходы. И тут же преподносят нам финансовый документ, в котором отражены миллионные траты на рекламу,

выставки, покупку земли, строительство конюшни для жеребца и т.д. и т.п. Мне стало ясно, что в обозримом будущем за Менеса мы ничего не получим, и плакал наш миллион. И стыдно за положение, в котором я оказался. Зачем посылали в Америку? Почему перед поездкой Мартыненко не показал нам договор? Почему не поехал сам? Что за этим стояло? Когда я доложил итоги поездки, он сделал удивленное лицо и сказал, что этого не может быть, что это была аренда и что-то еще невнятное. В общем, вам понятно, и мне тоже...

За несколько лет с единственного в стране арабского завода, уникального по ценности племенного состава, в США были проданы лучшие из лучших кобылы самых ценных маточных семейств. Так, из семейства Маммоны ушли Монограмма — мать производителя Мамлюка и сестра Машука. Продана и лучшая дочь Монограммы — Маковка. От Мальпии — матери Муската и Моменты (оба проданы и стали лучшими производителями

США 1986 г.. Штат Кентукки. Клейборн Фарм. На могиле великого Назруллы

США), продана и ее единственная дочь Миссия. Вдобавок ко всему, продана лучшая дочь самой Маммоны — Магнолия, которая в США дала трех производителей: Муслина, Мига и Магнита.

Продано также самое ценное потомство выдающейся Номенклатуры: ее дочь Наина — мать Нанкина и лучшие дочери Непоседы — Нарада и Нарядная. В США Нарядная была перепродана за 300 тысяч долларов. Практически ушли в США все лучшие кобылы из гнезда Капеллы. Ее дочь Карта (мать жеребца Килиманджаро) экспортирована жеребой, родившаяся от нее кобылка была там продана за 115 тыс. долларов.

Родившаяся от ушедшей за бесценое жеребой Пудры, кобылка в возрасте двух лет была продана в США за 200.000, а сама Пудра перепродана за тройную цену в 600.000 долларов. Пудра — представительница "золотого" семейства кобылы Тактики, пострадавшего от этого беспредела особенно тяжело. Вот неполный список проданных кобыл этого семейства: Пустыня, Панорама, родная сестра Песняра (проданного в США г-ну Хаммеру за миллион долларов) — Посланица; дочери Пташки — Паркетная и Пантера.

Очень дешево были проданы в США и Канаду выдающиеся жеребцы, ставшие там национальными чемпионами, чемпионами Европы и Мира в Париже — Негатив, Салон, Момент, Менес, Мускат, Намек. Ладно, если бы они продавались по реальной стоимости. Но известно множество фактов перепродажи наших лошадей в десять — двадцать раз дороже.

Уже через несколько лет, выращенные от них в США арабские лошади стали успешно вытеснять с мирового рынка наших "арабов". Люди, знающие толк в чистокровном арабском коневодстве, поймут, какой невосполнимый урон, помимо потери огромных сумм валюты, понес Терский конный завод в селекционном отношении.

А вот пример, как мы обновляли племенной состав арабской породы. В Египет был командирован наш главный специалист арабского коннозаводства, где были отобраны и куплены несколько десятков кобыл и жеребцов за сотни тысяч долларов.

Привезли их целый пароход, а когда здесь стали разбираться в родословных, оказалось, что они не чистокровные и не могут быть занесены в реестр Всемирной ассоциации арабского коневодства (ВАХО). Пришлось их срочно куда-то прятать, вплоть до мясокомбината.

А три года назад стараниями руководителя "Росплемконзавода" был куплен во Франции и поставлен на Терский завод арабский жеребец по типу и экстерьеру просто безобразный, да к тому же совершенно неиспытанный в скачках. А Терский конный завод как грабили иностранцы, так и грабят до сих пор. Уже второе поколение дельцов из Европы выбирает что хочет по низким ценам и перепродает наших лошадей по всему миру. Правда, Америке они уже не нужны. Она давно сняла сливки с Терского конного завода.

Работа в союзном Главке ничем особенным не отличалась. Те же командировки, но только теперь по всей стране: Россия, Украина, Белоруссия, Грузия, Казахстан. На заводах те же проблемы: несовершенная технология, низкий уровень специалистов, тренеров, жокеев. Ощущение бессилия изменить положение. Часто дело было не в том, что улучшить ситуацию мешало районное или областное начальство, а какая-то косность самих руководителей хозяйств, считающих, что у них и так все неплохо. Да и со стороны руководства нашего Главка энтузиазма не наблюдалось.

Вот, например, наши основные скаковые ипподромы. На них испытывались и готовились к серьезнейшим международным встречам на зеленых дорожках Кельна, Парижа, Вашингтона лучшие чистокровные лошади Союза. Но ни один из них не имеет не только травяного круга, но и единственный песчаный круг московского ипподрома далек от совершенства.

Перевозка лошадей осуществлялась автотранспортом на расстояния две-три тысячи километров, после которой даже если они не заболели, их надо было неделю "отмачивать". Безусловно, все это влияло на результаты выступлений лошадей. Ведь принимали нас за неделю, максимум за две до старта.

В 1982 году было принято приглашение жокей-клуба Франции на участие в призе Триумфальной Арки. Наше Дерби выиграл тогда жеребец Кастет (Суздаль — Калипсо) Днепропетровского конного завода. Победа его в Дерби была маловпечатляющая: обыграл он Онуфриевского Банта — лошадь среднего скакового класса. Кроме Дерби, других побед у Кастета не было. Вообще сезон 1982 года был беден на классных лошадей трехлеток, и всё же в Париж на Триумфальную Арку было решено везти Кастета.

В день Триумфальной Арки разыгрывается также самая крупная и дорогая скачка в Европе для двухлетних кобыл — приз "Марселя Буссака" в память о выдающемся коннозаводчике Франции. Дистанция — одна миля. В Москве хорошо скакала, выиграв призы Авроры и Осенний для кобыл (оба на 1600 метров) восходовская Арта, дочь Афинс Вуда. Её мать Ахтырка тоже была победительницей приза Авроры, а трех лет — приза Аналогичной (1000 гиней). Отлично скакала на эту же дистанцию и бабка Арты Арматура. Все это послужило основанием записать Арту в этот приз. На что получили согласие из Франции.

Жокеем я выбрал Арслана Шавуева — одного из лучших наших жокеев, правда, уже год как перешедшего на тренерскую работу и несколько потяжелевшего. Арслан дал слово, что к скачкам во Франции он будет в форме.

Доставляли лошадей в Париж самолетом, но так как специально заказывать самолет очень сложно и дорого, летели грузовым АН-10 с попутным грузом и посадкой в Риге. Сопровождали лошадей мы с Шавуевым. На всякий случай взял с собой различные лекарства и успокаивающие средства.

До Риги долетели спокойно, но при взлете из Риги Кастет стал нервничать, дрожать, и биться в боксе. Бокс был сделан, слава богу, крепко, однако самолет стало раскачивать. Вышел к нам пилот и предупредил: если в течение десяти минут лошадь не успокоится, он будет обязан пристрелить ее. Я вынужден был, с трудом зафиксировав Кастету голову, влить ему специальный наркотический раствор. Через пять минут он успокоился, и весь день пребывал в полусонном состоянии.

Прилетаем в Париж. Здесь нас ждали. Отвезли в город лошадей Шантии. Поместили в отдельную прекрасную конюшню. Там же разместили и жокея на втором этаже. Меня отвезли в отель города Шантии. В этот же вечер, поставив на весы Шавуева, увидел: чтобы проскакать на Арте с весом 55 килограмм, ему надо сбросить семь килограммов за восемь дней, что он и начал делать, перестав есть, питаюсь только соками грейпфрутов и апельсинов.

На следующий день ко мне в отель приехал представитель жокей-клуба и, выразив извинения, настойчиво предложил переехать в другой отель. Оказывается, узнав, что вместе с лошадьми прилетел заместитель департамента коннозаводства да еще и президент Конгресса соцстран по коневодству, они переселили меня в один из шикарных отелей в пригороде Парижа недалеко от Шантии и закрепили за мной персональную машину.

Передали приглашение г-на Романа — президента французской ассоциации по скачкам и разведению чистокровных лошадей — приехать к нему с визитом на следующее утро.

Я знал, что он бывал в России и неравнодушен к русской икре и водке. И повез ему соответствующие сувениры. Он по-французски горячо выразил свою радость. Выпили с ним по рюмке, весело побеседовали через переводчика, которого тут же закрепили за мной на весь период пребывания в Париже. Кроме того, г-н Романе вручил мне бумагу "бланшкарт", которой я мог расплачиваться в ресторанах и отелях Франции, и сказал, что с лю-

бой проблемой я могу обращаться прямо к нему, чем я вскоре и воспользовался.

Через два дня стало ясно, что Шавуев не сможет скакать на Арте, и дай бог ему выдержаться хотя бы на Кастета до 59 кг. Поехал к г-ну Романе, с просьбой помочь в подборе другого жокея. Он пообещал выяснить, кто из хороших жокеев будет свободен для скачки в призе "Марселя Буссака". Вечером он мне позволил. На наше счастье, на Арте сможет проскакать молодой жокей Горли — восходящая звезда, уже бывший победителем французского Дерби в 1981 году на жеребце Бикала.

На следующее утро на проездке Горли сел на Арту, чтобы узнать ее возможности. Проехав на ней веселым галопом с резвым кончиком, остался доволен. В пятницу сделал на ней хороший галоп, после чего заявил, что с удовольствием поедет на Арте в призе.

Но человек предполагает, а бог располагает. В субботу обнаруживаем, что наша юная Арта под влиянием воздуха Франции и прекрасных условий пришла в "игривое состояние", а по-нашему — в охоту. Да так, что вместо скачки ей надо было устраивать "свадьбу". И надумали мы обмануть природу. По совету одного французского тренера ввели ей препарат нимфофлон.

Вся ее игривость действительно угасла, но вместе с этим и энергия и активность. В воскресенье она вышла на старт вялой. Пройдя неплохо основную дистанцию, за сто пятьдесят метров до финиша привстала, попав лишь на шестое место при двенадцати участниках.

Также не пришел в боевую форму и Кастет после самолетного стресса и наркотиков, а вместе с ним и Арслан Шавуев, сбросивший пять килограммов и финишировавший на восьмом месте при четырнадцати стартовавших. Приз Триумфальной Арки выиграл великий жокей Франции Ив Сан Мартин на кобыле Акайда, принадлежавшей Ага Хану. Сан Мартин опередил на полкорпуса Лестера Пиггота, скакавшего на лучшей лошади старшего возраста Европы жеребце Ардроссе. Без призовых

мест в этой скачке остались выдающиеся скакуны Европы: жеребец Ассерт — победитель французского и ирландского Дерби этого года, дербист 1981 года Бикала и много других креков Европы и Америки.

За несколько дней до скачек прилетел из Москвы А. Мартыненков, и мы использовали свободное время для ознакомления с французским скаковым бизнесом. Посетили несколько прекрасных ипподромов. Детально осмотрели тренировочный комплекс в Шантии, включающий десятки кругов с самым различным покрытием: песчаные тяжелые и легкие, зеленые травянистые и даже круги с покрытием из деревянной щепы и елового лапника. Это дает возможность вести тренинг в любое время года, в любую погоду и учитывать особенности каждой лошади.

Специально съездили в школу жокеев Франции. Отбор в эту школу проводят специалисты селекционеры, при этом учитывая множество данных (кстати, рост и вес родителей) мальчика, решившего посвятить себя скачкам. Школа прекрасно оборудована всем, что нужно для физического и культурного развития учеников, вплоть до скульптурных мастерских.

Вечерами, под впечатлением увиденного, горячо обсуждали наши проблемы, необходимость и возможность что-то сделать у себя. Договорились первым делом реконструировать по европейским стандартам Пятигорский ипподром. Расположенный в благоприятной климатической зоне, он мог бы стать центром розыгрыша главных призов и подготовки лошадей к международным встречам.

Приехав в Москву, горячо взялся за это дело. Вызвали директора Пятигорского ипподрома В. Майджи. Объяснили задачу и поручили срочно, через ставропольские проектные организации, провести необходимые изыскательские и другие работы. Майджи многое проделал в этом направлении. Был определен подрядчик. Но когда пришло время выделять средства, а вернее делить их, заместитель начальника Главка Б.Злотин, имевший

большое влияние на А. Мартыненко, выбросил из плана строительства этот проект.

Это было еще одним горьким разочарованием и потерей надежды на улучшения в скаковом деле. Так до сих пор и скачем или по колено в грязи в сырую погоду или как по асфальту — в сухую в Пятигорске, а это не дает возможности выявить и оценить истинный скаковой класс наших лошадей. И соответственно сделать правильный выбор участников для международных встреч.

Посредственная скаковая дорожка московского ипподрома, по которой вдобавок ежедневно работают сотни рысистых лошадей, также отрицательно влияет на подготовку классных скакунов. Да еще и августовские и сентябрьские похолодания. Все это вместе резко снижает шансы на успех в крупных интернациональных скачках. А транспортировка за две-три тысячи кило-

Берлин 1984 год. Победителя Международного приза "Кубок социалистических стран" А. Чугуевца с жеребцом Артом поздравляет министр сельского хозяйства ГДР

метров выводит лошадей из скаковых форм и часто является причиной заболеваний, а то и гибели наших лучших лошадей.

Иллюстрацией массы неурядиц объективных и субъективных, могут служить выступления наших команд в 1984 году в Кельне и в 1985 году в Стокгольме.

Скаковой митинг соцстран в том году проходил в Берлине. Мы в целом удачно там выступили, выиграв главные призы, в т.ч. Кубок соцстран на Арте (Раут — Андорра) и должны были, подготовившись на берлинском ипподроме в Хоппегартене, через три недели принять участие в призе Европы на Арте и Мавре, и в призе Элиты (1600 м) на жеребце Абсент Днепропетровского конного завода. Как у нас часто бывало, по разным причинам не дали разрешения на выезд тренерам Арта, Мавра и Абсента Н. Насибову, С. Хубулову и И. Стогнееву. Не поехали по тем же причинам жокей Абсента Шелепов и Марат Кожемжаров. Это уже был первый "черный шар" для успешного выступления. В отсутствии тренеров мне приходилось советоваться и прислушиваться к мнению жокеев, выступающих на этих лошадях, а это нередко приводило к ошибкам.

Так в призе Москвы, где выступали лучшие трехлетки соцстран (кроме нашего Арта, записанного на главный приз "Кубок") скакали жеребец Мавр конзавода "Красноармейский" под седлом Александра Чугуевца и восходовский Фарат, на котором скакал Виктор Шулепов.

Все мы были настолько уверены в победе, что не расписали четкой диспозиции на скачку. В результате Шулепов и Чугуевец схватились в острой борьбе с места до места "голова в голову", каждый надеясь выиграть и забыв о соперниках из других стран. Этим воспользовался немецкий жокей и буквально у финиша опередил обоих, "кончивших" друг друга. Вдобавок Фарат порвал связки путового сустава, и его пришлось оставить в ГДР, где он успешно использовался как производитель.

На этом неприятности в Берлине не закончились. Сразу после митинга у меня возникли поясничные боли, и решив лечить

Берлин 1984 год. Хоппегартенский ипподром.
Руководители делегаций конников соцстран. Справа
мой друг — директор ипподрома Роберт Рудольф

это способом "клин клином" сел на тренировочный галоп на жеребца Абсента, у которого, как говорят конники был "железный рот". Он заставил меня держать его с неимоверным трудом все три тысячи метров дистанции. С седла меня уже снимали — поясница отказала вовсе. Уложили в постель и стали лечить.

Кельн принимал нас только за неделю до старта, и мы были вынуждены десять дней ждать в Берлине. А в эти же дни на ипподроме вспыхнула ин-

флюэнца — острое инфекционное заболевание.

Директор Хоппегартенского ипподрома, мой хороший приятель и коллега Роберт Рудольф, как мог, обеспечил изоляцию в километре от ипподрома, и через неделю, несмотря на карантин, помог нам выехать в ФРГ. Отправив команду, полубольной выехал поездом в Кельн, а через день у всех наших лошадей было выявлено заболевание от которого убегали из Берлина. Особенно тяжело заболел Мавр, с температурой до 40о и Абсент, и вместо тренинга пришлось принимать радикальные меры лечения. Арт переболел легче, но и с ним возникли сложности. Жеребец был очень трудным в работе — "таскал" — и все тренировочные работы на нем ранее проводил Ю. Шалхаков, который справлялся с ним лучше других. В Кельне же Александр Чугуевец решил работать его сам. Я уговаривал его не ссаживать Шалхакова, но он уверял, что справится с Артом. Чугуевец —

мастер-жокей международного класса, с огромным опытом, в том числе и в скачках на приз Европы, где он уже бывал призером и победителем на жеребце Адене.

Я сам с больной поясницей практически всю неделю до скачек пролежал и на тренировках быть не мог, а Саша, видимо из боязни, готовил Арта мало и тихо. К тому же шли проливные дожди, к дню розыгрыша приза зеленый круг был сырым, и Арт со своими торцовыми "стаканистыми" копытами просто увязал в этой дорожке. Не попали, не оправившись после болезни, в призеры Мавр и Абсент.

Все эти неудачи так подействовали на меня, что еле доехав до Москвы, был госпитализирован и два месяца провалялся в больнице с тяжелым поражением поясницы.

В 1985 году, вновь в ранге Президента международного Конгресса по коневодству, я был назначен руководителем команды СССР на Конгресс и Митинг, проводившийся в Будапеште.

В составе команды были уже две классные трехлетние лошади — дети Монконтура: Фемина и Румб. Румб выиграл главный приз Митинга "Кубок соцстран", опередив лучшую лошадь, дербиста Польши жеребца Немана, сына Дакоты. После этого руководители польской делегации на заседании Конгресса выступили с просьбой передать им на время Румба в качестве производителя. Мы, в свою очередь, предложили обменять Румба на Немана.

Такой обмен состоялся. Неман при очень коротком и ограниченном использовании дал в Кабардинском конном заводе от дочери Монконтура Размашки выдающегося скакуна, ныне производителя, жеребца Резона. В числе его побед стоит международный приз Элиты в ФРГ, который до него ни разу не смогли выиграть лошади из СССР, много раз принимая в нем участие. Эта победа поставила Резона с высоким рейтингом в ряд лучших лошадей Европы.

Феноменальная Фемина (Монконтур — Фелюга) до Будапешта выиграла главные призы в СССР двух и трех лет, в т.ч.

им.Калинина, Аналогичной и ОКС и в отличном стиле международного ОКС — приз города Праги в Будапеште.

После этой победы в Главке было принято решение участвовать на Фемине в международном призе "Кубок Стокгольма" в Швеции. Я высказывал мнение о нецелесообразности после такого тяжелого сезона везти кобылу за тридевять земель, но со мной не согласились, и тренер Фемины Арслан Шавуев с жокеем М. Кожемжаровым отправились в Швецию.

Как мне потом рассказали, в Стокгольм Фемину привезли с явными признаками простудного заболевания. До конца вылечить ее не удалось, и тренер возражал против ее участия в этой дистанционной скачке. Но руководитель команды волевым решением заставил выступать. Приз проиграли, но самое страшное, что Фемину привезли на завод еле живую, где она скоропостижно пала.

Я намеренно рассказываю подробно о тех фактах и эпизодах, когда в силу разных причин и ситуаций не удавалось достойно выступить на международных состязаниях.

Так, например, погибла при транспортировке на интернациональный приз в ФРГ класснейшая дочь Афинс Вуда непобедимая Элиара; сломал ногу, провалив пол в грузовой машине по дороге из Москвы бесланский Зелимхан, финишировавший голова в голову с Газометом в Дерби 1976 года; угробили на Кабардинском заводе лучшего сына Монконтур дербиста 1987 года Рима и самого Монконтур, о чем я еще расскажу.

Все эти случаи стали возможны из-за халатного отношения к делу конкретных людей — тренеров, начконов, врачей, директоров заводов, чиновничьего руководства, отсутствия у людей чувства личной ответственности, работы по принципу — "все вокруг колхозное, все вокруг мое".

Конечно, это не относится огульно ко всем, но обидно, что случается такое, как правило, с самыми ценными лошадьми. Может быть, это так кажется потому, то врезается в память надолго.

*“Когда я устаю от пустозвонства
Во все века вертевшихся льстецов,
Мне хочется при ярком свете солнца
Припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо”*

Б. Пастернак

Нодошел год 1985, а с ним и начало крупных перемен в жизни страны — начались перестройка и ускорение.

На пленуме ЦК КПСС выступил с программной речью М.С. Горбачев. На следующий день министр сельского хозяйства В.К. Месяц собрал руководителей всех подразделений Минсельхоза, доложил о пленуме и предложил в короткий срок продумать и дать свои соображения по реорганизации структуры управления в отраслях, руководствуясь положениями, высказанными Генсеком.

А в этих положениях, касающихся сельского хозяйства, лейтмотивом была смена командно-административных методов в управлении и замена их на создание крупных производственно-хозяйственных объединений для конкретного руководства в отрасли, и в частности племенными хозяйствами.

Для выработки такого предложения А.Г. Мартыненко пригласил к себе своего заместителя Б. Злотина (имел очень большое влияние на начальника Главка, и мы его называли "серым кардиналом") и меня.

Было ясно, что Главки будут ликвидированы. Мое предложение заключалось в следующем: срочное создание мощного объединения на базе нашего треста с добровольным вхождением в него дополнительно нескольких конных заводов республиканского подчинения, в которых сосредоточена элита ведущих конских пород: чистокровных, рысистых, полукровных — спортивных и тяжелоупряжных. Туда же должны войти ВНИИ Коневодства и Московский завод конноспортивного инвентаря. Я и сейчас уверен, что это было бы единственно правильным решением.

Часть центрального фасада
Московского ипподрома

На могиле
М.Т. Калантара. На
памятнике выбита
низко склонённая голова
плачущей лошади

Но другое мнение и другие цели были у Мартыненко и Злотина. Уповая на уникальность коннозаводческой отрасли, они рассчитывали, что наш Главк оставят неприкосновенным, тем самым они сохраняют свои удобные и теплые места, уйдя от непосредственного участия в деятельности хозяйств, а трест просто переименуется в Объединение. Мартыненко даже говорил, что замминистра Л. Кузнецов — наш куратор, обещал ему такой вариант.

А через пару месяцев упразднили не только Главки, и наш в том числе, но и само министерство, создав Государственный агропромышленный комитет во главе с соратником Горбачева по Ставрополью Мураховским.

В Госагропроме был создан отдел животноводства, а в этом отделе подотдел по племенному делу, в подотделе — абсолютно бесправный и безответственный сектор коневодства.

Трест же стал самостоятельным Всесоюзным производственно-научным объединением с ВНИИ коневодства, выходя напрямую на заместителя Госагропрома.

Из двадцати работников Главка в сектор перевели пять человек, остальных просто сократили. Кто-то устроился в трест, некоторые были досрочно отправлены на пенсию.

Отдел животноводства переехал на проспект Калинина, а сектору дали комнатку на двадцать втором этаже. Вот в этом "скворечнике" я и просидел в должности главного специалиста целый год.

Можете себе представить наше моральное состояние и особенно Мартыненко и Злотина, превратившихся из крупных деятелей отрасли в мелких клерков, с которыми перестал общаться даже бывший лучший друг — директор треста Е. Шабров. Ну и конечно, начались взаимные упреки — кто виноват в сложившейся ситуации и что будет с коннозаводством. Обстановка накалилась до такого предела, что я готов был бежать от туда куда угодно.

Чтобы представить наши взаимоотношения, приведу один пример. В 1986 году из Франции поступило на мое имя персо-

нальное приглашение для участия во всемирной конференции по чистокровному коннозаводству, приуроченное, как всегда, к розыгрышу приза Триумфальной Арки. Мартыненко заявляет, что поедет туда он сам. Я, конечно, возмутился, и дело дошло до разбора у Л.Кузнецова, который решил вопрос в мою пользу.

Попутно мне дают задание при возможности подобрать для "Восхода" жеребца-производителя. Такая возможность представилась. В скаковой конюшне Алекса Нэда — лучшего тренера Франции, нашел сына Иль де Бурбона, обыгравшего когда-то в Англии Монконтура в призе Короля Георга и Королевы Елизаветы. Этот трехлетний жеребец был победителем призов третьей группы, имел хорошее происхождение со стороны матери, но захромал и был снят с испытаний. Цена его была 70 тысяч долларов.

Мартыненко из чистого каприза признал его недостаточно классным, и покупка не состоялась, а "Восход" продолжал использовать Витстеда, о котором я писал. Не хотелось вновь конфликтовать и выносить спор на руководство.

В конце 1986 года уходил на пенсию директор Центрального Московского ипподрома М.Н. Эфрос. Мне было предложено это место, и я, конечно, согласился. Довольны, по-моему, были и Мартыненко со Злотиным, избавившись от неудобного сотрудника.

Принимая Московский ипподром, я хорошо помнил печальную историю всех его директоров за последние пятьдесят лет.

После войны ни за что сел в тюрьму Могилевкин, обвиненный в якобы халатном отношении, послужившим причиной возникновения пожара. На самом деле, трибуны загорелись при производстве ремонтных сварочных работ.

Проработавший после него около семи лет Михаил Тигранович Калантар, по мнению всех его знавших, лучший конник страны с опытом работы на конных заводах и Главном управлении, в 1956 году застрелился прямо в кабинете. Причиной послу-

1991 год. Три директора
Московского ипподрома
М. Эфрос, Ю. Алексеев,
К. Дзалаев

Москва ипподром. Награждение
победителей международного
чемпионата наездников
1989 год

С большой победой! Мастер
международного класса
М. Козлов с жеребцом
Сорренто и его конюхом
О. Королёвой

жил грязный донос группы наездников во главе с одним из них Бондаревским.

После снятия железного занавеса по приглашению французской рысистой ассоциации М.Т. Калантар повез на соревнования несколько рысаков с наездниками. И сейчас, а тогда тем более, мы не могли конкурировать с французами и, конечно, проиграли. Вернувшись в Москву, наездники написали в ЦК, что проиграли потому, что Калантар мало уделял им внимания, часто отлучался на званые вечера и т.д. Этого было достаточно, чтобы обвинить его в проигрыше команды и снять с работы. Я читал его предсмертную записку, где он пишет, что не может больше жить в атмосфере подлости и клеветы.

Следующим директором был Евгений Николаевич Долматов, о котором я уже писал. И он тоже, несмотря на свой авторитет и опыт, был снят с работы по доносам и анонимкам.

Недолго после Долматова выдержал и ушел на спокойную работу Юрий Борисович Алексеев, имевший до этого опыт работы на ЦМИ.

Дольше всех проработал директором ипподрома Михаил Нисонович Эфрос с большим стажем директора рысистого и верхового конных заводов. Несмотря на его коммуникабельность и связи с руководством Минсельхоза и Госагропрома, он был вынужден по тем же причинам, не по своей воле, оставить работу и уйти на пенсию.

В то время должность директора ЦМИ обязательно совмещалась в Горкоме партии и ЦК КПСС. В январе 1987 года я приступил к новой работе и проработал там ровно три года.

Несмотря на отсутствие казалось бы особых сложностей в деятельности ипподрома, исполнение обязанностей директора требует очень большого напряжения.

Около семисот штатных работников, из которых более половины наездники и конюхи. Ипподром полностью принимал на себя заботы и затраты по содержанию, кормлению и даже транспортировке всех испытываемых лошадей. А их было более шес-

тисот рысистых в течение круглого года и около двухсот пятидесяти скаковых с апреля по сентябрь.

Люди верховых тренотделений обеспечивались хорошим гостиничным жильем, им выплачивались командировочные. Штатных работников жильем должна была также обеспечивать администрация. Это была одна из самых сложных проблем, так как предыдущий директор, чтобы не возиться с коммунально-жилищными вопросами, передал, с разрешения Главка, весь жилой фонд городу. И теперь, чтобы получить квартиру, надо было кланяться районным властям.

Требовала коренного улучшения призовая дорожка и скаковой круг, что в первую очередь и было сделано. Это позволило улучшить резвостные показатели, за что в 1989 году ипподром был удостоен золотой медали ВДНХ.

С удовлетворением могу подчеркнуть, что абсолютные рекорды в призах рысаков, установленные в эти три года, не превзойдены и сейчас.

С помощью зампреда Госагропрома Л.Н. Кузнецова удалось получить сто пятьдесят тысяч долларов из бюджета для крайне необходимого ремонта АСУ "Тотализатор", так как назревал выход системы из строя.

Были построены большие складские помещения для хранения кормов и крытый ремонтный гараж. Внедрили автоматизированную систему бухгалтерского и складского учета.

Немало было сделано и для расширения международных связей. Помимо традиционных гастролей наших рысаков в Финляндию и другие страны осуществили турне по городам ФРГ: Гельзенкирхен — Мюнхен — Западный Берлин для лучшего трехлетки-жеребца Сорренто с мастером-наездником Михаилом Козловым, где Сорренто проявил свой высокий класс и резвость.

Дважды выиграв, он занял еще и почетное призовое место в "Мюнхенском Бокале" с участием рысаков из США, Дании и Германии. После победы в Западном Берлине директор ипподрома Мариендорф г-н фон Кальпински пригласил нас с Козло-

вым и настойчиво рекомендовал принять участие в одном из самых крупных призов в Европе, для трехлетних рысаков, "Орси Манжели" в Милане стоимостью миллион долларов. Он был владельцем лучшего трехлетнего жеребца ФРГ дербиста Торнадо, которого отправлял в Италию, и предложил отправить Козлова с Сорренто вместе и даже за его счет, сказав при этом, что считает Сорренто класснее своей лошади. Михаил Козлов тоже считал, что Сорренто пришел в самую боевую форму.

Но время еще было советское, без согласия вышестоящей инстанции я не мог решить этот вопрос на месте, тем более, что нужна была виза в Италию для Козлова.

А в Москве наши мудрецы посчитали этот выезд нецелесообразным. Приз же в Милане выиграла лошадь г-на фон Кальпински — Торнадо в резвость 1 мин.15 сек., которая была вполне по плечу Сорренто.

Для приобретения опыта в международных встречах через американскую фирму "Херитаж Спорт" осуществили интереснейшую поездку с наездниками Московского ипподрома Валерием Винницким, Андреем Липатниковым, Александром Ларионовым и Виталием Танишиным по Северной Америке.

Выбор наездников на эту поездку проходил на ЦМИ через чемпионат, в котором в течение трех месяцев принимали участие все желающие. В команду попадали четверо, занявшие соответствующие места.

В Америке наши ребята должны были принимать участие в чемпионатах с лучшими наездниками на разных ипподромах. Лошади примерно одного бегового класса доставались по жребию.

Это путешествие началось с канадского города Монреаля, куда мы прилетели в мае 1989 года. Там нас встретили представитель фирмы с переводчиком и с машиной "Автохаус" (дом на колесах).

В Канаде такие встречи провели на двух ипподромах, в т.ч. на главном — в столице Оттаве. Я сейчас уже не помню детали по занятым местам, но выступления были удачными. Наши мастера своей ездой очень понравились канадской публике, и чемпионаты широко освещались на телевидении и в прессе.

В честь нашей делегации был устроен прием в лучшем, так называемом "Президентском отеле" (где мы и проживали), на котором присутствовали все руководители коннозаводческой общественности Канады, а также официальные лица города и провинции Квебек.

Из Канады переехали в Соединенные штаты Америки. На ипподроме в Нью-Йорке выступлению нашей команды предшествовала торжественная церемония с поднятием флагов СССР и США, исполнением гимнов с солистами — известными певцами Америки.

Кроме Нью-Йорка чемпионаты проводились в Чикаго, Питтсбурге, Буффало и Кливленде. Все советские наездники, несмотря на новые и необычные условия, в т.ч. езда на иноходцах, показали высокий профессионализм, а Виталий Танишин в Кливленде умудрился установить мировой рекорд.

Прогастролировав двадцать дней, совершив экскурсию на Ниагарский водопад, вернулись в Канаду и из Монреаля вылетели домой.

Во время этого путешествия по США произошел интересный эпизод. Переезжая из Нью-Йорка в Питтсбург (штат Пенсильвания) представитель фирмы предложил нам по пути посетить один из частных рысистых конных заводов, сказав, что это совсем близко. Подъезжаем к этому заводу, видим среди прекрасных пастбищ-левад живописную рощу огромных деревьев,

США Нью Йорк. На ипподроме "Янкерс" с наездниками В. Танишиным, А. Ларионовым, А. Липатниковым и В. Винницким

а под ними группу людей, оркестр народных музыкантов, дымящиеся костры и жаровни.

Остановились в двухстах метрах, вышли из машины. Музыканты, и с ними несколько человек, двинулись нам навстречу. Подходят ближе. Вижу среди них одного с широкой американской улыбкой. Лицо знакомое, но вспомнить не могу. С раскрытыми объятьями он подходит ко мне, называет меня по имени. И тут я по его восклицаниям уловил слова "Мюнхен", "Сорренто" и, наконец, узнал в нем Роберта Ки — владельца жеребца Супер Стара обыгравшего в борьбе Козлова на Сорренто в Германии годом раньше. Это и был его конный завод.

Тогда, на заре перестройки и потепления отношений между СССР и США, на Мюнхенском ипподроме нас с Робертом, как представителей этих держав, с почётом усадили в роскошную карету, запряжённую цугом. В ней мы совершили два круга по-

чета под восторженные крики публики. Затем нам вручили сувениры — инкрустированные фарфоровые баварские кубки, наполнили их пивом, которое под комментарии диктора выпили на брудершафт.

Принял Роберт Ки нас, как родных, два дня не отпускал, показал всех лошадей, затащил в магазин и одел нас с ног до головы под американских ковбоев. Пригласил наших наездников сделать тренировочную работу на его рысках. Конечно, с удовольствием они согласились. Выезжает на проездку Виталий Танишин на видном рысаче, который по своему возрасту должен бы быть на ипподроме (4 года), а не на заводе. Интересуюсь у Роберта, и он рассказывает, что Фрекшенс (кличка жеребца) блестящего происхождения и очень способный, но в двухлетнем возрасте получил травму, не позволившую ему выступать на бегах. В порядке шутки, я спрашиваю: “Сколько стоит содержание такой лошади в месяц?” Роберт называет очень приличную сумму, и я предлагаю избавить его от неоправданных затрат и продать Фрекшенса в СССР. Предлагаю за него 20 тысяч долларов — сумма, которую я мог истратить из средств Московского ипподрома. Он посмеялся и ответил, что дешево продавать не хочет, а много за неиспытанного не дадут, так что пусть живет дома.

На вечер нас пригласили в ресторан. Банкетный зал празднично сервирован, множество гостей, телеоператор с камерой, журналисты. Во главе стола два кресла — для меня и Роберта Ки. Когда все расселись, он поднимается с бокалом шампанского, произносит поздравления в мой адрес. Я спрашиваю: “С чем он меня поздравляет?” И Роберт отвечает, что я стал владельцем жеребца Фрекшена, которого он дарит своему другу Казбеку. Встаю и объясняю, что лично подарок принять не могу, но если он дарит Фрекшенса Московскому ипподрому, буду ему очень благодарен. Роберт повторяет, что подарок лично мне и вручает нотариально оформленный акт дарения.

Вся эта процедура проходила перед телекамерой и фотоаппаратами, а на следующий день в газетах штата Пенсильвания

*США Пенсильвания.
С другом
коннозаводчиком
Робертом Ки*

сообщение о широком жесте Роберта Ки вышло под громким заголовком "Коннозаводчик Роберт Ки подарил своему другу из России рысака стоимостью 100 тысяч долларов". Вот так в Америке делают рекламу и паблисити. Вечером жеребец был вручен мне на Питтсбургском ипподроме при большом стечении посетителей.

Прощаясь с нашим гостеприимным хозяином, я пригласил его в СССР в качестве моего гостя и, показав ему свой чемодан, заметил: подарок в него не поместится. Роберт понимающе улыбнулся, похлопал меня по плечу и попросил не беспокоиться.

Примерно через два месяца ночью раздается звонок, и охрана ипподрома докладывает, что на мой адрес прибыл из Франкфурта на Майне спецавтобус с лошастью. Это был Фрекшенс, доставленный из США самолетом в ФРГ, а оттуда в Москву автобусом.

Аналогичный тур-чемпионат по Соединенным Штатам, но уже с лучшими жокеями Александром Чугуевцем, Владимиром Яковлевым, Михаилом Петряковым и Маратом Кожемжаровым был осуществлен осенью 1989 года.

За двадцать дней наши жокеи приняли участие в скачках на ипподромах Нью-Йорка, Детройта, Кливленда, Сан-Диего (Калифорния), Чикаго, Эль-Пасо (Техас) и Луисвилла на ипподроме Черчилл-Даун, где разыгрывался главный приз Америки — Кентуккское Дерби. Это было для наших ребят хорошей школой международных встреч и в тоже время тяжелым испытанием. Ведь им приходилось выступать в скачках- гандикапах, где шансы лошадей выравнивались весом жокея. В Детройте Марату Кожемжарову по жребию досталась лошадь, на которой он должен был, конечно с его согласия, нести вес 53 килограмма.

Перед скачкой, выпаривая в сауне лишний вес, он перенёс судорожный припадок (от обезвоживания). Еле оправившись, он все-таки выступил и даже занял призовое место, а выиграл эту скачку А.Чугуевец.

Нужно отметить, что мастерство наших жокеев было высоко оценено скаковой общественностью и получило хорошие отзывы в прессе. Лишь в Луисвилле произошел неприятный инцидент.

Получив по жребию лошадей, наши жокеи, несмотря на все старания, оказались на последних местах. Для возмущенной публики и для всех стало ясно, что эти лошади были далеко не равных возможностей. Директору ипподрома пришлось во всеуслышание принести извинения советской команде за неправильно подобранных лошадей — участников.

Я уже упоминал, что во всех странах развитого коннозаводства люди, приобщенные к скачкам и бегам, как правило являются представителями высших слоев общества, очень богатые или очень знатные, вплоть до членов королевской семьи. Во всех городах, где мы побывали с жокеями, нас принимали на высоком уровне и обязательно с устройством приемов, банкетов, сопровождавшихся пресс-конференциями, взятием интервью и т.п. Повышенное внимание к нам, мне кажется, объясняется тем, что это было время начала периода нашей перестройки. Американцы, также как и мы возлагали огромные надежды

на демократизацию в нашей стране, окончание холодной войны, свободу слова и печати.

Вся пресса, посвященная нашим гастролям, подавалась под заголовками "Гласность. Перестройка". Приятно вспомнить, что наши жокеи охотно и свободно участвовали в пресс-конференциях, давали интервью и многочисленные автографы.

Особенно большой прием в нашу честь был устроен в крупном городе штата Техас — Сан-Диего, на который были приглашены известные люди русской диаспоры, местные звезды. В программе приема был и музыкальный вечер, на котором исполнялись русские классические произведения. К моему удивлению, под аплодисменты гостей на фортепьяно что-то исполнил наш Марат Кожемжаров.

На этом приеме был преподнесен сюрприз: мэр города Эль-Пасо вручил мне диплом и удостоверение почетного гражданина штата Техас.

США Кентукки. В очередь за автографами советской команды: Яковлев, Петряков, Чучуевец, Кожемжаров, Дзалаев

Московский ипподром не только проводил выезды в разные страны наших рысистых, скаковых, троечных команд, но и часто приглашал на матчевые встречи конников Скандинавии, Франции, Канады, США. Регулярно проводили рысистые и скаковые митинги.

Конгресс соцстран и международные скачки перед развалом социалистического лагеря были проведены в Москве. На прощальном традиционном банкете на столах стояли бутылки только с водой и соками — это были годы активной борьбы Горбачева с главной ра-

Дружеские шаржи американского карикатуриста на Долматова, Дзалаева и Насибова

достью народа, то есть с алкоголем и пьянством. А спиртное было расставлено под столами на потеху иностранным гостям и нашему унижению.

Жалею, что не организовал тогда киносъемку этого подпольного (вернее подстольного) процесса — хороши были бы сейчас такие сувенирные фотографии.

Кто-то из немцев рассказал анекдот в связи с лихой посадкой самолета на Красную площадь немецким парнем Рустом: (Руст смог долететь беспрепятственно до Москвы потому, что раньше наши бдительные дозорные пили водку, поднимая рюмки и глаза к небу, и хоть что-то видя, а теперь пьют, прячась под столом или под одеялом и не видят кто куда летит).

В те годы Московский ипподром часто посещал посол ФРГ в СССР господин Андреас Майер Ландрут — настоящий любитель лошадей, спортсмен и поклонник ахалтекинской породы. Три раза в неделю он занимался верховой ездой на ахалтекинском жеребце из нашей спортивной конюшни, которого впоследствии купил и увез в Германию.

В одно из посещений, в беседе он высказал идею участия советской делегации на предстоящей в городе Эссене (ФРГ) всемирной конской выставке — "Эквитана". Я слышал об этом грандиозном мероприятии, где демонстрируется буквально все, что связано с коневодством и конным спортом, в том числе оригинальные малоизвестные и экзотические породы лошадей, такие как американские поломино и квартер хорс, бразильские "карманные пони" и т.п.

Предложение посла я с удовольствием поддержал с условием, что все расходы (очень большие) примет на себя немецкая сторона. Господин Майер Ландрут оперативно пригласил в Москву главного распорядителя "Эквитаны", и все вопросы были успешно согласованы.

Показать на "Эквитане" мы решили то, что кроме нас никто показать не мог. А именно: группу ахалтекинских жеребцов со всадниками в национальных туркменских нарядах с красочно оформленной сбруей в восточном стиле. Кроме того, предложили продемонстрировать замечательную серую русскую тройку Московского ипподрома с мастером-наездником М. Пупко.

Самое же интересное в этой затее было то, что мы решили доставить в Германию (а это более 2500 километров) команду не машинами, а своим ходом, совершив пробег "Москва — Эссен".

Для подготовки к этой "авантюре" у нас оставалось два месяца. Быстро подобрали семь отличных ахалтекинцев из Туркмении, Луговского и Ставропольского конных заводов, а также всадников из числа работников спортивной конюшни во главе с мастером спорта Владом Колосовым. В команду вошли две молодые конницы-любительницы И. Алесеева и О. Винницкая — ветеринарный врач команды.

Нужно было успеть не просто выехать лошадей, но и научить их исполнять синхронно под национальную музыку сложные пируэты на разных аллюрах и в то же время готовить лошадей к тяжелому пробегу.

В феврале, за месяц до открытия "Эквитаны", в присутствии наших и немецких фотокорреспондентов и кинооператоров с Красной площади был дан

С Кремлёвской площади даётся старт пробегу Москва—ФРГ Эссен. Справа посол ФРГ в СССР Майер Ландрут

символический торжественный старт, и семеро всадников и тройка тронулись в путь...

Весь пробег, конечно, совершить мы не рискнули, тем более дело было зимой. До немецкой границы доехали двумя спецавтобусами, а оттуда 400 километров до Эссена действительно прошли своим ходом.

По пути в городах и поселках нас торжественно встречали и провожали жители Германии и официальные лица, а пресса и телевидение подробно освещали этот пробег. Помню в одной газете был репортаж, где подчеркивалось, что впервые по немецкой земле идут не военные кавалеристы, а дружеская спортивная кавалькада.

Через неделю благополучно прибыли в Эссен, и в день Открытия мы с послом ФРГ совершили на нашей тройке почётный круг. Интерес на выставке к нашим лошадям был огромный. С согласия начконов и директоров конных заводов — владельцев лошадей, которые тоже были в составе команды, почти все ахалтекинцы были проданы.

Большое турне по городам ФРГ совершил с нашей красивой вороной тройкой мастер-наездник Антон Тарабуев.

Зимой 1990 года приняли участие в конно-спортивном празднике, ежегодно (в середине февраля) проводимом в самом модном городе-курорте Швейцарии Сан-Морице. Выступили там в гладких и барьерных скачках с демонстрацией тройки А. Тарабуева.

В первый день митинга жокей Хусейн Касаев выиграл барьерную скачку на жеребце Рисунке Кабардинского конного завода, а А. Чугуевец на Стимуле занял призовое место.

Но через неделю наступил пик акклиматизации и адаптации к высокогорью (2000 метров над уровнем моря) и, как след-

ствие, нехватка кислорода. Все другие участники, в т.ч. немцы и французы, привозят своих лошадей в Сан-Мориц только за один день до старта, избегая таким образом негативных последствий адаптации. Мы же это сделать не могли, потому что, проделав на машинах тяжелый зимний путь около 3000 километров, лошадям нужно было минимум неделю давать отдых. Для немцев, французов и швейцарцев — постоянных участников этого "Винтер Турфа" дорога занимает не трое-четверо суток, как у нас, а максимум восемь-десять часов.

Все скачки и бега в Сан-Морице проводятся на замерзшем озере по плотно и ровно утрамбованному снегу и в довольно приличную резвость. Класс лошадей — участников достаточно высокий, так как сумма приза главной скачки "Гран При Сан-Мориц" на 2400 метров составляет более ста тысяч долларов.

Если кто-то из владельцев лошадей, прочитав это, захочет выступить в этих интересных соревнованиях, могу дать совет.

Готовить лошадей нужно, начиная с конца ноября и желательно в условиях, приближенным к швейцарским. А это возможно выполнить только на Малокарачаевском конном заводе. Кроме того, отдых после тяжелой дороги необходимо организовать внизу в районе города Цюрих, а в Сан-Мориц прибыть за день до старта.

Нерестройка экономических отношений в стране предполагала в будущем финансовую самостоятельность Московского ипподрома и отмену льготного налогообложения на прибыль от тотализатора. Нужно было находить более мощные источники дохода. С этой целью я установил контакты с самой крупной корпорацией в сфере тотализаторного бизнеса в Европе — французской ПМЮ "пари мютель урбан".

Ознакомился с технологией работы ПМЮ в Париже и пригласил их в Москву. Всесторонне рассмотрели возможности вне-

дрения системы тотализатора вне ипподрома в Москве и распространения игры на другие большие города, такие как Ленинград, Ростов и пр.

Был разработан детальный план. К этому проекту привлекалось руководство Московской городской телефонной сети и Министерство связи. В конце 1989 года специалисты — связисты выезжали во Францию для изучения этого вопроса на месте. Львиную долю в затратах принимало на себя ПМЮ, шли переговоры по распределению будущих доходов между ипподромом, ПМЮ и Министерством связи.

Но как только в феврале 1990 года я ушел с ипподрома, дело заглохло, и только сейчас директор ЦМИ В.И. Жуковский энергично взялся за этот проект.

Еще в конце семидесятых я познакомился со знаменитым офтальмологом и бизнесменом С.Н. Федоровым. Знакомство произошло на почве его желания заняться верховой ездой. Поехали с ним в манеж Московского ипподрома; вывели нам подобранного для него коня, и только тогда я узнал, что у него одна нога от колена — протезная. С помощью подставки он сел в седло, поездил, и с тех пор лошади стали его страстным увлечением вплоть до трагической гибели в 2000 году. С.Н.Федоров построил прекрасный конно-спортивный комплекс, собрал отличное поголовье и даже стал разводить ахалтекинских лошадей и американскую породу "тенесси".

Однажды в 1989 году Святослав Николаевич приезжает ко мне на ипподром с группой иностранцев. Предлагает обсудить организацию совместного с немцами нового для нашей страны бизнеса — открыть в Москве "казино" на базе нашего ресторана "Бега".

Абсолютно не веря, что согласие на открытие казино в Москве можно будет получить, соглашаюсь с ним, тем более, что ресторан в последнее время превратился в забегаловку с алкашами и темными личностями.

Но я плохо знал пробивные способности Федорова. На следующий день мы с ним пошли к председателю Мосгорсовета, и, как я и ожидал, получили вежливый, но категорический отказ.

США 1989 г., Штат Кентукки. Осмотр жеребца Фейрузи Форчуна

*Лео Кастелли гн. жер. 1984 г. р.. Отец — Соверейн Дансер от Норсерн Дансера;
мать — Суспиш Нейтив от Рейз э Нейтив*

США. Н.И. Макин с жеребцом Дотсеро

г. Будапешт ипподром. Дочь Лео Кастелли — Ассоль, выигравшая Венгерский Окс. Тренер С. Хубулов, жокей М. Кожемжаров

*США Чикаго. Советские и американские жокеи перед стартом чемпионата.
Я в центре с директором ипподрома*

США Детройт. Саша Чугуевец — победитель чемпионата

США посвящение в почётного гражданина Техаса

США Сертификат почётного гражданина Техаса

США 1999 г. С выдающейся лошадью Америки Скин Двей

США Кентукки. С жеребцом Нуриевым /ему 22 года/

ФРГ на трассе пробега в городе Хелмиштед с мэром города

Англия. С Э.М. Пэрном на национальном конном заводе у памятника жеребцу Милл Рифу

Лондон. Эпсомское Дерби 1999 г. Королевская Трибуна

Эпсом Англия. День Дерби. Королевская Трибуна

Этсом, Сейчас будет дан старт приза Дерби

Для городских властей казино в Москве в то время было просто немислимым. Федоров заявил им, что они тупые чиновники, и потащил меня к первому секретарю Московского горкома партии Зайкову. Разговор был долгим и трудным, но видно уже коснулись и Зайкова веяния относительной свободы и перестройки, и он дал "добро", сказав при этом, что очень рискует собственной карьерой. Так появился в Москве первый "призрак" загнивающего капитализма "Казино Ройял". Долевое участие в нем распределилось следующим образом: немцы 30%, по 25% ипподром и институт Федорова и 20% Мособщепит. Было подсчитано, чтобы полностью запустить казино, нужно затратить восемнадцать миллионов долларов, которые также распределили на всех участников. Тогда я, отказавшись от 15% будущих доходов, настоял на том, чтобы сразу после подписания договора ипподром получал арендную плату за сдаваемое помещение. А это полмиллиона долларов ежегодно, которые стали основной финансовой поддержкой ипподрома в последние десять лет.

Работа на ипподроме и жизнь в этот период осложнялась постоянным напряжением из-за непрекращающихся случаев жульнических заездов или так называемой "левой езды". Для непосвященных поясню. Путем сговора между наездниками фаворит или фавориты убираются с первых двух или трех мест. А на них-то и делает ставки в тотализаторе основная масса публики. Участники же сговора покупают несколько билетов с комбинациями, где лучших лошадей нет. Таким образом, несколько человек обкрадывают честно играющих.

Другой способ, когда без сговора между собой наездник-фаворит проигрывает, а его подельник, зная это заранее, опять строит комбинации в игре без него. Есть и другие способы обмана. Например, наездник "темнит" свою лошадь, несколько раз

умышленно проигрывая заезды. И когда играющая публика уже махнет на эту лошадь рукой, он "выстреливает" на ней на первое место, опять грабя простодушных посетителей ипподрома, купивших билеты с комбинацией, где его лошадь не стоит на первом месте.

Такие заезды происходят чаще всего в будние дни, когда не разыгрываются большие традиционные призы. Этот порок считается неискоренимым, и мой предшественник, например, просто не ходил в эти дни на бега, чтобы не слышать возмущенные крики посетителей.

Я же решил, что смогу выявить и искоренить это на ипподроме. Или хотя бы свести это безобразие к единичным случаям.

На бегах и скачках во всех странах такое явление случается тоже, но очень редко. Во-первых, потому что там солидные призовые суммы, а главное, в случае, если судья (а в спорном случае специальная комиссия) установит такой факт, то наездник или жокей будет навечно лишен права участия в заездах, и об этом сообщается по всем ипподромам мира. Никакой суд даже не примет от него апелляцию.

У нас же все наоборот. Выиграв или заняв платное место, наездник получит мизерную сумму, а за проигрыш будет иметь на несколько порядков больше. Для меня и специалистов не составляло особого труда определить виновных в таких делах. Это профессионалу можно увидеть и на телемониторе. Но еще более четко это видно на распечатке тотализаторных билетов. В последнюю минуту перед стартом в одной или нескольких кассах (кассиры тоже в сговоре с этой мафией) продаются билеты, где в выигрышных сочетаниях нет одного или двух явных фаворитов.

Вызываем виновных сначала "на ковер", уличаем. Они, конечно, отказываются, ссылаясь на разные причины. Принимаемые к ним меры, такие, например, как отстранение на несколько беговых дней или месяцев, эффекта не дают. Уволенные с работы, тут же подают иск в суд. Для суда наши доводы основанием не являются и наездников восстанавливают на работе. Такое же

положение с кассирами, которые числились штатными работниками ипподрома. Уволенные за нарушения кассовой дисциплины или за хамство и грубость с посетителями, идут с жалобами в райком партии и суд. Довели до того, что мы приняли решение уволить из штата всех кассиров и оформлять желающих работать по договорам. В ответ на наши действия — буря возмущений, жалобы, доносы, комиссии из министерства и райкома. Однако мы довели дело до логического конца. Озлобленные наездники и кассиры пишут анонимки, петиции, звонят, угрожая, домой и на работу. Это хроническое зло на ипподроме безусловно можно было изжить или хотя бы довести до минимума, если бы меня поддерживали специалисты, зоотехники, врачи, общественные организации. Мой заместитель — начальник производственного отдела В.В. Чернышов, царство ему небесное, которого я взял на ЦМИ после его освобождения от работы в Минсельхозе, и здесь занял страусиную позицию. Зоотехники, многие из которых были родственно связаны с наездниками, всячески покрывали их.

Например, наездник-фаворит проигрывает заезд, сразу уезжает в конюшню, приглашает врача и тот дает ему справку, что во время заезда лошадь получила ушиб, захромала, поэтому проиграла. Еду на конюшню, осматриваю лошадь, вижу, что цела и здорова. За такие и подобные дела приходилось увольнять и специалистов, вплоть до главных, а Виктору Васильевичу предложить уход по собственному желанию.

То же и с судейством, то ли запуганным, то ли купленным, очень часто принимающим неадекватные решения. Все это отнимало много времени и нервов, выводило из равновесия. И в этом же году были введены обязательные выборы руководителей.

В ноябре 1989 года на выборах руководителей нашего главного органа управления коннозаводства — Всесоюзного производственно-научного объединения конных заводов и ипподромов был переизбран И.Д. Гусев. Начальником объединения был

избран В.И. Иванов, а я — его заместителем, курирующим коннозаводство, ипподромы и ВНИИ коневодства. А через месяц состоялись выборы директора ЦМИ. Желающих на это место оказалось пять человек, в т.ч. один бездарный наездник и один мелкооптовый торговец. Я пригласил принять участие в выборах директора Раменского ипподрома И. Караева. Уже работая в новой должности, я знал, что обиженные и озлобленные наездники и иже с ними любыми путями меня не переизберут, но свою кандидатуру не снял. В предвыборных речах претенденты в один голос заверяли аудиторию наездников, что создадут им райскую жизнь и свободу.

Я тоже выступил и сказал, что делаю и буду делать все для улучшения работы ипподрома и продолжать бескомпромиссную борьбу с теми, кто не хочет работать честно. Во второй тур мы вышли с Караевым, и он, как я и ожидал, набрал больше голосов.

Потом мне рассказывали, кто и как подтасовывал бюллетени. Караев проработал только год. За десять лет на ипподроме с подачи начальника "Росплемконезавода" Антонцева уже шестой директор, а экономически ипподром попросту довели до банкротства, арестованы счета.

Сейчас пришел на ипподром В. Жуковский. Специалист — конник, полковник в отставке. Имеет большой опыт руководства сложным хозяйством конно-спортивного дивизиона ЦСКА. Я лично связываю с ним большие надежды на возрождение Центрального Московского ипподрома, превращение его в центр коннозаводства России и эстетически привлекательное спортивно-зрелищное предприятие столицы.

*“И улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой крик порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья.
И лишь шептал: Спасибо, что живой”*

В. Высоцкий.

Еще во время первого турне с наездниками по США мне было поручено подобрать чистокровного жеребца для использования в заводах в качестве производителя.

В штате Кентукки предложили к продаже восьмилетнего сына Нортерн Дансера — Фейруэй Форчуна, от которого в Америке уже проскакали первые трехлетки, и среди них были победители больших призов, так называемых "Грейд Стейкс".

Отличный по себе, похожий на отца, но более мощный, с хорошей материнской стороной, жеребец очень понравился, и по приезду в Москву я передал все данные на эту лошадь в институт коневодства для заключения.

Мнение института было более чем положительным, и жеребец после всех необходимых исследований в США весной 1990 года был доставлен в Москву.

На Центральном московском ипподроме он был в течение месяца карантинирован. После всех дополнительных проверок состояния здоровья и качества семени, было решено направить его на Кабардинский конный завод при условии что Монконтур, который продуцировал в Кабарде уже более десяти лет, будет переведен на "Восход".

Так и поступили, а через две или три недели получаем известие, что жеребец Фейруэй Форчун на заводе пал с клиникой острых колик.

Немедленно создается комиссия для расследования причин гибели жеребца под председательством начальника "Росплеконезавода" Антонцева с участием профессора кафедры пато-

логической анатомии Московской ветеринарной академии А. Стрельникова и др.

Приглашают и меня в эту комиссию, но я заявил, что делать мне там нечего, лошадь пришла здоровой, месяц наблюдалась в ветлазарете ЦМИ и здоровой передана конному заводу, на что имеются официальные документы.

И этот мой отказ принять участие в работе комиссии был ошибкой. Комиссия привезла в Москву акт вскрытия, подписанный десятью членами, в т.ч. директором, начконом, главветврачом конного завода, а также начальником ветеринарного управления Кабарды, Антонцевым и профессором Стрельниковым.

В заключении комиссии указано, что жеребец пал от разрыва кровеносных сосудов семеника, а причиной этому явился, якобы, хронический воспалительный процесс. Ну и началось... Виноват Дзалаев, купил больную лошадь, и пр.

Но до меня уже дошли слухи о подозрительных делах на Кабардинском заводе, в результате которых в течение последнего времени там погибли помимо Фейрузи Форчуна лучший сын Монконтур дербист Рим и очень ценный импортный жеребец Трастид, купленный в Англии профессором ВНИИ коневодства Э.М. Пэрном, представитель редкой линии Блендфорда, давший хороших скакунов и производителей: Стимула, Банта и др. Кроме того удивило, с какой легкостью был поставлен диагноз о наличии хронического заболевания у Фейрузи Форчуна.

С главным врачом нашего объединения Л. Карабановым поехали в ветакадемию к заведующему кафедрой патанатомии профессору Жарикову. Попросили его пригласить профессора Стрельникова и выяснить, проводилось ли гистологическое исследование ткани пораженного участка, без чего нельзя ставить столь точный диагноз. Оказалось, что профессор Стрельников подписал акт вскрытия, не имея для этого точных данных, однако патматериал взял с собой, и он еще находится в холодильнике академии.

Я спросил профессора, сознает ли он, что подписывая недо-
стоверный акт, он одновременно подписал мне приговор? Жари-
ков вместе со Стрельниковым провели исследование ткани, ко-
торое явно показало, что воспаление семеника было не хрониче-
ское, а острое, что и было заверено справкой кафедры и подпи-
сью того же горе-профессора. Он признался, что на него в Кабар-
де было оказано давление со стороны Антонцева, работников за-
вода и начальника ветуправления республики.

Тогда я настоял на повторной комиссии для выяснения ис-
тинной причины гибели импортного жеребца.

Приказом министра такая комиссия под председательством
профессора, доктора ветеринарных наук И.В. Бобылева, куда
были включены я, наш главврач Л. Карабанов и Антонцев, вы-
ехала в Кабарду.

На конном заводе я решил встретиться с конюхом жереб-
цов-производителей Борном, попросил его рассказать в деталях
как и когда заболел Форчун. И он рассказал, что жеребца при-
везли из Москвы, а это две тысячи километров, поздно ночью,
а в пять утра вывели на случку и покрыли кобылу. Со стороны
руководителей завода это было проявлением дикого невежества.
После этого у жеребца начались сильные колики (острые боли).
Не выяснив причину колик, применяли неправильное лечение,
а через несколько дней, еще больного, снова пустили в случку —
и жеребец пал. Все это подтвердил мне и бригадир маточной ко-
нюшни Михаил Гребенюк. Поинтересовался я также обстоятель-
ствами гибели Трастида и Рима.

Рядовые работники Кабардинского конного завода хорошо
знали меня и откровенно рассказали, как все было.

А было так. Трастида, который проявлял нервозность во
время случки и требовал поэтому особенно спокойного и грамот-
ного отношения, в один прекрасный день заставили сделать семь
садок на кобылу, довели до полного перевозбуждения и нервно-
го стресса, в результате чего он пал прямо в случном манеже от
разрыва сердца. Тогда я поднял документы о падеже Рима, где

в заключении о причине его смерти было сказано — закупорка сонной артерии. Стал искать в протоколах вскрытия подтверждение этого диагноза, который не может быть поставлен без вскрытия черепной коробки и нахождения места тромба. Ничего похожего в акте нет.

Опять пошел к работникам кончасти, которые присутствовали при болезни, гибели и вскрытии Рима. И они рассказали, что у Рима было сильное кровоизлияние в кишечнике и в легких.

По мнению многих (а значительно позже в этом признался и начкон завода) Рим погиб из-за преступно-халатного отношения главного ветеринарного врача хозяйства, который залил ему в легкие препарат, предназначенный для лечения желудочно-кишечного тракта, то-есть попросту убил жеребца.

В работе нашей комиссии принимал участие и начальник ветеринарного управления республики.

Я спросил его, как он подписал акт вскрытия и диагноз смерти без вскрытия черепной коробки, и он без тени смущения ответил, что у них не было пилы для распила черепа.

Ну о чем можно было с ним говорить дальше? Я потребовал вызова на комиссию названных мною работников конной части в качестве свидетелей и очевидцев. Через час нам сообщают, что никого не могут найти. Не знаю, куда они их спрятали, но очевидно припутнули основательно. И это в присутствии директора конного завода Кокова, которого я до этого считал конником и порядочным человеком, а также покровителя этой шайки-лейки Антонцева.

Был составлен новый акт о расследовании падежа Фейрузей Форчуна, где на основании справки ветакадемии причиной гибели было указано острое воспаление семеника с ущемлением в результате грубых нарушений технологии содержания и случки.

На комиссии я высказал и записал в акте особое мнение о необходимости привлечь к уголовной и административной ответственности виновных в гибели всех трех жеребцов, а также покровителей виновных в лице Антонцева, Кокова и начальника ветуправления Кабарды.

Но каким-то образом Антонцеву удалось уговорить председателя комиссии, и дело замяли. А я настолько перенервничал и устал от этих подлостей, что не стал дальше инициировать это дело, высказал в лицо, что я думаю об этих людях и перестал с ними здороваться.

Незадолго до описанного события мне позвонил Антонцев и спросил мое мнение о жеребце Крис Крингл, которого ему предложили купить в Ирландии. Посмотрев все данные родословной и скаковой карьеры этого жеребца сказал, что жеребец представляет определенный интерес для нашего коннозаводства. Антонцев сообщил, что Крис Крингл — односторонний крипторх, на что я ответил: если у жеребца сперма хорошего качества, беды в этом нет, в мире успешно продуцируют выдающиеся производители с односторонним крипторхизмом.

Я прошу читателя вспомнить эти строчки, когда будет описана история с приобретением в США жеребца Лео Кастелли.

Крис Крингл был куплен, провел первые две случные кампании в Кабарде с низкими результатами зажеребляемости. И вот за десять лет его использования в трех конных заводах от него получено мало приплода, да и в скачках его дети оказались бездарными.

Во время поездки в США с жокеями мне снова представилась возможность побывать в штате "Голубой травы" — Кентукки и осмотреть большое количество заводов с выдающимися лошадьми Америки, в том числе и теми, которые предлагались к продаже.

Ничего покупать я не собирался, так как не имел такого поручения, но один жеребец по кличке Лео Кастелли вызвал большой интерес, во-первых, по скаковым способностям, а главное по родословной. Выступая двух и трех лет одиннадцать раз, он три

раза был победителем, три раза вторым и три раза третьим в больших призах. К тому же был участником (правда, без места) в Кентуккском Дерби. Выиграл приз второй группы Петер Пан Стейкс", был вторым в призе второй группы Блу Грасс" Стейкс, где опередил американского дербиста Алишебу и остался третьим в призе первой группы Джером Гандикап" за выдающимися скакунами США. Сумма его выигрыша — 300 тысяч долларов.

Его родословная построена на кроссе лучших мировых линий Неарко — Нейтив Дансер через выдающихся представителей Нортерн Дансера и Рейс Э Нейтив, а прабабушка по матери Нотирдченс — мать Хай Ту Ризена и Хардиқанута — блестящих скакунов и производителей Америки. От Лео Кастелли в том году родились первые жеребята, и я попросил показать их. Для этого пришлось проехать около двухсот километров в три хозяйства. Только что отнятые от матерей жеребята были очень похожи друг на друга, а главное — все в типе отца. Жеребец настолько понравился, что, уезжая, я попросил две недели срока, в надежде уговорить руководство Минсельхоза выделить валюту (450 тысяч долларов) на его приобретение.

Но был конец года, валюты на эти цели не было, и я уже собирался сообщить об этом в США, но тут появились "его величество случай" и "госпожа удача".

За два дня до окончания срока, в течение которого владелец Лео Кастелли ждал нашего решения, в ресторане гостиницы "Минск" состоялся деловой ужин по вопросу выбора президента казино "Роял", о котором я уже упоминал. Сидели мы рядом с С.Н. Федоровым. Я ему рассказывал о поездке в Америку, советовал, что невозможно купить очень хорошего жеребца. Показал его фотографии, расписал его достоинства и предложил купить для коневодческой фермы его института микрохирургии глаза. Он ответил, что чистокровными лошадьми заниматься не собирается, а когда узнал о стоимости Лео Кастелли, то тем более отказался обсуждать эту тему.

Президентом тогда мы выбрали, конечно, Федорова, хорошо это дело отметили, и я, пользуясь его настроением, снова заговорил об этой лошади, пообещав ему, если он даст валюту, добиться в следующем году возврата этой суммы через Минсельхоз. Отношения у нас со Святославом Николаевичем действительно были очень хорошие, и он сказал, что кроме моего слова он хотел бы получить какую-нибудь гарантийную бумажку от Госагропрома.

На следующее утро я зашел к начальнику племглавка Т. Джапаридзе и чуть ли не насильно добился от него письма за его подписью на имя Федорова, с просьбой помочь в приобретении жеребца и обещанием в будущем вернуть долг.

Помчался к Федорову, положил перед ним на стол это письмо. Федоров прочитал и спрашивает: "Кто такой Джапаридзе?" Я стал уверять, что это очень большой начальник. Понимая, что эта бумажка ничего не гарантирует, Федоров сказал, что верит моему честному слову, вызвал бухгалтера и приказал перевести 450 тысяч долларов в США за лошадь.

В феврале 1990 года я находился с командой конников в Швейцарии. Как-то ночью раздался телефонный звонок из Москвы от Валерия Никулина — начальника производственного отдела Московского ипподрома: Лео Кастелли прибыл на ипподром в Москву — и предлагает мне крепче держаться за что-нибудь твердое. Догадываясь что что-то не так, спрашиваю: "Жеребец больной?" "Нет, — отвечает, — здоровый, но комиссия по его приемке второй день безрезультатно пытается отыскать у него второй семенник".

И уже мои доброжелатели подняли вой, и особенно Антонцев и А. Ремизов (бывший зам. начальника Главка Минсельхоза). Он даже написал на имя министра докладную, обвиняя меня в преступно-халатном отношении во время отбора лошади в США. Докладную, которую я читал в Минсельхозовском отделе КГБ, написал от себя и Антонцев, где этот тип вроде забыв, что сам недавно привез из Ирландии Крис Крингла, "патриоти-

чески" доносил: "Дзалаев отобрал бракованного жеребца, заплатив почти полмиллиона долларов."

Известие было для меня, конечно, крайне неприятное. Осмотрев около пятнадцати жеребят — отъемышей от Лео Кастелли, я и не подумал пересчитывать его тестикулы. И возможно, если бы я это сделал, то вряд ли купил его, зная, что в нашей стране у официальных физиологов и разведенцев отношение к односторонним крипторхам было резко отрицательным.

Вместе со мной в Швейцарии был и директор конного завода "Восход" Николай Иванович Макин. Я объяснил ему ситуацию и рассказал, что таких лошадей в США и других странах, если они классные, без ограничений используют в случке. Как, например, выдающийся в те годы производитель Блашинг Грум и др. Макин — ветврач по образованию и вообще толковый человек ответил, что он абсолютно доверяет моему выбору и с удовольствием возьмет Лео Кастелли на свой завод. Дал на имя министра телеграмму с просьбой направить жеребца в "Восход".

Но в Москве вокруг этого стали нагнетать обстановку. Министр поручил провести консилиум самых авторитетных ученых и практиков для решения вопроса.

Предчувствуя, что решение будет не в мою пользу, я позвонил в США и сказал, что у меня серьезные неприятности и посетовал, что они не предупредили меня о крипторхизме Лео.

Американцы ответили, что они готовы принять жеребца обратно и у них есть на него другой покупатель.

После этого на совете "мудрейших" я еще раз доложил о достоинствах жеребца, предложил перепроверить качество его семени и поставить его в "Восход". Ну, а если они решат по-другому, лошадь будет возвращена владельцу, а мы потеряем производителя высокого класса. Меня поддержали профессор Э. Пэрн и доктор А. Ласков. Голосовало пятнадцать членов совещания, и большинство согласилось оставить Лео Кастелли в стране с целым рядом оговорок — ограниченное использование и т.п.

За неполных два случных сезона 1990 и 1991 гг. в "Восходе" от Лео Кастелли было получено около сорока жеребят и после ипподромных испытаний его двух ставок он стал чемпионом среди производителей страны.

Из первой ставки был получен дербист, победитель призов Анилина и им. Буденного жеребец Гул. В ставке 1992 года получена группа выдающихся скакунов: Алмаз выиграл много скачек в России, Дерби в Словакии, неоднократный призер в Чехии и Австрии.

Ассоль выиграла австрийский и венгерский ОКС, Ст. Леджер, второе место в венгерском Дерби. Валдай — победитель Ст. Леджера Швейцарии и призер швейцарского Дерби. Первое и второе место в ОКСе России в 1993 году заняли дочери Лео Кастелли Радиола и Салли. Приз им. Калинина выиграла Флора, приз им. Буденного — Халиф. Также отлично скакали его дети Яхонт, Силуэт, Глинт и др.

В 1999 году приз им. Калинина выиграла уже внучка Лео Кастелли кобыла Салита, а в 2001 году лучшей двухлетней кобылой на Московском ипподроме стала его внучка Адресата.

Скаковой период потомства Лео Кастелли совпал с запретом скачек российских лошадей в странах Германии, Франции и Англии из-за непризнания нашей племенной книги международным студбуком, и это помешало выявить международный класс его детей и особенно таких, как Валдай и Алмаз. Не повезло и Гулу, которого похитили вместе с Алмазом за месяц до его выступления в призе Европы, а двухлетний Алмаз не смог выступить в самом большом призе — Гран Критериум в Париже.

В 1991 году в США удачно проскакали первые дети Лео Кастелли которых я видел сосунками в 1989 году и среди них кобылка Совет Соржн вошла в число лучших двухлетних лошадей Америки, выиграв около 300 тысяч долларов. Летом того же года из США поступило предложение купить Лео Кастелли обратно.

Обсудив этот вопрос с Н.И. Макиным, мы пришли к общему мнению. Учитывая, что на заводе от него растет большая группа молодняка, в т.ч. от ценных кобыл, и если удастся выручить за него большие деньги, которые "Восходу" необходимы, принять предложение о продаже. В Москву прилетел покупатель, который предложил сначала 600 тысяч долларов, затем 800, на что мы согласия не дали, и он уехал.

В августе мы с Макиным были приглашены на розыгрыш крупнейшего приза Америки "Арлингтонский миллион", куда был записан трехлетний сын Раута с жокеем Маратом Кожемяковым.

Он должен был нести в этой скачке вес 56 килограммов, но так и не смог выдержаться (хроническая проблема с нашими жокеями). Пришлось перед стартом просить администрацию ипподрома дать нам свободного жокея. Им оказался весьма посредственный мексиканец и в результате занял всего лишь шестое место при пяти платных и шестнадцати участниках.

Во время пребывания в Америке, мы снова получили предложение о продаже Лео Кастелли. Мы назначили за него два миллиона долларов, и в течение недели шел упорный торг.

В конце концов пришли к следующему соглашению:

1. "Восход" получает 1 млн. 250 тыс. долларов валютой.
2. По нашему выбору в США и Ирландии покупатель оплачивает пятнадцать кобыл стоимостью до 20 тыс. долларов за каждую.
3. Десять отобранных в США кобыл покупатель обязуется покрыть Лео Кастелли и жеребыми доставить за свой счет в Россию, а также пять кобыл из Ирландии.
4. Покупатель оплачивает и доставляет в "Восход" отобранную нами в США кобылу Электив с подсосной кобылкой и жеребой от одного из лучших производителей Америки — Талинумом. Электив с приплодом была оценена в 65 тысяч долларов.

Таким образом, общая сумма с учетом всех наших условий составляла около 1 млн. 750 тыс. долларов. В целом "Восход" от этой сделки помимо пятидесяти голов приплода получил за Лео 1 млн. 300 тысяч долларов чистой прибыли и обновил свой племенной состав ценными жеребцами и кобылами.

В то время в стране был драконовый закон о валютных операциях, по которому от вырученной валюты хозяйству доставалось только 50%, а остальная шла государству.

Пользуясь мандатом депутата Верховного Совета России, членом которого был Н.И. Макин, мы пробились к начальнику управления валютного регулирования Госбанка России и сумели убедить его выдать нам в порядке исключения разрешение не переводить валюту в Россию, а полностью использовать ее за рубежом для приобретения "Восходом" племенных лошадей, машин и оборудования производственного назначения.

Конный завод закупил по импорту австрийскую пекарню, маслобойный цех, кирпичный завод, зубопротезный кабинет, американский джип Форд Эксплоуэр, два автомобиля "Вольво".

А вместо Лео Кастелли в США были куплены жеребцы-производители Обсервейшн Пост, Трипл Бак и Дотсеро. В течение восьми лет эти жеребцы используются на "Восходе", и их приплод доминирует на всех ипподромах страны. Достаточно назвать таких скакунов как дербисты Шават и Бор, выдающийся Вулкан от Обсервейшн Поста; оксистку и победительницу приза им. Калинина Харсанию, классного Апорта — ныне производителя, дербиста—сына Трипл Бака Знатока, Артикула, дочерей оксисток Тару, Сальту, Артуру; Эритель, Гаттерию; сына Датсеро Ригодона, Мудреца, кобыл Голландию, Слободку, Грядду, Гардению, Валду.

Приплод от этих производителей раскупается в "Восходе" начиная с отъемного возраста нарасхват и за очень приличные деньги.

Кобылы, приобретенные в США, и Ирландии стали ценнейшими заводскими матками:

1. Борин — мать дербиста и победителя Большого двухлетнего приза Бора, а также Яхонта и Ямбурга.
2. Сонг Минстрел — мать Слободки.
3. Хе Ассетс — мать победителя приза им. Буденного Халифа.
4. Саммер Скулл — мать оксистки Свессы, Сорренто, Строфы.
5. Леди Лифа — мать. Ледка, Лены, Латника.
6. Электив — мать Эрители и Электры.
7. Принцесса Ху — мать Притчи и Пурсы.

Победителей традиционных призов дали также кобылы Рутис'С Герл, Ройял Черруб, Гробия, Хидвей.

А вот Лео Кастелли, вернувшись в США, был поставлен на один из лучших заводов Кентукки, заявлен по довольно высокой цене в случке, но надежд там не оправдал и сейчас производит в штате Флорида. Правда, от его дочери упомянутой Совет Соржн был получен класснейший скакун Америки Индиан Чарли — победитель одного из самых дорогих призов — Санта Анита Дерби (первая группа), был главным фаворитом на Кентукском Дерби в 1999 году, но остался на третьем месте. Американские конники говорили мне, что мы с Макиным родились "в рубашке", совершив такую удачную операцию с Лео Кастелли.

А наши завистники и клязуники после продажи жеребца в США, стали по углам шептаться и сокрушаться, что Дзалаев и Макин продали лучшего жеребца "Восхода", делая прозрачные намеки, что мы имели при этом личные интересы, забыв о том, как устраивали травлю на меня за покупку "бракованного" Лео Кастелли. И самое неприятное было то, что одним из этих недоброжелательных шептунов оказался Николай Самоволов в то время начкон "Восхода".

Н. Самоволов безусловно был лучшим специалистом из пришедших в чистокровное коннозаводство в середине семидесятых годов. И я всегда относился к нему хорошо, тем более, что он сын одного из самых классных селекционеров России Владимира Николаевича Самоволова, которого я знал лично и глубоко уважал.

Вероятно, Николай был обижен тем, что в 1992 году я, по просьбе Макина, начал работать в качестве заместителя директора "Восхода" по внешним связям, ну и конечно как-то влиял на коннозаводство, хотя при вступлении на эту должность мы откровенно поговорили с Самоволовым, и он выразил полное одобрение.

Да я и не вмешивался в его работу за исключением того, что настаивал на ограничение использования Витстеда и Мистника, которыми он перекрыл за десять лет всех кобыл завода надеясь доказать, что их покупка не была неудачной.

В том же 1992 году ко мне обратился американский бизнесмен с просьбой, купить в "Восходе" трехлетнего жеребца арабской породы, прилично скакавшего на Пятигорском ипподроме. На мой запрос Макин ответил, что этот жеребец им не нужен и они согласны на его продажу, назвав при этом минимальную цену 30–40 тысяч долларов.

Я решил заломить за него в пять раз дороже, и в итоге он был продан, точно не помню, кажется за 120 или 130 тыс. долларов. Для завода это безусловно было большой удачей, был подписан контракт.

Летом 1992 года я поехал в Барселону на Олимпиаду, а Макин пошел в отпуск и выехал на санаторное лечение.

В первый же день по возвращении в Москву получаю возмущенное известие от покупателя этого жеребца о том, что он не может связаться с "Восходом", но по его данным эта лошадь продана кому-то другому. Звоню в "Восход". Секретарь отвечает, что Макин в отпуске и выехал, а Самоволова не могут найти.

Звоню на Пятигорский ипподром, вызываю тренера Шалхакова, в отделении которого стоял этот арабчонок. Шалхаков сообщает, что два дня назад по устному распоряжению Самоволова он погрузил лошадь на коневозку Терского конного завода, которая ушла в Голландию.

Через родственников нахожу санаторий Макина — он в полном неведении, возмущен и даже не совсем верит случившемуся. Решаем задержать машину на границе, если она ее еще не пересекла. Дозвонились в Брест на ветеринарный пограничный пункт, машина еще не прошла. За подписью начальника Главветупра пошел приказ на границу, чтобы машину не пропускали, пока не будет выгружена эта лошадь, отправленная по подложным документам и фактически украденная из хозяйства. Наконец машина, направлявшаяся в Голландию, подошла к границе. На требование пограничников выгрузить незаконно вывозимого жеребца, голландцы ответили отказом. И только на вторые сутки подчинились приказу погранслужбы, выгрузили лошадь, но она оказалась... со сломанной ногой. Перелом был такой, что транспортировка была невозможна, и пришлось жеребца усыпить. Вот такую дикую аферу провел Самоволов со своим другом-подельником начконом Терского конного завода Понамаревым. Думаю, что решение перепродать этого жеребца они приняли в угаре после большой дозы. Другое предположить просто трудно, хотя оно и напрашивается само собой.

История эта с криминальным привкусом кончилась для Самоволова только строгим выговором. Макин не желал огласки, не возбудил уголовное дело, хотя хозяйство по вине начкона потеряло огромную валютную сумму. И только значительно позже, когда стало очевидным, кто распускает клеветнические слухи в наш с Макиным адрес по поводу Лео Кастелли, он был уволен с завода.

В 1990 году продолжились перестроечные новшества в экономике, которые коснулись и нас.

Госагропром был ликвидирован, снова восстановили министерство, а наше государственное производственно-научное объединение главный орган коннозаводства Минсельхоза СССР преобразовано в акционерное общество "Племконесоюз". Выборные директора конных заводов почувствовали себя совсем самостоятельными, начались трения, в конце года от нас стали уходить хозяйства Казахстана, Украины, Белоруссии. Наш президент Иванов подсуетился, мытьем и катаньем выгнал директора Московского конного завода и сел в его кресло. В общем, надвигался период развала и "прихватизации". Предчувствуя, чем это может кончиться, мы с Э.М. Пэрном — заведующим отдела селекции ВНИИ коневодства, обсудив создавшееся положение, решили разработать и предложить работникам чистокровного коннозаводства создать негосударственную ассоциацию — жокей клуб СНГ по разведению и скачкам, объединяющую все чистокровные хозяйства и частные лица по примеру государств с высокоразвитым скаковым бизнесом. В министерстве был согласован вопрос о передаче этой ассоциации всех функций касающихся селекции, испытаний, в т.ч. международных, регистрации и оформления всех документов на чистокровных лошадей, лицензирование, присвоение званий жокеям и тренерам и т.д.

В конце 1990 года в Москве собрали всесоюзное совещание полномочных представителей со всего СССР, где был принят устав, положение, избраны органы управления этим клубом. Президентом стал Е.Е. Готлиб, вице-президентом Э.М. Пэрн. Избранный генеральным директором, я в течение трех месяцев провел всю работу по становлению жокей — клуба, проведя регистрацию и утверждение в Минсельхозе, Минфине, Комитете по антимонопольной политике, Московской регистрационной палате, налоговой инспекции и Госстате. Открыли счет в банке, оборудовали офис и т.д., и т.п.

Подобрали группу специалистов инспекторов для работы на местах заключили договоры с ВНИИ коневодства по ведению Студбука, регистрации и типизации чистокровных лошадей.

В начале 1991 года я ушел с должности вице-президента АО "Союзплемконезавод" и полностью включился в планомерную работу жокей — клуба, который был признан всеми западными странами как основной орган чистокровного коннозаводства стран СНГ, регулирующий разведение этой породы и систему испытаний.

В конце 1991 года мы с Э.М. Пэрном были приглашены в Англию на конференцию Среднеевропейской организации чистокровного коннозаводства, а также посетили "Везербис" и обговорили все вопросы по упорядочению ведения нашей племенной книги. Руководство генерального Студбука согласилось на двухлетний период, за который мы должны были снять все претензии к нашей племенкниге.

Но начальнический зуд и уязвленное самолюбие Антонцева, избранного в руководящие органы жокей — клуба не давали ему покоя.

Летом 1992 года, пользуясь моим отсутствием, он собрал своих бесхребетных и недалеких угодников — директоров Бесланского, Лабинского, Кабардинского, Терского конных заводов, выгнанного с "Восхода" Самоволова и подбил их на выход из жокей-клуба СНГ, заявив: "Мы великая Россия, и нам нужен свой жокей клуб". На этом же сборище его провозгласили Президентом мифического жокей-клуба, не имеющего ни устава, ни положения и нигде не зарегистрированного до сих пор. Хотели привлечь к себе в качестве директора профессора Пэрна, но он категорически отказался участвовать в этой афере. Продолжая блефовать Антонцев объявил всему миру о новом жокей-клубе и о себе — его президенте. Незаконно изготовил бланки и другие атрибуты несуществующей организации, подписывал и заверял различные документы, не стесняясь, выезжал представлять на различные международные фо-

румы. Ну чем не авантюрист? Целый год мы с Пэрном получали недоуменные письма от жокей-клубов и "Везербис", с просьбой разъяснить ситуацию. Мы отвечали, что жокей-клуб России — это фикция, надеясь, что Минсельхоз даст правильную оценку действиям этого деятеля.

Но... все осталось статус кво. Минсельхозу было не до какого-то коневодства, а тем более жокей-клуба, что наблюдается до сих пор.

Развал жокей-клуба внес дезорганизацию во многие вопросы разведения и испытания чистокровных лошадей в странах СНГ и надолго задержал работу по утверждению и признанию нашей племенной книги. А это нанесло существенный урон престижу нашего коннозаводства и материальные потери от практического прекращения экспорта чистокровных лошадей и их участия в скачках Западной Европы.

Десять лет, которые потрясли чистокровное коннозаводство

Теперь я к основному перейду.
Один, стоявший скромно в уголке,
Спросил: "А что имели Вы ввиду
В такой-то главке и в такой-то строчке?"
Ответ: Во мне Эзоп* не воскресал,
В кармане фиги нет — не суетитесь,
А что имел ввиду — то написал,
Вот — вывернул карманы — убедитесь".

В. Высоцкий

Что ни день, нам ясней и слышней
Сквозь надрыв либерального воя:
Нет опасней и нету вредней,
Чем свобода совсем без конвоя.

И. Губерман

После распада СССР, прекратили свое существование и органы управления отраслью, в т.ч. "Союзплемконезавод" и Российское государственное объединение конных заводов, ипподромов и государственных заводских конюшен.

Вместо него была создана странная по своему статусу ассоциация "Росплемконезавод", куда вошли как федеральные унитарные предприятия Бесланский, Лабинский, Кабардинский, Малокарачаевский, Ставропольский и Терский конные заводы (я имею ввиду только хозяйства с чистокровной верховой породой лошадей), так и хозяйства с различной степенью акционирования. Министерство сельского хозяйства России практически

* Эзоп — древнегреческий баснописец — выражал свои мысли иносказательно, маскируя.

сняло с себя ответственность за эту отрасль племенного животноводства, передав свои функции этой ассоциации, хотя это было противозаконно. Не вошли в эту ассоциацию конный завод "Восход", Центральный Московский ипподром, конный завод "Красноармейский".

Руководить этой организацией стал теперь уже избранный тот же Антонцев и его заместитель "крупный специалист" по заготовкам мясных лошадей — Тимченко.

Поверьте, мне очень не хочется упоминать этих деятелей коннозаводства последнего десятилетия двадцатого века. Но я вынужден это делать вновь, чтобы настоящим и будущим конникам было понятно, почему за этот короткий период чистокровные заводы были доведены до такого состояния, что выглядят так, как будто по ним "Мамай прошел".

Я не буду приводить цифры, кто захочет, найдет их, но в этих хозяйствах все показатели по воспроизводству, сохранности молодняка, экономики коннозаводства, качеству лошадей и т.п. упали вдвое. Повсеместно чистокровные лошади на полуголодном пайке, нет кадров, жокеев, тренеров, везде не хватает конюхов, в безобразном состоянии конюшни и территории конной части.

В одном из лучших хозяйств Кубани по урожайности, Лабинском, до последнего года оставались необработанными и незасеянными тысячи гектаров плодородных земель. Разорено поливное левадное хозяйство на Бесланском и Кабардинском конных заводах. Практически утроблено чистокровное отделение Малокарачаевского конного завода. И, толком не родившись, прекратило свое существование отделение Терского конного завода.

Если кто-то бывал на Кабардинском конном заводе десятилетие назад, то сегодня он его не узнает. Эту жемчужину Кабарды с его прекрасными садами и красивой усадьбой превратили в захудалый колхоз.

Самый же накаутирующий удар был нанесен чистокровным конным заводам "Росплекмконезавода" в селекционном отноше-

нии. Упадок в экономике указанных хозяйств можно в какой-то степени оправдать общим кризисом сельского хозяйства России да и то с оговоркой, так как в это же время, например, конные заводы Ставропольский, "Восход" и некоторые другие сумели сохранить высокие показатели в растениеводстве и экономике. А вот падение уровня племенной работы и качества производящего состава произошло по вине конкретных людей — руководителей хозяйств при непосредственном участии начальника "Росплемконезавода".

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров "активной" деятельности в этом направлении. В 1991–92 гг., собрав на этих конных заводах и получив из бюджета валюту, Антонцев вместе с директорами организовал поездку в Ирландию и произвел закупку крупной партии, около тридцати голов, чистокровных лошадей, в т.ч. 15 жеребчиков и 12 кобылок. Происхождение этих лошадей, за малым исключением, было ниже всякой критики.

Часть из них вообще не была способна принимать участие в ипподромных испытаниях, а большинство показало в скачках крайне низкие результаты.

А дальше произошло самое страшное. Все эти жеребцы, место которым в прокатных конюшнях, были поставлены на Бесланский, Лабинский, Ставропольский, Кабардинский, Малокарачаевский конные заводы в качестве производителей. Назову их клички: Бомбино, Саймон, Сармат, Принц Хатим, Ламанш, Кинг Терек, Ист Дансер, Рашен Грум, Стенд Ту, Трон, Викинг, Самарканд.

В течение вот уже восьми лет они производят заводской брак. Лишь один из них — Энтерпрайз выиграл в 1991 году Большой Всесоюзный в на редкость слабой компании, лучшим в которой был восходовский Амур, пришедший из Словакии после тяжелых скачек и далекий от порядка. Это была единственная победа Энтерпрайза в традиционном призе. Но и он, простояв восемь лет на Лабинском и два года на Ставропольском конных заводах, не дал ни одного победителя главных призов — им. Калинина, Большого Летнего, ОКСа, им. Буденного и Дерби.

За эти годы потомство названных жеребцов засорило маточный состав и обрекло конные заводы на многолетнее отставание в классе.

В это же время и на этих же заводах преждевременно пали отличные жеребцы. В 1992 году чемпион производителей СССР Монконтур погиб на Кабардинском конном заводе из-за преступно-халатного отношения работников. Его утром без присмотра выпустили в паддок, прилегающий к маточной конюшне, и тут же выпустили кобыл, многие из которых были в охоте и обступили жеребца. Перевозбудившись, Монконтур пытался преодолеть изгородь паддока, сломал ногу и пал.

А за два месяца до этого я пытался уговорить Кокова передать Монконтура в "Восход" на два года, предлагая взамен на выбор любого из поступивших из США жеребцов: Обсервейшн Поста, Трипл Бака или Дотсеро. Это было бы крайне полезным для Кабардинского конзавода, потому что Монконтур уже десять лет продуцировал в Кабарде и не мог далее эффективно использоваться. Но я уже был для Кокова не авторитет.

Также рано погиб в Беслане классный сын Монконтура — Бомон, а в Лабинском — сын Афинс Вуда Акар — отец оксистки Парчи.

Результат этой, с позволения сказать селекции, не замедлил сказаться. Последние пять-шесть лет потомство этих ирландцев загнало заводы в хронические аутсайдеры даже в простых скачках.

А в больших, традиционных призах Лабинский, Кабардинский, Бесланский заводы даже не участвуют. И только несколько скакунов, рожденных в Беслане, (но конзаводу не принадлежащих) с отъема отлично кормленные, воспитанные и тренированные Сосланом Дзилиховым с сыновьями, полностью за свои собственные средства, хорошо выступают в призах.

Но все равно происхождение этих лошадей от Саймона и Принца Хатима не позволяет им победить в главных призах.

Кобылы, купленные в Ирландии, все поступили в Ставропольский конный завод, который в то время уже возглавлял В.П. Кондратов и, конечно, не имел еще необходимых знаний и опыта в чистокровном деле, иначе не отдал бы последние инвалютные рубли за отбросы ирландского коннозаводства.

Познакомились мы с Кондратовым в конце восьмидесятых годов. Узнав, что он намерен организовать на Ставропольском заводе чистокровное дело, я поначалу отнесся к этому крайне скептически, памятуя о неудачном опыте Новоставропольского конного завода.

Спустя какое-то время, в Пятигорске на ипподроме Владимир Петрович настойчиво уговорил меня заехать на завод и посмотреть его коннозаводство. И я был приятно удивлен увиденным. На фоне упадка на других заводах, здесь, напротив, отрасль выглядела очень прилично. Лошади и конюшни в порядке. Есть люди. Полноценное кормление, расширены пастбищные угодья.

А главное — чувствовалось его твердое желание создать чистокровный завод. Начкомом у него работал и работает Александр Климук, грамотный зоотехник, увлеченный ахалтекинской породой, пришедший из ВНИИ коневодства ради этих лошадей, переведенных из Дагестана, где они находились на грани вымирания. И надо отдать ему должное в том, что сегодня текинское поголовье Ставропольского завода безусловно лучшее в СНГ.

Конечно, главная заслуга здесь принадлежит директору, обеспечивающему коннозаводство всем необходимым. Кондратов сумел убедить меня в серьезности своих намерений и просил оказывать ему консультативную помощь. Особенно в комплектовании маточного состава. Первое, что я посоветовал ему — это избавиться от ирландских кобыл и жеребцов, и чем скорее, тем лучше. Объяснил их полную селекционную бесперспективность. Воспринято это было сначала очень недоверчиво, тем более, что покупали их за собственную валюту.

И второе, обустроить для чистокровного молодняка левадное хозяйство, обеспечивающее потребность в зеленых пастбищах с ранней весны до глубокой осени.

Я уже работал в "Восходе", у Кондратова были очень хорошие отношения с Н.И. Макиным, и мы решили помочь в комплектовании кобыл, хорошим молодняком "Восхода". Что и сделали. Так же как создан "Красноармейский" конзавод с ценным поголовьем, так и теперь — Ставропольский как дочернее хозяйство "Восхода" обладает примерно тридцатью матками, не уступающими классом "Восходу". За это время завод освободился от всех ирландских жеребцов и большинства кобыл.

В 1996 году мне стало известно, что в Англии может быть куплен жеребец Бэллиол Бой из конюшни шейха Саида. Он захромал при розыгрыше итальянского Дерби, где занял четвертое место. До этого был призером двух крупных скачек в компании с лучшими лошадьми Англии. Такими как Пентайр, Сван, Сингшпилл и др. Помимо того, что он сын Нашуана — победителя всех главных призов Англии, его мать Фиеста Фан до Боя дала Сумареца, выигравшего Триумфальную Арку. Хорошо скакала его бабушка Антикуа, от которой отлично выступал жеребец Деррилин, а прабабушка Боя известная в Англии кобыла Нассау, в честь которой учрежден традиционный групповой приз.

На мой запрос ответили, что владелец продавать его раздумал, ему сделана операция на путовом суставе, и он будет скакать дальше. Продолжая следить за его судьбой, через год узнаю, что Бэллиол Бой тренинга не выдержал. Предложил Владимиру Петровичу купить его. Мы выехали в Англию в ноябре, а в марте 1997 года жеребец стоял на Ставропольском заводе. За неполный случной сезон от него было получено десять жеребят 1998 г. рождения от самых разных по классу кобыл. Первые трехлетки прошли испытания в этом — 2001 году. Традиционные призы "Открытия" выиграли его сыновья: в Москве Мотоблок, а в Пятигорске Нэшвик. Там же победительницей приза "Аналогичной" была его дочь Сибириада, которая в "Кубке чемпионов" обыграла лучших лошадей, в т.ч. Арендатора и др.

Сын Бэллиол Боя Брабус в Москве стал победителем Кубка Насибова, самого дорого приза, когда-либо разыгрываемого в России, стоимостью в миллион рублей, оставив в побитом поле лучших трехлетних лошадей страны за исключением захромавшего и снятого Бора.

Ростовское Дерби выиграл также сын Бэллиол Боя — Гребень. Он же седьмого октября этого года стал победителем международного приза — чешского Ст. Леджера, разыгранного в г. Пардубице.

Хорошо скакали и его двухлетние дети. Лучшей кобылой Пятигорского ипподрома оказалась его дочь Храбрость, а в Москве его сын Меридор был вторым во всех больших призах, в т.ч. в Большом призе для двух лет (им. Калинина).

Имея Бэллиол Боя, Ставропольский конный завод может использовать у себя лучших жеребцов страны, что уже и сделано путем его обмена с "Восходом" на Обсервейшн Поста и Трипл Бака.

Описываю это потому, что на мой взгляд Ставропольский конный завод может и должен стать в ближайшие годы серьезным конкурентом любому сопернику, а также выращивать скакунов международного класса.

Но при одном условии, если будет преодолен примитивизм в сознании руководителей завода в вопросах технологии чистокровного коннозаводства. При этом я имею ввиду ложное представление начкона о том, что ахалтекинские лошади такие же чистокровные, и условия воспитания, кормления, содержания для них должны быть одинаковые.

Грубейшей ошибкой является совместное содержание (особенно молодняка) в одной леваде, где в группе из пятнадцати голов, что уже недопустимо, десять текинцев и пять чистокровных. Тоже самое с совместным выпасом маток одним табуном и даже подсосных, численностью до ста голов.

Есть и другие погрешности. Например, когда на классных лошадях в призах скачут малоквалифицированные люди.

Меня удивляет, почему В.П. Кондратов при его стремлении достичь высоких результатов и уже много сделавший для этого, не может или не хочет исключить эти негативы, хорошо понимая, что в чистокровном деле мелочей нет.

И еще. Казалось бы уже есть горький опыт использования бесклассных жеребцов и кобыл. Купленный недавно во Франции и Антонцевым жеребец Палермо, из той же категории бездарно скакавших поставлен Кондратовым на свой завод. Таким образом, снова наступают на те же грабли.

Ночти злонамеренными выглядят действия директоров чистокровных хозяйств "Росплемконзавода" и его начальника по отношению к маточному составу Лабинского, Бесланского, Кабардинского конных заводов.

Помимо уже упомянутой Арабески безвозмездно (?) оставшейся в Швеции, ушла за рубеж за шапку сухарей (десять тысяч долларов в обесцененных рублях) и лучшая кобыла Лабинского конного завода оксистка Парча.

С одобрения "Росплемконзавода" из этих же хозяйств переданы на несколько лет, на крайне запутанных условиях, двадцать пять самых лучших маток частному лицу. Я не сгущаю краски, это именно лучшие кобылы из числа и так небольшого количества оставшихся маток этих заводов, принадлежащих к ценным семействам.

На Лабинском заводе полностью разбазарили гнездовых кобыл-потомков Пристани, Панамы и Испарины. Специалисты знают, что все высококлассные скакуны этого завода происходили только из этих семейств: дербист Павлодар, оксистки Пеларгония и Парча, классные Панагия и Панель, Иртыш, Ингул и др.

Бесланский завод передал г-ну Налоеву более десяти кобыл, в т.ч. дочерей Монконтур от лучших кобыл семейств Лести и Фестины и даже кобылу Фабрику — победительницу всех

призов на Московском ипподроме в возрасте двух лет, в т.ч. им. Калинина и международного приза г. Софии.

Вернув Фабрику в этом году от Налоева, ее тут же снова продали в Кабарду. Продана также победительница традиционных призов кобыла Фабриция. Ранее с завода ушли кобыла Лапилла, очень хорошо скакавшая, а на Красноармейском конном заводе стала матерью дербиста Флагмана и ее полусестра Лолита — бабушка дербиста 2000 года Арканзаса.

То же самое произошло и с маточным составом Кабардинского конного завода, откуда ушли лучшие из лучших.

Трудно представить сколько лет потребуется для восстановления качественного состава этих конных заводов при полном отсутствии достойных жеребцов, даже если там когда-нибудь будут воссозданы нормальные условия для чистокровного коннозаводства.

Раз уж я коснулся сегодняшнего положения дел в чистокровных хозяйствах, позволю себе затронуть конные заводы “Восход” и “Красноармейский”.

Созданный и укомплектованный волею и настойчивостью покойного А.И. Майстренко отличным племенным поголовьем восходского происхождения, а также других заводов, создав им хорошие условия Красноармейский конный завод быстро вошел в число основной группы заводов, соперничающих на дорожках ипподромов.

Этому способствовал и грамотный подбор жеребцов производителей; выводный сын Невер Сей Дея — Контакт, а затем Газолин, Флагман, Монконтур, Арт дали серию классных скакунов, победителей крупнейших призов в СССР. И в их числе три дербиста и четыре оксистки.

Много лет там работает начконом В.В. Шабунин, серьезный и эрудированный в чистокровном деле специалист. В начале девяностых годов он закупил в Англии трех жеребцов. Все три имеют блестящее происхождение и со стороны матери и со стороны отца, особенно жеребец Алрейд. Но все три или не скакали

Большой приз для кобыл выиграла Фабрика /Бант — Фалана/. От лошади налево: жокей В. Мельников, директор ЦМИ К. Дзалаев, тренер Г. Кантиев, профессор Э. Перн. И эту кобылу отдали!

совсем или скакали плохо. После этой покупки мы разговаривали с Шабуниным, и я сказал ему: "Он получит от нескакавших отцов классное потомство, что бывает крайне редко, если родился под счастливой звездой".

Вот уже десять лет эти жеребцы на заводе, от них получено около двухсот жеребят, но ни один из них так и не смог выиграть Большой двухлетний, Дерби, ОКС.

Единственная внучка Лео Кастелли от Алрейда кобыла Салита рожденная и выращенная у частного владельца Ивана Каспаряна, выиграла в 1999 году в Пятигорске Большой двухлетний приз.

В то же время от резко ограниченного в случке Арта за последние пять лет получено всего около двадцати жеребят, среди которых есть и дербист и оксистки, а также классные Агдам, Агния, Азарт, Анфилада, Амплитуда, Арена и Магнус.

Это еще раз подтверждает, что жеребец-производитель должен обязательно сочетать в своей биографии высокий потен-

циал родословной с личной способностью побеждать или быть призером в серьезных скачках.

Последние три-четыре года на опасный путь использования малоценных или вообще бесперспективных производителей стал и "Восход". Как можно ставить на завод с ценнейшим маточным составом бездарного жеребца Кинг Терека? Нескакавшего Тормота? Или далеко не лучшего сына Обсервейшн Поста Апорта? А ведь "Восход", при желании, в эти годы мог заполучить действительно классных сыновей Обсервейшн Поста Шавата или Вулкана, а также одного из лучших сыновей Лео Кастелли.

В принципе же "Восходу" нужен импорт жеребца достойного его маточного состава. Но среди отечественных лично я не вижу ни одного. В России при полном отсутствии целенаправленной селекции, которую ранее осуществлял Минсельхоз через ВНИИ Коневодства, практически утеряна выдающаяся собственная линия Гранита. Пали последние жеребцы этой линии Флоридон, Суздаль и Фабий, а Флагман, которому уже девятнадцатый год, не занесен в Студбук чистокровных лошадей.

Утрата этой линии — невосполнимая потеря российского коннозаводства.

В последние семь-восемь лет широкий размах получило приватное коневладение и коннозаводство. В настоящее время практически ни один традиционный приз не разыгрывается без участия скакунов, принадлежащих частным лицам, фирмам, АО, ООО и др. На мой взгляд это очень благоприятно скажется в целом на прогрессе чистокровного дела в стране.

Во-первых, для конных заводов это основной рынок сбыта, на котором лошади, проявившие себя классными скакунами и молодняк в возрасте от отъема до двух лет, происходящий от

известных родителей, реализуется по очень высоким ценам. Уже не единичны случаи продажи победителей традиционных призов за суммы, превышающие 100 тысяч долларов.

Положительное влияние окажет и обострение конкуренции на скаковых дорожках.

Настораживает другая сторона этой тенденции. Покупатели почти в ста процентах случаев являются представителями восточных и кавказских регионов России. После получения сиюминутных успехов в скачках, эти лошади часто попадают в довольно примитивные условия содержания и в руки малоквалифицированных тренеров и жокеев.

И еще. Многие коневладельцы, увлеченные и азартные люди, заплатив большие деньги, познав азы технологии коннозаводства, начинают дирижировать процессом тренинга, записи лошадей в тот или иной приз и дистанцию, подавляя самостоятельность тренера, даже если тот имеет сравнительно высокую квалификацию и опыт.

Это приводит к частой смене тренеров и жокеев, а отсюда и к негативным результатам.

Нужно сказать, что это проблема не только частных владельцев. Очень ограниченное количество хороших тренеров и жокеев — серьезная беда российского коннозаводства. Убежден, что именно поэтому не стал дербистом жеребец Стабильный и оксисткой кобыла Эритель Ставропольского конного завода.

К великому сожалению, погибли в Татарстане лучшие дети Обсервейшн Поста и Трипл Бака — ведущих производителей России; Вулкан и дербист Знатор, которые должны были стать производителями, тем более, что на большинстве конных заводов используются жеребцы по классу хуже их на несколько порядков.

По тем же причинам не выявлены способности отличных лошадей Азрета Чотчаева — Нешвика и выводного из Англии Чарм Чапа.

То же самое случилось с купленной в Англии замечательной кобылой Гарапани Руслана Фирова; сыном Андорры и Трипл Бака — Востоком Михаила Палькова; сыновьями Обсервейши Поста Сорренто и Саксафоном Павла Ардзинбы, Монологом Андрея Самохина, Сопотом завода Халвичный из Нальчика.

Коннозаводчикам известно, что чем класснее чистокровная лошадь, тем профессиональнее и осторожнее проводится ее тренинг, и соответственно скакать на ней должен наиболее опытный жокей. В этих же примерах все было наоборот.

Не меньше сложностей у частного коннозаводства с воспроизводством и воспитанием молодняка. В основном у владельцев чистокровных кобыл имеется от двух-трех до восьми-десяти голов. Вопросами технологии случки, выжеребки, содержания подсосных маток и жеребят должны заниматься люди грамотные в области ветеринарии, гинекологии, физиологии, что, конечно, в большинстве случаев не имеет места. Невозможно также иметь и содержать для нескольких кобыл высокоценного, а значит и дорогого производителя, и поэтому очень часто потенциально классных маток кроют посредственными или вовсе плохими жеребцами. Часты также случаи аборт, прохолостов и даже гибели замечательных кобыл, таких как, например, дочь Лео Кастелли непобедимая Флора.

Или спаривание суперклассной оксистки Радиолы, да и других ценных импортных кобыл А. Чотчаева с просто плохим жеребцом Уайт Рифом, Люксом и др.

Ряд вопросов этой проблемы можно снять путем организации в таких регионах межхозяйственных случных пунктов, где на паях содержать одного или двух ценных производителей и ветеринарный персонал, как это практикуется во всех странах мира. Такая система существовала в дореволюционной России, где всё коннозаводство было в частных руках, а государство даже оказывало действенную помощь, приобретая для таких

пунктов выдающихся производителей за рубежом. Как, например, пункт трижды венчанного Галтимора.

Есть и другая крайность. Одним из первых частных коневладельцев стал Даут Налоев из Кабарды. Приобрёл по совету и с помощью Н. Насибова в "Восходе" сыновей Лео Кастелли Гула и Алмаза. Выиграл основные призы в России, в т.ч. на Гуле Большой Всероссийский, а на Алмазе в три и четыре года блестяще выступал в главных призах Чехии и Словакии. Нужно сказать, что тренерами этих лошадей были опытейшие люди: Ю. Шалхаков и А. Шавуев, прошедшие многолетнюю школу конюхами и жокеями у Н. Насибова и подтвердившие свое мастерство в качестве тренеров на Кабардинском конном заводе и "Восходе".

Успехи окрылили господина Налоева, и он, помимо приобретения большой группы скаковых лошадей, в том числе и в Англии, в широких масштабах занимался собственным воспроизводством. Два-три года тому назад он имел около пятидесяти маток (больше, чем на иных конных заводах), часть которых была им взята на нескольких заводах на арендных условиях.

Мы несколько раз беседовали с Даутом на эту тему. Я высказывал ему свои опасения столь быстрым и широким размахом очень дорогостоящего предприятия без стабильной собственной базы. Но он, как и некоторые другие "новые русские", уже считал себя непогрешимым в своих познаниях и действиях.

К сожалению, финал его завода крайне неутешительный.

Неудачи, а в скачках без этого не обойтись, несбывшиеся, часто неоправданные надежды могут разочаровать и отвратить от скакового дела владельцев, рассчитывавших на быстрый успех и получение прибыли. Это будет зависеть еще и от того, сможет ли в ближайшее время хотя бы Центральный Московский ипподром значительно поднять стоимость призов, чтобы владельцы могли как-то компенсировать свои затраты.

Но есть в России отдельные фирмы и владельцы чистокровных лошадей, которые работают и живут не только сегодняшним днем.

В начале 1996 года меня познакомили с Марсом Насибуллинным — владельцем агрофирмы «Родина» Ермакеевского района Башкортостана. Этот край мне сразу понравился. Район небольшой, очень компактный находится на западном стыке трех административно-территориальных образований — Башкортостана, Татарстана и Оренбургской области.

Занимая южную часть плато Белебеевско-Бугульминской возвышенности, открытой Оренбургскому коридору, район находится в зоне довольно жестких природно-климатических условий. Землю Ермакеевскую считают краем родниковым, не зря здесь и в республике с любовью поют песни местного композитора Р. Ханнанова. Славится район питьевой водой «Ермакеевские родники». Из больших водных артерий выделяется река Ик, по течению которой, на расстоянии более 100 км, впадают двенадцать речек и многочисленное количество родников.

Район преимущественно аграрный с развитой инфраструктурой. Интенсивное животноводство, а также зерновое хозяйство и пчеловодство.

Марс Насибуллин понравился мне настойчивостью и принципиальностью в достижении цели. Он родился и вырос среди лошадей, не одну ночь коротал с ними на пастбищах. Его родина — поселок Аксаково — расположен в северной приграничной части района на территории Усман-Ташлинского сельсовета. Природа здесь отличается богатством и красотой: высокие холмы чередуются с глубокими впадинами, покрытыми смешанными лесами в основном из ели, сосны вперемежку с березой и липой. Не зря этот край называют «медоносным». В лесах много диких зверей и птиц, всюду глухари, лежбища кабанов, лосей. Главное достояние этих мест уникально чистый воздух.

Поселок был основан в 1915 году Насибуллиным Хабибом, предком Марса, по прозвищу которого «аксак» (хромой), и получил свое название — Аксаково.

Здесь и находится агрофирма «Родина», образованная на базе малого предприятия «Шаг» в 1993 году, учредителем которого стал М.В. Насибуллин.

Президент РБ Муртаза Губайдулович Рахимов, ознакомившись с агрофирмой и ее лошадьми, полюбил и подружился с коллективом, оказывал и оказывает огромную поддержку в становлении агрофирмы «Родина».

Развитию агрофирмы помогали и помогают бывший руководитель Администрации Президента Республики Башкортостан, ныне работающий председателем исполкома Башкирского регионального отделения партии «Единство» Исмагил Ахмадулович Габитов; глава администрации района Д.М. Калимуллин и руководство сельскохозяйственного производственного кооператива «Байрак», бывший директор, возглавлявший данное хозяйство более тринадцати лет М.М. Садриев (ныне исполнительный директор агрофирмы «Родина»), а также в настоящее время работающий директором — Ф.Х. Гибаев.

Для начала было выделено 15 гектаров пойменных земель в аренду и соответствующая техника для обустройства. Сначала конюшня размещалась в небольшом деревянном помещении в поселке Аксаково. Первых скаковых лошадей — Звонок и Базэр — приобрели в 1993 году. Для дальнейшего развития нужны были чистопородные лошади. С этой целью были привезены с Украины и Дона два жеребца — Фаянс и Заряд. В 1995 году на сабантуе в честь 60-летия Ермекеевского района Заряд оказался самым красивым и быстрым.

Ко дню нашего знакомства у Марса уже была скаковая конюшня с несколькими лошадьми, в том числе чистокровным Фаянсом, на котором они успешно выступали не только на местных скачках в Татарстане и других регионах Предуралья и Урала, но даже выиграли на Ростовском ипподроме приз СССР.

Приехал он ко мне с намерением купить несколько голов молодняка в Англии, с расчетом использовать их после скачек для собственного воспроизводства. Я пытался его отговорить от этой рискованной затеи в довольно суровом климате, не веря в возможность создать необходимые условия для чистокровных лошадей, да еще импортированных из Англии. Но Марс был непреклонен, и попросил меня помочь в отборе.

Вместе с нами в Англию отправился М. Алексеев — врач и сотрудник ВНИИ коневодства, который брал на себя помимо функций врача, решение организационных вопросов через своих английских знакомых. В течение недели отобрали трех жеребцов разных возрастов и двух кобыл хорошего происхождения трех и четырех лет, как будущих маток.

Особенно ценным среди них был трехлетний Томба ля Бомба сын Грин Дансера из хорошего маточного семейства. Он был записан годовиком на английское Дерби. В январе мы дважды смотрели его в Ньюмаркете на резвой работе, где он произвел отличное впечатление.

Не менее интересным был купленный из личной конюшни королевы Англии Мэджик Джекшин — внук Данцига по отцу и внук Милл Рифа по матери.

Вся работа по подготовке к отправке и транспортировке была поручена некоему г-ну Рону, который затянул это на два месяца, тем самым выключив их из тренинга и просрочив страховку, а затем без ветеринарного сопровождения отправил в Москву.

Перед подходом к Бресту лошадей напоили холодной водой, и в Москву они прибыли почти все с сильнейшим ревматическим воспалением копыт, так называемым «опоем». Двухмесячное лечение в лазарете ИМИ полного выздоровления не принесло, и Томба ля Бомба так и не смог тренироваться и скакать. Остальные неплохо выступали в местных скачках, но выйти на большую арену болезнь копыт им не позволила.

Но нужно сказать, что всего из трех первых жеребят от Томбы в Беслане выявлен жеребчик — Татарин — призер Большого двухлетнего и победитель Осеннего призов в Москве, признанный чемпионом среди двухлеток.

А единственная дочь Мэджика, и кобылы Чернвуд Нелл из этой купленной партии, гнедая Тулпар, воспитанная у себя дома, стала третьим призером московского ОКСа. Сейчас и Томба и Мэджик используются производителями на Кабардинском конном заводе и на племенной ферме в Адыгее.

Неудача, постигшая М. Насубуллина, не повлияла на его решение заняться чистокровным делом. После того, как я увидел отличные условия содержания и кормовую базу в его хозяйстве, стал оказывать ему помощь в приобретении жеребчиков и кобылок с «Восхода». Купленный им двухлетний Шават стал победителем Дерби 1996 года, а затем дважды — в 1997 и 98 годах — выиграл приз Президента России и занял призовое место в международном призе. Приобретенные двухлетними кобылы Голландия и Гаттерия конкурировали и побеждали в главных традиционных призах России: Голландия выиграла приз Арагвы с места до места, а Гаттерия осталась третьей в Дерби и второй проиграв полкорпуса, в дорогом (160 тыс. долларов) международном призе в Стамбуле. Жеребец Ватман был третьим в Дерби 1998 года, и выиграл приз «Насибова», установив новый рекорд на 2000 метров.

Результаты участия в соревнованиях 2000 и 2001 годов агрофирмы «Родина» характеризуются следующими данными: в Казахстане на международных состязаниях «Туркестану — 1500 лет» в октябре 2000 года жеребец Акбар, на дистанции 3200 метров занял первое место; на Открытии летнего скакового сезона в Москве в мае 2000 года кобыла Гаттерия в призе. «Вступительный» на дистанции 2000 метров заняла первое обиграв лучших лошадей старшего возраста. На состязаниях в Актюбинске на дистанции 1600 метров Тулпар — первая, жеребец Мандат на дистанции 2000 метров — первый. На республиканских состязаниях посвященных Дню России в июне 2001 года, выступая как лошадь Президента РБ, кобыла Тулпар на дистанции 1600 метров заняла первое место.

И Шават и Ватман в 2000 году поставлены производителями. В случной кампании 2001 года агрофирма «Родина» имела уже десять кобыл, подобранных под лучшего сына. Лео Кастелли — Валдая, а также Шавата. Чтобы судить о качестве кобыл, достаточно упомянуть, помимо импортированных из Англии дочерей Вудмана и Арктик Терна (Натали Вууд и Чернвуд Нелл), восходовских Валту от Лео Кастелли и Встречи, Саргу от Раута

и Сонг Минстрел, Эчеду от Дотсеро и Эмиры, Голландию (Дотсеро — Гастроль), Гаттерию (Трипл Бак — Гида) а также молодую Тулпар.

Учитывая суровую зиму Башкирии, Насибуллин договорился с Лабинским конным заводом о содержании кобыл на Кубани. В свою очередь Лабинский завод получил возможность использовать лучшего сына Обсервейшн Поста — Шавата.

Ипподромные успехи Марса Насибуллина — это не только результат хорошего происхождения лошадей. Было уделено особое внимание людям, работающим с ними. Он сумел привлечь к себе Николая Насибова, работавшего у него до конца своей жизни, а после Насибова тренингом занимались известные мастера Алим Кулик, Сослан Дзилихов, Макс Кантакузин, Андрей Ляхов. В 1998 году М. Насибуллину было присвоено высокое звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Республики Башкортостан».

Лошади обеспечены всеми необходимыми кормами и подкормками, отличными пастбищами-левадами, самой современной скаковой сбруей.

Конюшня оснащена на зиму колориферным отоплением, а для тренперсонала построено жилое помещение со всеми удобствами.

Нельзя не отметить внимание и помощь, оказываемые этой фирме со стороны руководства республики и района и лично Президента М. Рахимова.

При их активной поддержке проведена реконструкция старого животноводческого помещения под конюшню, в которой в настоящее время содержится 16 лошадей. Есть отдельный отсек для кобыл, выгула жеребят, другой — для жеребцов. Вблизи конюшни построен гараж на 5 автомашин. Имеется прекрасный шестиместный спецавтобус марки «Мерседес», рассчитанный для транспортировки лошадей на любые расстояния. Начато строительство еще одной современной маточной конюшни, за очень короткое время был оборудован крытый шпрингартен для тренинга молодняка в непогоду. К хозяйству проложена ас-

*Момент встречи Президента РБ
М. Рахимова в Ермекеево
(справа глава администрации
района Д.М. Калимуллин)*

*Участники семинара
на агрофирме "Родина"
во время показательных скачек*

*Подарок Президента
Республики — спецавтобус
марки "Мерседес" для
транспортировки 6 лошадей*

Натали Вуд

Сарват

Показательные скачки

Балтимор, Приз г. Москвы

Москва 1989г., Жеребец Рим — победа в призе "Элита", Жockey В. Яковлев, тренер А. Шавуев

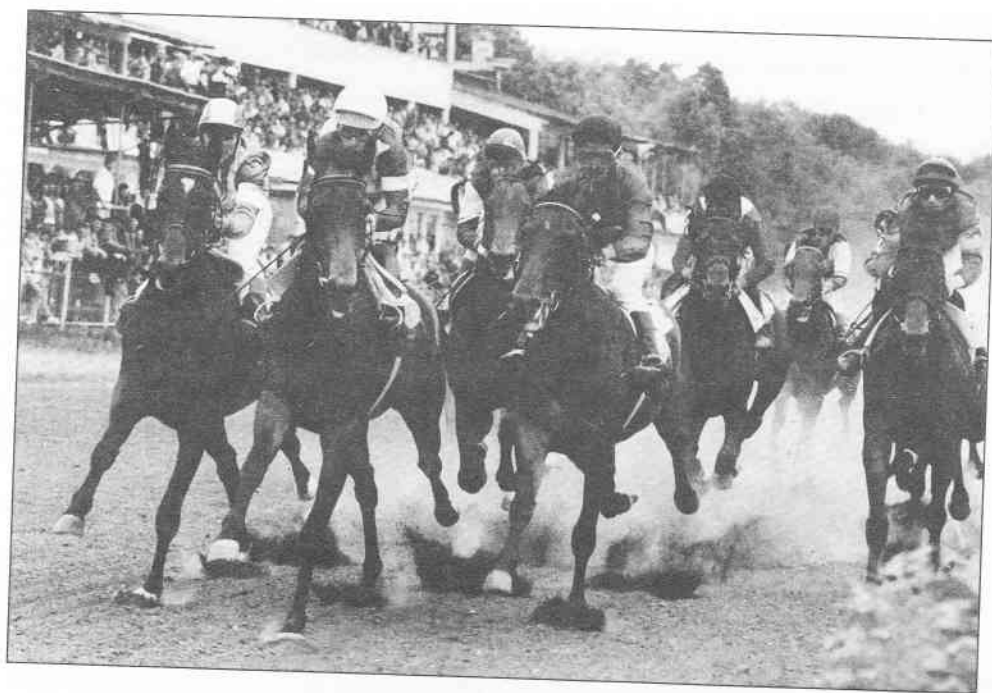
Париж, ипподром Лоншам. Перед стартом приза "Марселя Буссака". В центре жокей Горли, слева А. Мартыненко, справа К. Дзалаев

Париж, Лоншам, где разыгрывается Приз Триумфальной Арки

Приз президента России

Большой Всероссийский Приз /Дерби/

фальтовая дорога, территория полностью благоустроена, посажены ели и другие культурные растения, недалеко сооружена огороженная по всем требованиям скаковая дорожка-ипподром протяженностью 1600 метров.

Признанием заслуг агрофирмы «Родина» явилось то, что в сентябре 2001 года здесь был организован семинар-совещание глав администраций городов и районов, руководителей министерств и ведомств, членов Кабинета Министров и Администрации Президента Республики Башкортостан. В работе семинара-совещания приняли участие Президент Республики Башкортостан Муртаза Губайдуллович Рахимов, Председатель Государственного Собрания республики К. Б. Толкачев, Премьер-министр Р. И. Байдавлетов. С огромным интересом они знакомились с Ермакеевским районом, агрофирмой «Родина» и конечно, со всеми лошадьми. Была организована выводка скакунов и жеребят, гости наблюдали за скачками именитых лошадей.

Можно надеяться, что со временем целеустремленность и настойчивость, а также большие затраты оправдаются и окупятся успехами на российских, и зарубежных ипподромах.

Свое увлечение чистокровным коннозаводством М. Насибуллин передал и сыну Ильдару, который с интересом вникает в дело отца, изучает родословные и заносит все данные по своему, уже можно сказать, конному заводу в компьютер.

Есть, конечно, сложности и проблемы. Одна из них — тренер и жокей, к которым у Марса повышенная требовательность. Посмотрев скаковой мир за рубежом и отношение к делу тренперсонала, а также полугодовой опыт работы в конюшне Н. Насибова, он не может мириться ни с какими упущениями, и не многие выдерживают его контроль.

Учитывая эти требования, администрация Ермакеевского района открыла с 2000 года школу жокеев при Ермакеевском ПУ-140 на базе агрофирмы «Родина». Для чего приведена в надлежащее состояние материально-техническая база училища. Решаются кадровые вопросы. Строится конюшня с крытым

шпрингартеном, классы-кабинеты, рядом построен ипподром с беговой дорожкой более 1200 метров.

По-моему, Марс Насибуллин избрал сейчас правильный путь, воспитывая будущих мастеров скакового дела из местных ребят, среди которых есть очень способные.

Было бы крайне желательно, чтобы наиболее перспективные из них прошли стажировку на одном из ипподромов Запада.

*"Я от суда скрываться не намерен
Коль призовут, отвечу на вопрос:
Я до секунд всю жизнь свою измерил
И худо-бедно, но тащил свой воз."*

В. Высоцкий

Нятьдесят лет жизни отданы любимому делу — коннозаводству. Были успехи и победы, ошибки и неудачи, но никогда не было и нет сейчас равнодушия, спокойного отношения к происходящему.

Многие руководители и специалисты, предвидя в какой-то степени угрозу для коннозаводства в эпоху развала страны и сумбурной приватизации, пытались что-то предпринять.

С директорами ведущих хозяйств: Макин Н.И. ("Восход"), Миков Г.С. (Пермский), И.Д. Гусев (Московский), В. Когтев (Московский ипподром) посетили одного из первых министров сельского хозяйства перестроечного периода Г.В. Кулика. Состоялся обстоятельный разговор, на котором было принято наше предложение. Оно заключалось в создании национальной ассоциации, входящей в министерство, в которой сосредоточены двенадцать ведущих конных заводов с племенным ядром основных пород: чистокровная верховая, арабская, орловская рысистая, тракененская, ахалтекинская и буденновская. Был подготовлен приказ, но буквально через неделю Кулик был снят с работы, и началась чуть ли не ежегодная смена руководства Минсельхоза.

С Н.И. Макиным мы попытались убедить министра Хлыстуна в необходимости предотвратить уже появившуюся тенденцию к упадку коннозаводства. Он даже созвал совещание, прошедшее, к сожалению, в обычном "совковом" исполнении, на котором усилиями чиновников от коневодства главные вопросы были заболтаны.

В течение последнего года я имел длительную беседу с начальником департамента племенного дела В. Шапочкиным; писал первому заместителю министра С. Данкверту, курирующему животноводство и племенное дело, имел встречу с самим министром — заместителем Председателя правительства России. К сожалению, пока никаких конкретных мер не заметно. Но, как говорится, надежда умирает последней.

Вспоминая события и факты, свидетелем, очевидцем и участником которых был, я старался, насколько это возможно избежать искажений и тенденциозности.

И, безусловно, по всем вопросам коннозаводства и к затронутым личностям высказываю свою собственную позицию, возможно отличную от мнения других, и не претендую на истину в последней инстанции.

Россия дала миру талантливых конников, начиная от Алексея Орлова, Федора Ростопчина, Василия Шишкина, Михаила Лазарева, упомянутых в книге выдающихся селекционеров, тренеров и жокеев советского периода, обогатила коннозаводство новыми породами и собственными линиями, а также класснейших скакунов и спортивных лошадей известных всему миру.

Очень хочется надеяться и верить, что в ближайшее время появятся люди, которые не позволят утратить славу российского коннозаводства и результаты многолетних трудов.

Гнедой жеребец Шават /Обсервейшн Пост — Аренда/. Победитель приза Дерби-96, Приза Президента Российской Федерации-97, 98 гг.; призер международных скачек в Венгрии, Турции

Гнедой жеребец Ватман /Трипл Бак — Встреча/ Всероссийский рекордист на дистанцию 2000 м. Приз памяти выдающегося тренера и жокея международного класса Н.Н. Насибова